

Елена ПАПАНОВА

Хочу
рассказать...
книга об отце

**Елена
ПАЦАНОВА**

*Хочу
рассказать...
книга об отце*

Елена
ПАПАНОВА

Хочу
рассказать...

книга об отце

ЭКСМО
МОСКВА
2009

Оформление серии *А. Новикова*

В книге использованы фотографии
из архива семьи А.Д. Папанова

Папанова Е. А.

П 17 Хочу рассказать... Книга об отце / Елена Папанова. — М. : Эксмо, 2009. — 384 с. : ил. — (Стихи и биографии).

ISBN 978-5-699-33048-5

Анатолий Дмитриевич Папанов был человеком скромным, закрытым. Больше всего на свете он любил свою семью, свою профессию, свой Театр Сатиры, где прослужил без малого 40 лет. И «свою» Москву — Усачевку, Лужники, — где, гуляя, заучивал роли.

Елена Папанова, актриса Театра им. Ермоловой, рассказывает в этой книге об отце, о его родителях, о том, как он воевал, о своем детстве и юности, о людях, с которыми он дружил. И среди них — младший коллега по театру и партнер по фильмам Андрей Миронов, которому посвящена отдельная глава.

Это откровенная и добрая книга с милыми сердцу подробностями жизни и быта послевоенной Москвы с ее коммуналками и их нравами, с тихими и уютными переулками. Предисловие к книге написал художественный руководитель Театра Сатиры Александр Ширвиндт.

УДК 82-94:792.0
ББК 85.374-8

© Папанова Е. А., 2009

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-33048-5

Предисловие

Перед Вами, предполагаемый читатель, монолог Елены Анатольевны Папановой — дочери огромного русского артиста Анатолия Дмитриевича Папанова. Хотел написать — великого, но постеснялся — не потому, что Анатолий Дмитриевич не достоин этого «звания», а потому, что сегодня, увы, эпитеты — великий, звезда, гений — девальвированы настолько, что хочется придумать определение, хотя бы не замусоленное случайностью.

Назвать Леночкину книгу литературой было бы нахально — она не писатель, она актриса, и главное — она дочь! Ее скрупулезные воспоминания об отце вызывают чувство белой зависти у нас — «уходящей натуры» папановского периода театральной эпохи. Монолог Лены ностальгически переносит нас в аналогичные эссе XIX века, где дети помнили, любили и знали свои корни и пытались в мемуаристике воспроизвести образ близкого человека.

Сегодняшние книжные полки завалены воспоминаниями, в основном о событиях, делах и личностях, к которым авторы никакого отношения не имели и, пользуясь редакторской безнадзорностью, придумывают биографическую «клубничку» о знаковых фигурах прошлого, идя на поводу низменных и модных нынче вкусов. Любовь и боль сквозят в каждой главе данного повествования — любовь к отцу, боль утраты. И гордость за удивительного артиста.

Материала так много, так подробно и документально рассказывает Лена об Анатолии Дмитриевиче, что в целом возникает не только образ Папанова, а очень яркий портрет эпохи как срез биографии всей страны.

Александр Ширвиндт

Пролог

ЯБЛОКИ НА СНЕГУ

Осень 1986 года. Мы с папой решили поехать на несколько дней на дачу. У отца эти дни были свободны, а я не работала, сидела с детьми. Полтора года назад у меня родилась младшая дочка Надя, и я оказалась в длительном отпуске.

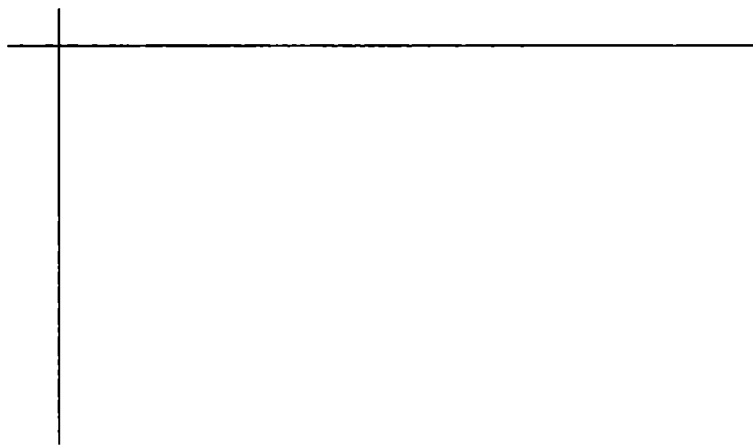
После ужина я уложила детей спать, и мы с папой сели у телевизора. Заканчивалась программа «Время». Прогноз погоды нас встревожил: в ночь ожидалось снегопад и заморозки. А ведь у нас в саду еще осталось на деревьях столько яблок, которых мы не успели собрать летом! Некоторые уже упали на землю... «Надо спасти урожай!» — решительно сказал отец. И вот, тепло одетые, обутые в сапоги и вооруженные фонариками, мы

идем в сад. Обещанный сводкой погоды снег уже пошел. Он падал большими хлопьями, а мы светили фонариками и под монотонным снегопадом собирали дары лета... Работа была долгая и трудная: не выдерживавшие тяжести мокрого снега яблоки падали на землю и словно ждали когда их поднимут. Это был незабываемый вечер: яблоки на снегу и рядом папа, увлеченный таким необычным «сбором урожая».

До ухода отца из жизни оставалось меньше года.

Усачевка

Усачевка — местность на юго-западе Москвы, в районе современных улиц Усачёва и Ефремова, между Большой Пироговской улицей и Комсомольским проспектом. Название (начало XIX в.) — по фамилии купцов и домовладельцев Усачёвых.

Будучи дочерью актеров, я не росла «ребенком кулис», потому что имела замечательных бабушек и дедушек. По обеим линиям. Сначала расскажу о папиной. Его маму звали Елена Болеславовна Равковская (в девичестве). Она была полькой по национальности, но жила в Западной Белоруссии, что по тем временам не было редкостью. Меня назвали Еленой именно в ее честь. Ее родные жили под Брестом и до 1939 года, до присоединения этих земель к Белорусской ССР, не могли с ней встречаться, так как к этому времени бабушка уже жила в Советском Союзе. Там, в Беловежье, у бабушки осталось много родственников. А ее родной брат после революции уехал в Америку, где и прижился, обзаведясь семьей. Долго о нем ничего

не было известно, но наконец он послал кому-то из родных весточку, поведал о себе. В семье о нем говорили резко. Во времена холодной войны из-за такого родственника можно было схлопотать большие неприятности. Этого опасались все, а пуще всех — дедушка Дима, папин отец. Он был военным, интендантом, и у него своих проблем хватало... Но об этом чуть позже. Как любой военный, Дмитрий Филиппович Папанов странствовал по городам и весям вместе с семьей. Дочь Нина, моя тетя, родилась в Нижнем Тагиле, а сын Толя, мой папа, — в Вязьме, в Смоленской области. Между прочим, там, в местном музее есть целый раздел, посвященный моему отцу.

Дедушка Дима обожал театр. Интересовался актерами, сам ставил любительские спектакли и играл в них. И, хотя чаще всего это происходило в маленьких военных городках, его подраставший сын Анатолий тоже пристрастился к увлечению отца. Он и впоследствии признавал, что именно Дмитрий Филиппович увлек его театром: мальчишкой занимал в тех же спектаклях, в которых играл сам, заставлял, по мере сил, ставить декорации, «заряжать» реквизит. Это были первые шаги в искусстве Анатолия Дмитриевича Папанова, моего папы.

В одном из интервью отец вспоминает: «Я из очень дружной семьи. Отец мой, Дмитрий Филиппович, коренной туляк. Он участвовал в войне 1914 года, а позднее служил в интендантских частях. Отец был очень скромный, деликатный, даже, можно сказать, галантный человек, несмотря на то, что особого образования у него не бы-

ло. У него были хорошие руки умельца, за что бы он ни брался — чинить, красить, ремонтировать, писать, — все делал замечательно. Почерк у него был каллиграфический, часто он советовал нам с сестрой заниматься по часу в день чистописанием, видя наши далеко не стройные строчки в тетрадях. Любовь к театру, возможно, зародилась и передалась от отца. Он, живя с семьей в Вязьме, а затем в Полоцке, принимал участие в любительских спектаклях».

В Вязьме Дмитрий Филиппович Папанов играл яростно, целиком отдаваясь образу Крутицкого в пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Драмкружком руководили С. Морской и Н. Плотников, которые уже тогда посоветовали ему идти на профессиональную сцену. Когда семья пересехала в Полоцк, то там Дмитрий Папанов был главным героем в драмкружке, исполняя буквально все роли. Достаточно сказать, что в «Русалке» Пушкина в очередь играл Князя и Мельника. Эти спектакли пользовались большим успехом у публики, потому что в городе не было профессионального театра. У нас сохранилась фотография, на которой запечатлены все участники самодеятельности вместе с актрисой Художественного театра Лучезарской. Она была руководительницей их драматической студии, вернее, кружка. Сына старший Папанов приучал к сцене с детства. Дедушка рассказывал, как маленький Толя сидел на коленях у актрисы, игравшей Кручинину в «Без вины виноватых» Островского, а его старшая сестренка Нина стояла рядом. Папе было тогда три года.

Артистическая карьера деда оборвалась резко — жена не поддержала этого увлечения мужа, поскольку кормилец почти не бывал дома. Кроме того (оцинкованное корыто, очень большая ценность — в нем стирали белье и купали детей) было унесено в самодеятельный театр и разбито вдребезги после того, как по нему молотили ногами, имитируя раскаты грома в пьесе Островского «Гроза». Бабушка поставила вопрос: «Или мы, или сцена». Семья победила. С театром было покончено.

Трагедия произошла внезапно. В городке, где заведовал воинским хозяйством дедушка Дима, сторел склад. Деда не привлекли к уголовной ответственности, но выгнали из партии. По тем временам это могло кончиться весьма печально. Наша единственная и неделимая коммунистическая партия безжалостно карала «вредителей». Но Дмитрию Филипповичу повезло: он отделался просто отставкой из армии. И перебрался с семьей в Москву, где поселился в комнате коммунальной квартиры в небольшом кирпичном доме на улице Малые Кочки (теперь улица Доватора).

Район Усачевки папа считал своей малой родиной. Здесь была школа, где он учился, а в ней — драмкружок, где Толя Папанов вдохновенно читал стихи. В одном из последних интервью папа сказал корреспонденту: «Любовь к родному городу начинается с любви к своей улице, с преданности своему театру. Звучит это, может быть, банально, но ведь это так, Вы согласны со мной?» И с этим нельзя не согласиться: понятие «малая родина» будет всегда актуально. Для отца это бы-

*Конец 20-х годов. Папа со своими родителями
и сестрой Ниной*

Толя Папанов с сестрой Ниной

ла Усачевка и все окрестности, прилегающие к ней. В том же интервью он продолжает: «Усачевка — старая улица моего детства. Сейчас в том районе проходит многоэтажный Комсомольский проспект, взлетает на Ленинские Горы метрополитен. А тогда были небольшие деревянные домики, пруды, где мы пацанами ловили карасей, купались, катались на коньках».

Чуть позднее, работая токарем в ремонтных мастерских 2-го Московского шарикоподшипникового завода, он робко мечтал о театре. Неподалеку был клуб завода «Каучук», а там — известный в те годы Народный театр, коллектив которого получил первое место на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности за постановку комедии Шекспира «Укрощение строптивой». Мой папа, тогда еще совсем юный, сыграл там роль Гортензио (что впоследствии помогло ему на вступительных экзаменах в ГИТИС). В заводской самодеятельности он сделал первые шаги в мир профессионального театра, потому что коллектив там был действительно сильный, и на спектакли в «Каучук» приезжали даже профессора театральных институтов...

В одном из интервью Папанов вспоминал: «С самого детства был влюблен в театр, а особенно в кино. Я не был исключением среди мальчишек 30-х годов, которые по многу раз смотрели «Чапаева», трилогию о Максиме, «Семеро смелых», «Цирк», «Веселых ребят»... Я, как и сверстники, восхищался героями Б. Бабочкина, Б. Чиркова, Л. Орловой, Т. Макаровой.... Удивительное было время: мальчишки мужали, воспитываясь на примерах

Толя с отцом и сестрой

прекрасных, мне кажется, даже вечных фильмов, замечательных мастеров экрана.

Но я был не только зрителем. Столь же самозабвенно снимался во многих картинах: «Суворов», «Минин и Пожарский», «Степан Разин». И даже в картинах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Правда, ролей у меня не было, это было только участие в массовых сценах. Что только не приходилось делать: переплывать ров, что был напротив «Мосфильма», в атаку ходить с криком и гиканьем. Недавно, между прочим, увидел себя в «Подкидыше», но пришлось очень постараться, чтобы найти и узнать себя в толпе на вокзале. Так что киноактер я с довоенным стажем».

Конечно, участие в массовках было небольшим заработком на карманные расходы.

С детства папа обожал играть в футбол. Сколько у каждого из нас романтических воспоминаний об этой поре! Заброшенные дворы — пустыри, и ребята предвоенной Москвы, не знавшие настоящих бутсов и кожаных мячей, самозабвенно гонявшие с утра до вечера без перерыва на обед пустую консервную банку или нечто круглое, сшитое из тряпок.

Был он тогда, как теперь говорят, в хорошей спортивной форме. Мускулы качали не какими-нибудь специальными упражнениями, а так, между делом. Мать, к примеру, попросит его сбегать за керосином в лавку, а два бидона — это килограммов двадцать. Вот он бежит с этими бидонами, а времени в обрез — надо еще столько успеть за день сделать! И клумбу под окнами вскопать по просьбе дворника дяди Миши, и поработать на

строительстве стадиона в Лужниках, который только закладывался, да и на «Мосфильм» поспеть.

Семье отставного интенданта жилось нелегко. Бабушка Лена, утонченная полька, работала здесь же, на Усачевке, на хлебозаводе. А ведь раньше у нее была профессия с таким манящим для меня названием — «модистка». Бабушка делала модные шляпки. А в те времена даме без шляпки и на улице было неприлично выйти. Елена Болеславовна владела этой профессией в совершенстве. Помню, когда я была совсем маленькой девочкой, мы приходили с папой в гости на Усачевку. Но, как всякий ребенок, я совала нос, куда не следует, заглядывала в ящики, комоды, в шкаф. И в шкафу находила болванки, на которые модистки примеряют шляпы. Вот тогда меня охватывал воистину младенческий ужас!

Когда отец работал токарем в ремонтных мастерских завода, с ним произошла неприятность. Хотя их бригада была хорошая и дружная, но кто-то из рабочих совершил кражу стройдеталей. Шел февраль 1941 года, с воровством было очень-очень строго. Всю бригаду арестовали и увезли в Бутырку. На допрос вызывали каждого в отдельности. После допроса Папанова следователь понял, что наивный юноша вряд ли способен на такое. Ведь ему было всего девятнадцать лет. На девятые сутки его отпустили домой. Дома ждал тяжелый отцовский кулак — родитель не стал ни в чем разбираться, но не рассчитал силу — несколько недель жертве произвола пришлось поваляться дома. А через несколько месяцев началась война, которая внесла поправки во все

Толя и Нина с мамой

людские судьбы. Мальчишку забрали на фронт. Он попал на передовую. Отец воевал на юго-западном направлении. Второй Украинский фронт. Был зенитчиком, артиллеристом и пехотинцем. Его ровесники вынесли на своих хрупких плечах огромную ношу. Они верили в победу, жили этой верой, испытывая ненависть к врагу.

Трудное было время, но и на фронте жизнь продолжалась. Всякое в ту пору случалось — трагическое и комическое всегда шагают рядом, даже на фронте. Однажды, в конце 1941-го получил их взвод приказ взять одну деревушку. Пошли в атаку и вернулись обратно. Да не все: из сорока бойцов взвода вернулись только двенадцать. А приказ никто не отменял, значит, надо его выполнять.

В деревне этой жителей не было: кто в лес ушел, кого фашисты побили. И тогда солдаты решили провести артиллерийскую подготовку: так перепали оборону противника, что, казалось, ничто живое на пути не встретится.

Заняли они эту деревню. Глядят: и впрямь одни дымы да развалины. Все вокруг мертво. И вдруг...

— Ку-ка-реку-у-у!

Петух! Настоящий, невредимый петух! Как он в этой огненной коловерти живым остался, никому не известно. Худющий, с обгорелыми перьями, но живой!

Бойцы его на руки, каждый гладит, приговаривает:

— Ах ты, родненький! Красавец какой!

— Да спляши ж ты нам, да спой же ты нам, Петенька!

А петух и правда — от тишины, что ли, после

1941 год. Папа — солдат

такого грохота распелся во всю глотку «ку-ка-ре-ку!» Прямо хоть танцуй под его петушиную серенаду. И кто-то из них действительно стал плясать, а другие — в хохот.

От того петуха, от крика его звонкого, веселого в лютую стужу, весной повеяло. Был он для них глашатаем радости, кусочком далекой счастливой мирной жизни.

Петуха накормили, напоили, завернули в чью-то шинель, да так и носили от одной группы солдат к другой. А когда покидали деревню, отдали первым, кто начал возвращаться в родные места.

Не знаю, насколько убедительно прозвучала эта история, но я сама слышала ее от отца.

На фронте, в минуты затишья, они спорили, строили планы, мечтали, но многие ребята погибли. Один папин друг, ровесник, Алик Рафаевич, погиб на глазах у отца. В том бою, который длился два с половиной часа, от сорока человек осталось тринадцать.

Отец вспоминал: «Помню и первый бой, и первую атаку, и бой, в котором убили моего друга — Алика Рафаевича. Алик до войны учился на операторском факультете ВГИКа. Жили мы в Москве недалеко друг от друга, но не были знакомы. Познакомились, а потом и подружились, только на фронте».

Впоследствии о своей военной дружбе и об Алике Рафаевиче папа рассказал в одном из интервью по телевидению. После той передачи мать Алика Рафаевича нашла отца. Встреча была у нас дома, они долго разговаривали, ведь эта женщина считала сына без вести пропавшим. А потом папа получил письмо:

«Глубокоуважаемый Анатолий Дмитриевич!

С тех пор, как я услышала Ваше выступление по телевидению, а затем Вы любезно и необычайно тепло приняли нас у себя дома, прошел не один день. А я и все члены нашей семьи продолжаем пребывать в необычайно волнительном состоянии. И мы не можем подобрать слов, которые бы в полной мере выразили наше чувство глубокой благодарности Вам. Чувство сердечной признательности матери, которая спустя тридцать с лишним лет, благодаря Вам, дорогой Анатолий Дмитриевич, узнала о своем сыне.

Узнала от Вас — человека, который был с ним рядом до последнего вздоха. Узнала, как погиб мой сын, защищая родную землю. Погиб на Ваших глазах. Погиб, как верный сын Отчизны. Вы понимаете, конечно, как велико горе матери, потерявшей сына, к тому же единственного. И единственным утешением может быть только сознание того, что он пал смертью храбрых, будучи до последней секунды своей молодой жизни и до последнего вздоха верным Матери-Родине. Более тридцати лет я ничего о нем не знала, знала только что ушел на фронт, знала только, что погиб. И вот ваше выступление, наша встреча у Вас на квартире — рассказ о Вашем боевом друге-однопольчанине, которого Вы любовно называли Рафик, с которым Вы делили тяготы военных дорог, теплый рассказ о храбрости и скромности, дружбе и доброте, отваге и гибели этого Вашего молодого друга. И наконец Ваши слова, когда я Вам показала фотографию моего сына: «Да, это он!»

Вы были взволнованы. Речь шла о Вашем бое-

вом друге-товарище. Что же сказать мне — его матери, всем членам нашей семьи. Велико, повторяю, наше горе. Но теперь велика и наша гордость — за моего сына, за нашего внука, племянника, павшего смертью храбрых при защите Родины.

И великое Вам, дорогой Анатолий Дмитриевич, спасибо за Вашу такую дружбу с моим сыном, за то, что делили с ним и в те дни учебы, и в дни боев все радости и печали, спасибо за то, что позаботились похоронить его. Спасибо за то, что собираетесь побывать в Донбассе, чтобы вместе с красными следопытами найти его могилу.

Мы будем с нетерпением ждать Вашей весточки, чтобы незамедлительно выехать туда.

Спасибо и низкий поклон от всей нашей семьи Вам.

С уважением, Софья Рафаевич-Штик».

А в начале 1942 года, в одном из боев на Юго-западном фронте, рядом с молодым солдатом Папановым разорвалась бомба. Один осколок угодил в ногу. Это было под Харьковом. Ранение было тяжелым. Он попал в госпиталь, который находился в городе Буйнакске, под Махачкалой. В госпитале пролежал около полугода, перенес несколько операций, в результате два пальца на ноге были ампутированы. Он получил инвалидность. Но даже там, в госпитале, мысли о театре, об искусстве будоражили его юношеский ум и помогали бороться с недугами. В одном из последних интервью отец вспоминает: «А с каким нетерпением мы в госпитале ждали выступления артистов! Искусство вселяло в нас веру в Победу, да-

рило, пусть минутное, душевное успокоение, залечивало раны.

Залечивало иногда в буквальном смысле слова. Помню военный госпиталь. Коридор, заставленный кроватями, и громкий, словно пытающийся скрыть неумную радость, голос Лидии Руслановой: «Валенки, валенки...» Пластинку ставят несколько раз. Мы знаем, что ставят ее по просьбе оперируемого бойца. Ему надо было ампутировать ногу, а анестезирующих средств в госпитале не осталось, и он согласился на операцию без наркоза. Попросил только, чтобы поставили «Валенки».

Самым главным в решении стать артистом было убеждение, что актер может сражаться только своими средствами. Особенно остро Папанов ощутил, когда в госпиталь приехала Мария Петровна Максакова, прославленная оперная певица Большого театра. От ее песен веяло мирным временем, было в них то, чего так не хватало солдатам на войне — теплота, нежность, ласка. Но тем острее понималось, что они, солдаты, должны, обязаны и могут защитить и сберечь это домашнее тепло от грязных захватчиков.

Только в госпитале папа узнал, что из всех солдат, попавших под бомбежку в том бою, в живых остался он один. Но время шло, и чувство горькой досады по погибшим товарищам переросло в щемящую боль за судьбу матери, которая осталась в Москве одна. Еще очень скучал по дому. «В госпитале я ночами просыпался оттого, что вдруг начинал пронзительно ощущать запах улицы моего детства — запах свежесдобитого хлеба. Наш дом был недалеко от хлебозавода, и моя ма-

ма работала там рабочей. И так щемило сердце, так страстно хотелось увидеть свой двор, старую церковь возле него. В церкви была школьная столовая, и нас, ребятишек, поили там компотом».

Сохранилось письмо, которое папа написал своей матери из госпиталя. Вот оно.

*«Москва 48, Малые Кочки
д. 7 кор. 6 кв. 239
Папановой Е.Б.*

Здравствуй, дорогая мамочка! Вчера я получил сразу два письма, одно от тебя, другое от Царева Гриши, и вот сегодня спешу на них ответить. Мама, ты пишешь, что, может быть, я приеду после госпиталя домой, нет, я сразу, очевидно, поеду в часть. Сейчас у нас все стало дешевле — молоко пресное стало 5р литр, кислое — 8р. Появилась на рынке черешня 15р кг. Очень много редиски, она очень дешевая. Мама, от папы с Ниной до сих пор ни одного письма не получил. Послал им 5 писем, а ответа пока никакого нет. Очевидно, из Нижнего Тагила очень долго идут письма. Самочувствие мое сейчас лучше. Дней через 15 я наверное из госпиталя выпишусь. Мама, я просил тебя в предыдущем письме, чтобы ты написала, о чем вы разговаривали с Ирой. Вчера у нас был выходной день. Я ходил в гости к одной москвичке. Очень хорошо провели время. Хорошо покушал и немного выпил виноградного вина. В городе сейчас очень хорошо. Очень тихо, и есть где погулять. Сегодня ночью я видел сон и опять во сне видел тебя. Не знаю, что он означает. На днях думаю сходить в фотографию и сфотографиро-

ваться. Как только получу карточки, одну вышлю тебе. Театр Ермоловой в Буйнакск еще не приехал. Жду его с нетерпением. На этом я свое письмо заканчиваю. Жду от тебя с нетерпением вестей. Если увидишь кого-нибудь из моих знакомых, передавай им большой привет. Крепко, крепко целую тебя — твой сын Анатолий.

*ДАГССР, г. Буйнакск, в/ч 15,
госпиталь 3, палата 16
Папанову Анатолию Дмитриевичу.*

В результате после махачкалинского госпиталя, инвалид третьей группы Папанов возвращается в Москву. Ему дали небольшую пенсию по инвалидности. Хотя бабушка и работала на хлебозаводе, денег не хватало и жилось очень бедно. Анатолий решил немного подработать. Кто-то научил поступить таким образом: купить на рынке недорогую одежду и обувь и поехать в какую-нибудь отдаленную деревню обменять вещи на продукты. Папа так и сделал. Но ему не повезло. В поезде на две огромные сумки обратили внимание милиционеры, попросили предъявить документы и показать содержимое багажа. Молодого человека забрали в отделение и хотели завести на него дело за спекуляцию. Но узнав, что он недавний фронтовик-инвалид и живет с матерью впроголодь, пожалели и отпустили. После этого случая незадачливый коммерсант решил устроиться на работу. Он нанялся пожарником в наркомат целлюлозно-бумажной промышленности. Однажды он встретил ребят, с которыми раньше играл в народном театре ДК «Каучук». Они стали собираться вместе, репетировать, чтобы играть спектакли и этим зара-

батывать себе на жизнь. Но вот тут-то и выяснилось, что, оказывается, это не просто — сделать спектакль, на который бы пошли зрители. Не хватало знаний и профессионализма. Поэтому и решил Папанов идти учиться в театральный институт.

Папа обожал своего отца, но обращался к нему на «Вы». В наше время это случается довольно редко, но мне всегда кажется, что этим подчеркивается особое уважение к тем, кто тебя произвел на свет и воспитал. Позднее, когда мы уже жили отдельной семьей, папа часто, почти каждую неделю, навещал своих, уже стареньких, родителей. Он их очень любил. Общался с ними всегда с юмором, особенно с отцом. Речь дедушки была насыщена всякими изречениями, сравнениями, «приколами», как теперь говорят. Он много рассказывал смешных случаев из собственной жизни. Причем излагал все это совершенно серьезно, не сознавая, наверное, что рассказывает смешно. А может и сознавал, но оставался в душе актером...

Однажды папа спросил деда — большого любителя погулять по Новодевичьему кладбищу, находящемуся неподалеку от Усачевки: «Почему Вы так любите это место для прогулок, папа?» Дмитрий Филиппович ответил: «Так как же не любить, Толя? Ведь там же такие силы собраны!» Знал бы дедушка Дима, что его единственный сын будет похоронен здесь, на Новодевичьем...

Дедушка очень чутко относился к творчеству Анатолия и очень им гордился.. Мне кажется, в сыне реализовалась его тайная мечта стать актером. Он всегда интересовался репетициями, съемками папы.

На Усачевке, в небольшой коммуналке, где жили еще две семьи, мы часто собирались и справляли праздники: дни рождения, «красные» даты календаря. Мы — это бабушка Лена, дедушка Дима, мама, папа, я, мамины родители и папина старшая сестра тетя Нина со своей семьей. А семья у тети Нины была такая: муж — дядя Петя и мои двоюродные братья Валерий и Анатолий. Было очень весело. Бабушка готовила много вкусной еды, взрослые спорили о политике, а мы, дети, играли.

Главными зачинщиками споров о политике были оба дедушки, и споры были яростные. Папа часто бывал оппонентом дедушки Димы. На Усачевке всегда трепетно относились к музыке: проигрыватель, масса пластинок. Я очень любила разбирать эти старые пластинки. Если мне нравилось название, я включала проигрыватель, и в дом входила музыка! А я танцевала под нее. Уже тогда, в детстве, мне хотелось стать актрисой. Но я не признавалась в этом родителям, боялась, что будут смеяться. Мне тогда казалось, что артистка должна быть идеально красивой. А себя я таковой не считала...

Итак, нагулявшись, нашумевшись, наспорившись, семья разъезжалась по своим углам. Мама с папой — в общежитие Театра сатиры на Малую Бронную, я с «мамиными» бабушкой и дедушкой (у которых я прожила до 15 лет) — в свою коммуналку, а тетя Нина с сыновьями и мужем — в подмосковный городок Красноармейск.

Первой из наших стариков ушла из жизни Елена Болеславовна, папина мама. Шел 1972 год. У бабушки обнаружили опухоль кишечника. Врачи сказали, что ее надо обязательно удалить — и

все будет хорошо. Помню, папа устроил ее в одну из лучших клиник, к лучшему хирургам. Когда бабушка легла в клинику и прошла полное обследование, врачи успокоили папу и сказали, что повода для волнений нет и что операция, наверняка, пройдет нормально.

В это время Театр сатиры должен был ехать на гастроль в город Ташкент. Перед отцом встал вопрос — ехать или оставаться в Москве. Остаться, конечно, было бы трудно, ведь он играл большие роли, но я думаю, если бы он поставил этот вопрос перед руководством театра, ему бы пошли навстречу. Например, где это было возможно, сделали бы замену. Конечно, у театра возникло бы много проблем. Но, повторяю, хирурги подтвердили, что повода для опасений нет. Родители уехали на гастроль в Ташкент, операция прошла удачно, и ничто не предвещало беды. Но через несколько дней — страшный звонок — Папанова Елена Болеславовна скончалась. Причиной смерти был послеоперационный тромб. Сообщили родителям в Ташкент. Папа с мамой срочно вылетели в Москву. Спектакли с участием Папанова заменили на другие. Практически во всех официальных газетах Узбекистана были опубликованы сообщения о болезни. В это время я была студенткой первого курса актерского факультета ГИТИСа. Помню, в день похорон я должна была обязательно почему-то быть в институте. Отпросилась с занятий. Приехала на Усачевку к назначенному часу, потому что тело бабушки из морга привезли домой.

По старой традиции гроб с телом стоял у подъезда дома, чтобы могли попрощаться соседи. Ба-

бушка лежала в гробу совершенно не изменившаяся, в косыночке с люрексом, которую ей когда-то мама привезла в подарок из зарубежных гастролей. Люди подходили, прощались, ведь бабушка Лена (так я ее называла) прожила в этом доме всю жизнь. Как убитый, без эмоций на бледном лице, стоял около гроба отец. Потом поехали на кладбище. Накануне папа выхлопотал место на Кузьминском кладбище, что было сделать довольно трудно. После похорон были поминки в квартире моих родителей. Конечно, потеря матери была для папы страшной утратой.

Дедушка Дима остался жить один. На первый взгляд, он довольно спокойно перенес смерть жены. Мы все думали, что последствия будут хуже — ведь он уже был старым человеком. По-прежнему, как при жизни бабушки, его навещал папа. Он так же приходил, что-то перекусывал, немного отдыхал, а потом, если позволяло время, шел гулять в Лужники. Это было в Москве его излюбленным местом для прогулок. Лужники — замечательный стадион! Что только он не пережил! От Центрального стадиона, где проходили большие соревнования, откуда в 1980 году под слезы зрителей улетал в небо олимпийский Мишка, до грязного, заплыванного рынка. Дай Бог, чтобы восставилась былая слава Лужников. Папа обожал бродить по безлюдной территории стадиона, когда там не было соревнований. При этом он заучивал тексты новых ролей.

Есть две категории актеров. Одни заучивают роль на сцене, во время репетиции, общаясь с партнером. Другие большую часть текста учат до-

ма, самостоятельно. Трудно сказать, что лучше, а что хуже. Все зависит от свойств памяти. Отец любил учить текст роли сам. Он обычно приезжал навестить родителей, а потом уходил на стадион работать. Когда я жила с бабушкой и дедушкой на Саввинской набережной, он навещал меня, а оттуда пешком вдоль Москва-реки шел до Лужников. Иногда он не просто гулял там, а ходил на футбольные и хоккейные матчи. Он вообще увлекался спортом и любил смотреть соревнования как по телевизору, так и «живьем». А пешеходные прогулки были для него истинным наслаждением. Если, конечно, позволяло время.

Папа любил Москву, ее жителей, но не все ему нравилось в современной столице. В одном из интервью он сетовал: «Меня огорчает больше всего то, что у многих, даже коренных москвичей, исчезло интимное ощущение своего города. Раньше, когда Москва не была столь громадной и неохватной, такое ощущение у ее жителей было. Между москвичами существовала какая-то домашняя, душевная связь. Люди жили дворами. И в каждом дворе был свой микроклимат, свой мир, своя мораль. В основе своей очень добрая, здоровая мораль. Жильцы отвечали за свой двор, за всё, что в нем происходит. Здесь был свой кодекс чести, своя, мальчишеская, дружба — вражда, дворовый бескорыстный спорт, дворовые танцы.

Сейчас дворы исчезают, и с ними многое уходит из детской жизни. Раньше не было такой отчужденности между людьми, такой анонимности в поступках. В каждом дворе был свой чудак, то он выращивал розы, то разводил пчел, и ребя-

тишки вились вокруг него стайкой. Теперь в Москве очень мало зелени. Мы вырубili полностью Садовое кольцо, сильно разрушили Бульварное. Я помню, третьеклассниками, возле школы мы сажали липовую аллею. К нам в школу приезжала Надежда Константиновна Крупская, хвалила за то, что мы так украсили город. Недавно бродил я по тому переулку и увидел: все деревья вырублены. Кому они мешали, липы моей молодости?»

Как я уже писала, после смерти бабушки, дедушка Дима остался один. Папина сестра Нина старалась регулярно навещать дедушку, хотя дорога для нее была не из близких — я уже говорила, она жила в подмосковном городе Красноармейске. Конечно, тетя Нина помогала ему по хозяйству, но, разумеется, тех веселых застолий на Усачевке, какие были раньше, когда собирались все родственники, уже не было. Приезжали внуки, Нинины сыновья, которые уже выросли, обзавелись своими семьями.

А дедушка Дима по-прежнему каждое лето выезжал на дачу, занимался дачным хозяйством, так же пунктуально записывал в свой блокнотик все расходы по даче. Он умер, пережив бабушку Лену на десять лет. Последние два года тяжело болел. Тетя Нина взяла его к себе в Красноармейск, потому что за ним требовался постоянный уход. Папа часто навещал его в Красноармейске и, конечно, помогал сестре материально. Умер дедушка летом 1982 года, не дожив до 90 лет несколько месяцев. Я была тогда на гастролях с театром в Мурманске. Мне сообщили об этом — и я срочно вылетела в Москву.

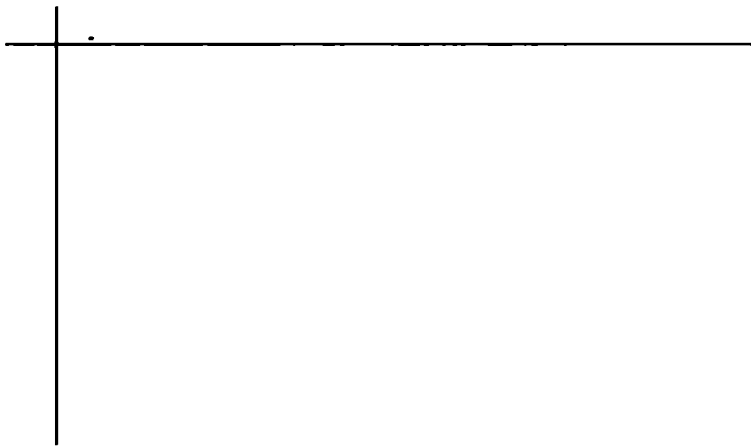
Конечно, похоронили его вместе с бабушкой на Кузьминском кладбище. Отец и его сестра Нина остались без родителей. Комнату в усачевской коммуналке, с которой их так много связывало, пришлось освободить. Одно время, еще при жизни дедушки, отец пытался прописать туда одного из сыновей Нины — Анатолия. Но тогда с пропиской было очень строго, и у него ничего не получилось.

Помню, как мы приехали на Усачевку разбирать вещи деда. Что-то выбрасывали, что-то оставляли. Много вещей взяла Нина. Дед очень аккуратно собирал все публикации из журналов и газет об Анатолии Папанове, о его работах в театре и кино. У него образовался целый архив, включающий фотографии, программки, письма... Его забрал отец. А я взяла себе на память вазочку для карандашей и шкатулочку, сделанную из мрамора. Они сейчас стоят на моем туалетном столике. Так Усачевка прекратила свое существование в истории нашей семьи. Случайность или нет? Новодевичье кладбище, где похоронили отца, тоже недалеко от Усачевки. Памятник серого мрамора как бы символизирует театральный занавес и киноплёнку. На нем надпись:

**АНАТОЛИЙ
ПАПАНОВ
1922—1987**

Круг замкнулся, и не случайно он замкнулся именно там.

Нина

Красноармейск — подмосковный городок, расположенный недалеко от большой и шумной магистрали, которая ведет на север, в старинный Ярославль. Сколько себя помню, эта дорога, сначала старая Ярославка, потом новое Ярославское шоссе, проложенное недалеко от города Пушкина, всегда была забита машинами. Сколько я ездила по этому шоссе!!! В детстве, с отцом: сначала на его старенькой «Победе», потом на «Волге», а потом, взрослой, на своих машинах. Наверное, если сложить весь километраж, пройденный мной по Ярославке, думаю, получится не одно кругосветное путешествие!

Первая машина у отца появилась после фильма «Живые и мертвые», когда одна воинская часть за заслуги папы в этой картине очень дешево продала ему списанную бежевую «Победу». Когда папа вел машину, я любила устраиваться на заднем сиденье и играть там в куклы. Мне было там весело и уютно.

Нина

До покупки дачи мы ездили в свободные дни в Красноармейск, к тете Нине. Муж тети Нины, Петр Гаврилович Кондратьев, обосновался в этом городке с семьей, когда ушел в отставку, дослужившись до звания майора. Поначалу они, как и мы, ютились в коммуналке, а потом (не без папиных хлопот) переселились в хорошую трехкомнатную квартиру в новом кирпичном доме. К тому времени весь маленький Красноармейск знал, что в их городе живет сестра знаменитого артиста Папанова. Отец обожал свою сестру и всю ее семью. Очень часто навещал их, иногда брал меня с собой.

Он всегда принимал активнейшее участие в их семейных делах. И тетя Нина отвечала взаимностью. Когда он приезжал, всегда старалась чем-нибудь одарить: то свежими овощами и фруктами со своего маленького садового участка, то домашними заготовками... Иногда это даже были вещи, за которыми отстаивались огромные очереди.

Тетя Нина тоже обращалась к своему отцу на «вы». Брат и сестра были воспитаны в любви и уважении к старшим и друг к другу. Если мой папа долго не видел родных, он очень скучал.

В те времена тетя Нина и дядя Петя жили очень скромно. Она работала директором небольшой ведомственной гостиницы, где останавливались командировочные, а дядя Петя служил начальником ЖЭКа. К двум их сыновьям, на которых уходила почти вся зарплата, мой папа был очень привязан, заботился о них, как о родных. Всегда,

Нина с мужем

когда приезжал в гости, клал потихоньку тете Нине в карман халатика деньги «на ребят». Надо сказать, что у папы было очень обостренное чувство ответственности перед всеми родственниками.

Дедушка Дима мечтал вывести двух своих внуков «в люди». Им были куплены музыкальные инструменты: Анатолию — аккордеон, Валерию — скрипка. У брата Толи дело с аккордеоном еще как-то продвигалось — он учился под натиском всей родни в музыкальной школе и по праздникам у дедушки Димы, где собиралась вся семья, демонстрировал свои успехи к великой радости и гордости деда. А у Валерки со скрипкой дела шли очень туго. Несмотря на то что он, скрипя зубами, тоже посещал музыкальную школу, ничего не клеилось. Не было у него желания овладеть скрипичным мастерством — и все тут! Он предпочитал гонять с ребятами по двору, а не разучивать гаммы. Был собран семейный совет, на котором решили, что Валерий вместе со скрипкой переберется к бабушке с дедушкой в Москву, где дед будет неустанно следить за его учебой и в музыкальной школе, и в простой. Парень перебрался к старикам в столицу, злополучная скрипка была повешена на стену на самое видное место в качестве подтверждения для гостей, что внук занимается музыкой. Но дела пошли еще хуже. В Москве Валерка так интенсивно занялся личной жизнью, что окончательно бросил не только «музыкалку», но и вообще школу.

Опять стали собираться семейные советы, на которых решалось, что все-таки делать с несо-

стоявшимся музыкантом. Мой папа всегда придерживался мнения, что насильно из человека артиста не сделаешь. И вот наконец было решено отправить Валерия обратно в Красноармейск, определить на работу и в вечернюю школу. Так и поступили. Вскоре Валерия забрали в армию. После армии он вернулся в родной Красноармейск и вроде бы образумился. Поступил в техникум, окончил его и получил профессию инженера. Но самой большой его удачей, на мой взгляд, была женитьба на замечательной девушке Наташе. Внешне она была не очень красива, но это был тот случай, когда говорят, что человек красив своей душой. Вскоре у них родился сын Женя. Валерка был неплохой человек, но он... любил выпить. Это очень огорчало Наташу и тетю Нину. Но Наташа его любила так, что прощала все. Валерий тоже любил свою семью. С трудом боролся со своим недугом, хотя получалось у него это не всегда. Помню, когда Женя подрос и надо было думать, с какой профессией связать его жизнь, Нина попросила папу, чтобы он помог устроить внука в суворовское училище. Женя стал военным. Сейчас у него тоже своя семья, растёт дочь. К сожалению, Наташи и Валерия сейчас нет в живых. Наташа тяжело болела и умерла довольно рано. Валерий ненадолго пережил ее.

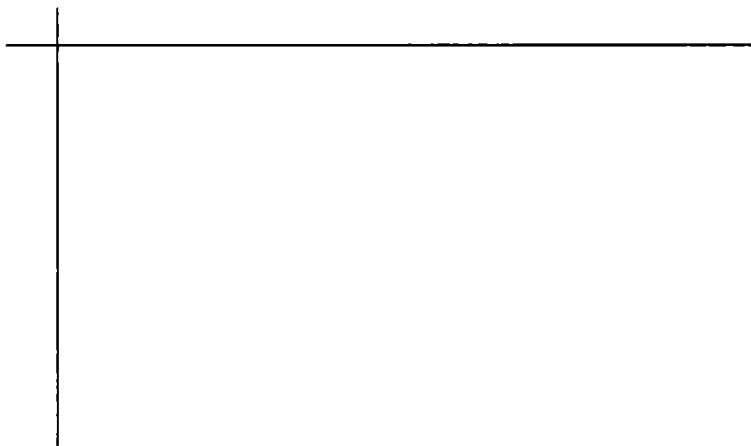
У второго моего двоюродного брата, Анатолия, судьба тоже сложилась не очень удачно. Он несколько раз был женат, от первого брака у него есть дочь, но, по-моему, он с ней не общается. К сожалению, все беды у него тоже были из-за водки.

Валерий

А тети Нины уже нет в живых. Она ушла из жизни через несколько лет после смерти своего мужа. Замечательная трехкомнатная квартира в кирпичном доме, которая была получена с помощью папы, досталась ее сыну Анатолию. Из-за своего пристрастия к «зеленому змию» он эту квартиру потерял, продав за бесценок. Сейчас Анатолий продолжает жить в Красноармейске.

ГИТИС

По пустынным улицам Москвы медленно идет молодой человек в гимнастерке, в сапогах, опирается на палочку. Он сворачивает в тихий Собиновский переулок между Арбатской площадью и улицей Герцена, входит в небольшой палисадник приземистого старинного дома под номером четыре, останавливается у доски «Государственный институт театрального искусства им. А.В. Луначарского». Потом, немного постояв, парень в гимнастерке решительно распахивает тяжелую дверь, входит в вестибюль. Мимоходом бросает взгляд в большое зеркало на свое отражение и, стараясь не хромать, направляется в учебную часть. Подавать заявление о приеме в институт. В заявлении говорится, что он, Анатолий Дмитриевич Папанов, 1922 года рождения,

просит зачислить его студентом на актерский факультет. Это было в октябре 1942 года.

Большая часть педагогов и студентов была эвакуирована, многие ушли на фронт и в ополчение. Те, кто остался, в первые дни войны создали четыре фронтовые бригады. Немногочисленные оставшиеся первокурсники, которые еще ничего не умели, тоже постарались создать свой репертуар и быть полезными на фронте, в госпиталях, на вокзалах, откуда на передовую отправлялись эшелоны. Так была сформирована пятая фронтовая бригада.

Абитуриент Папанов с заявлением в руках о приеме в ГИТИС попал к народному артисту СССР М.М. Тарханову, который в то время возглавлял институт. Раненый солдат в старых кирзовых сапогах, в застиранной гимнастерке, с палочкой в руках стоял перед ректором. Михаил Михайлович испытывающе смотрел на будущего студента. «А сможешь?» — спросил он, имея в виду недавнее ранение в ногу. «Смогу», — ответил солдат. «Тогда смелее!» — сказал Тарханов.

Так осенью 1942 года отец был зачислен сразу на второй курс актерского факультета. Хотя он всегда шутил, что в ГИТИС его приняли только потому, что на курсе не хватало молодых людей, потому что все мальчишки, кто, конечно, мог, ушли на фронт. Но в каждой шутке есть доля правды, и замечательно, что в такое тяжелое время педагоги не ошиблись, взяв одаренного парня сразу на второй курс. Этот курс возглавляли замечатель-

ные режиссеры и актеры Московского Художественного театра Мария Николаевна Овчинницкая и Василий Александрович Орлов. Бывший сержант с энтузиазмом погрузился в учебу. С легкой руки однокурсников он сразу получил прозвище Толя Папан.

Все время обучения в ГИТИСе М.М. Тарханов следил за его судьбой. Один раз Тарханов сделал ему замечание. Он сказал: «Но это ты, братец, брось. Так только в Театре сатиры играют». Слова, как это выяснилось позднее, оказались пророческими.

А какие были интересные предметы! Актерское мастерство, история театра, история искусства, эстетика, танец, фехтование, техника речи... Всё это приносило огромную радость. Появились новые друзья. И стали потихоньку забываться все ужасы, которые пришлось испытать на фронте. Но война не давала о себе окончательно забыть. Папанов включился в состав фронтовой бригады, чтобы выступать перед бойцами, одним из которых он совсем недавно был.

Несмотря на то, что вышел Указ советского правительства, по которому студенты старших курсов не только освобождались от призыва, но и должны были демобилизовываться из армии (так страна проявляла дальновидную заботу о будущих специалистах), студентов ГИТИСа становилось все меньше и меньше. Многие уходили в 3-ю Московскую дивизию народного ополчения, созданную 16 октября 1941 года, в партизанские

отряды. Девушки, оканчивая курсы санинструкторов, становились медсестрами. Каждому гитисовцу и по сей день памятно имя студентки актерского факультета Героя Советского Союза Наташи Качуевской, ушедшей на фронт медсестрой и погибшей в одном из боев. А таких, как она, было немало.

После окончания второго курса Папанову сообщили, что он включен в концертную фронтovou бригаду института. В бригаду вошло около десяти человек, среди них были: Серафим Егоров, Нина Хромова, Надежда Каратаева, Дмитрий Полонский и другие. Выступали в блиндажах, на лесных полянах. Играли отрывки из комедии А.Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Студент Папанов играл Емелю. Еще он читал на концертах рассказы А.П. Чехова: «Пересолил», «Шуточка», «Хамелеон», стихи Маяковского, Симонова. А сколько было бесценного материала для наблюдений! Студенты буквально впитывали в себя увиденное и услышанное. Они верили, что придет время, когда каждый из них выйдет на подмостки сцены и сыграет кого-то из этих замечательных людей, своих теперешних зрителей.

Молодые артисты были еще неумелые, но их выступления воспринимались солдатами с особой жадностью. По рассказам папиных однокурсников, потом они уже никогда не испытывали такой радости и глубокого удовлетворения от общения со зрителем, как на фронте.

Поездки с концертами были не только на фронт. Студенческие коллективы обслуживали также и труженников тыла. Однажды осенью поехали в колхоз. Их попросили играть там отрывки из студенческих спектаклей. Они долго и тщательно готовились. Приехали заранее. Висят афиши — всё в порядке. А председатель колхоза, женщина, очевидно, не разобравшись кто они, отправила их работать в поле. Да и они промолчали и решили помочь колхозникам. Несколько дней они убирали картошку, да так ударно, что потом оказалось, что они перевыполнили план. Стали спрашивать, как их фамилии и кто бригадир, и тут выяснилось, что они артисты. Председатель колхоза долго извинялась. Ребятам вынесли благодарность. Бригадиром у них был студент-однокурсник Юра Фрид, так в этой благодарности его назвали руководителем института и народным артистом СССР. С тех пор так его и называли.

В той поездке, только в другом колхозе, был еще такой случай. Подогнали два грузовика и поставили их таким образом, что образовалась сценическая площадка. Но одного из шоферов не предупредили, что идет концерт. И вот сидит папа на одном грузовике. А его партнер — на другом. Играют сцену из спектакля. А шофер, которого не предупредили, пришел после обеда, сел в машину и уехал. Так во время сцены папинуго партнера и увезли. Правда, зрителям это даже понравилось. Потом из колхоза поехали на передовые позиции — фронт был рядом, и там

играли концерты. Так работала их фронтовая бригада. Это были самые дорогие его воспоминания.

Двадцатилетний студент Папанов выглядел старше своих сверстников. Ведь за его плечами был фронт, было ранение, скитания по госпиталям, постоянная работа над преодолением хромоты. Он должен был отбросить палочку — ведь он обещал это Тарханову при поступлении в институт. Надо было держать слово.

Как я уже упоминала, у отца к тому времени был небольшой театральный опыт: до войны он занимался в студии Дворца пионеров, а затем играл в самодеятельном театре ДК завода «Каучук». Руководил этим коллективом замечательный артист Вахтанговского театра В.В. Куза, который впоследствии погиб во время бомбежки в здании своего родного театра. Кроме того, до войны Папанов посмотрел множество спектаклей. Из всех предпочитал мхатовские, и любимым актером его был Николай Павлович Хмелев.

Врожденная одаренность в сочетании с этим небольшим опытом, фантастическое трудолюбие, непреодолимое стремление к достижению поставленной цели, фронтовое прошлое — всё это выделяло студента Папанова среди однокурсников. Это отмечали педагоги, хотя и давали ему больше комедийные, нежели драматические роли. Он репетировал Астрова в «Дяде Ване», но большой успех принесла ему роль господина Дюроше

в водевиле Д. Ленского «Честный вор». А ему так хотелось играть героев!

Но не только театральным искусством занимались студенты, в институтском дворе проходили футбольные баталии. Студенты гоняли черный гуттаперчевый мяч, который почему-то назывался «арабским». Хотя играть этим необычным мячом, чудом уцелевшим в военное время, было неудобно, страсти вокруг него разгорались нешуточные. Если бы не вмешательство ректора, мерзли бы студенты без стекол.

В тех матчах отец из-за своей малой подвижности чаще всего стоял в воротах. Такое футбольное амплуа совершенно его не устраивало, ни на футбольном поле, ни на сцене. Он хотел играть ведущие роли, а не быть статистом. Для этого нужно было, по крайней мере, научиться ходить, как все. Очень помог преподаватель сценического движения Иван Сергеевич Иванов. Он придумал комплекс упражнений, который помог отцу встать на ноги. И потом к этим упражнениям папа обращался очень часто.

На государственном экзамене по мастерству актера, который состоялся 11 ноября 1946 года, зал был полон народа. В первых рядах — государственная комиссия — прославленные актеры советского театра. Далее сидели студенты и приглашенные близкие. Председатель комиссии — знаменитая артистка МХАТа, несравненная О.Л. Книппер-Чехова. В спектакле «Дети Ванюшина» выпускник Анатолий Папанов играл

Елена Папанова

роль Константина, человека совсем молодого. И на контрасте, в комедии Тирсо де Молина «Дон Хиль — зеленые штаны» — глубокого старца. Публика хохотала. Потом были аплодисменты, которые означали конец студенческой и начало новой долгой творческой жизни, на протяжении которой мой отец снискал признание своего таланта и любовь народа.

Дом
на Саввинской
набережной.
Мама

Да, дом был именно на набережной, которая зовется Саввинской. Дом номер 5. Здесь прошла мамина жизнь с первого класса до переезда в 1957 году с папой в общежитие.

Но все по порядку. Мама родилась 24 января 1924 года. Были траурные дни — умер В.И. Ленин. Мой дедушка, мамин отец, Юрий Васильевич Каратаев, был большевиком с 1916 года. Он удостоился чести стоять в почетном карауле у гроба Ленина. Сохранилась архивная киноплёнка, на которой можно увидеть молодого дедушку, стоящего с ружьем в почетном карауле. Раньше эту плёнку крутили для экскурсантов музея В.И. Ленина. Когда родилась мама, ни о каком крещении дочери, конечно, не могло быть и речи. Маму называли Надей в честь Надежды Константиновны Крупской, жены Ленина, в знак сочувствия ее большому горю. Позже дедушка получил образование, защитил диссертацию, стал кандидатом исторических наук, много работал в партийных орга-

нах. Одно время он был секретарем партийной организации училища имени Верховного Совета, которая находилась на территории Кремля. Сам Сталин стоял там на учете. Дед много раз приходил в кабинет Иосифа Виссарионовича и приглашал его на партийные собрания. Дедушка был заслуженным человеком. Он был награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской революции и разными медалями.

А в 1931 году семья военнослужащего Юрия Васильевича Каратаева, состоящая из его матери Анны Федоровны, жены Марии Васильевны и маленькой дочки Нади, получила комнату в коммунальной квартире. Внушительная коммуналка находилась на втором этаже того самого дома номер 5 на Саввинской набережной. Она состояла из небольшой кухни, где стояла длинная плита, отапливаемая дровами. Каждая семья имела на кухне свой столик, где хозяйки готовили еду. В квартире также был длинный коридор, в конце которого стояло большое высокое зеркало, навевающее воспоминания о дворянских усадьбах. Уж кто его туда поставил и когда — я не знаю, но запомнила эту вещь на всю жизнь. Это красивое зеркало с маленьким мраморным столиком перед ним, в покрытой золотой краской раме царственно возвышалось в конце коридора, отражая в помутневшем от времени стекле всю историю многонаселенной квартиры с ее радостями и бедами.

Народонаселение было действительно немалым. Квартира состояла из девяти комнат. В каждой проживало по семье, а в некоторых даже тес-

нились совсем посторонние друг другу жильцы. Например, в одной из комнат проживала пожилая женщина вместе с молоденькой девушкой Настей. Они не были родственниками, но, когда Настя забеременела и родила ребенка, соседка ухаживала за мальчиком, как за собственным внуком.

В квартире было два туалета: мужской и женский. В каждом стояли по две раковины для мытья. В кранах вода была только холодная. Рядом с входной дверью возвышалась телефонная будка. У каждого было свое количество звонков в дверь. Например, Гуковым — два длинных и один короткий, Простаковым — один длинный и один короткий. Это был единственный способ не выбегать всем жильцам одновременно на каждый визит. Вот в такую классическую по тем временам коммуналку и въехала семья Каратаевых. Они заняли комнату метров двадцать, с двумя окнами, выходившими на Москву-реку.

Старенькая бабушка Анна Федоровна, которая практически всю жизнь прожила в деревне, сразу, по деревенской привычке, всем дала прозвища. Высокая, интеллигентная и молчаливая женщина по фамилии Соболева, которая практически ни с кем не общалась, а только тихо здоровалась, уходя или возвращаясь с работы, была прозвана бабушкой «Коза горбатая». Этого прозвища Соболева была «удостоена» за некоторую сутулость. Женщина была одинока, хотя говорили, что у нее был муж, да умер. Но толком о ней никто ничего не знал.

Грузинку Маргариту Захаровну Григорашвили

Анна Федоровна нарекла «Совой головастой». Та действительно имела пышную черную шевелюру и глаза навывкате. У Маргариты Захаровны было два сына: Лева и Отар. Когда мальчики выросли и отделились от матери, к Маргарите Захаровне приехала из Грузии племянница Зейнаб. Девушка вышла замуж за русского парня, привела его в комнату к Маргарите Захаровне, а вскоре у них родился мальчик. Численность населения в квартире снова повысилась.

Антонину Ивановну Неклепаеву, которая хромала и ходила с палочкой, бабушка окрестила «Хромыгой». Маленькая, щуплая Анна Романовна Зайцева звалась «Спичкой», а ее муж, который немного гнусавил, был прозван «Гуня». Не надо думать, что бабушка Анна Федоровна была злой. Просто она приехала из деревни, а там, как известно, без прозвищ не живут.

На лето бабушка брала маленькую Надю к себе на родину, в деревню Болшево, которая находилась недалеко от города Сасово, что в Рязанской губернии. Там у Анны Федоровны был свой большой дом с фруктовым садом. В Болшево жила сестра бабушки Анюты Мавруша со своим мужем дедом Карпом. Дед Карп никогда не вступал в колхоз и имел свое небольшое хозяйство. Он приезжал на собственной лошади на станцию в Сасово встречать Анюту с внучкой и вез их в деревню. Так было почти каждое лето. Маме очень нравилось жить в деревне, среди множества подружек. Время проходило незаметно.

Еще у Анны Федоровны, кроме сына, моего де-

душки, была дочка Соня. У Сони от рождения были больные ноги, она очень плохо ходила и практически всю жизнь провела в инвалидном доме. Дедушка регулярно, два раза в год, брал Соню к себе погостить. Она этого очень ждала и любила ездить к брату. Когда началась война, бабушка Анна Федоровна решила уехать к себе в деревню, к сестре. А вскоре семья получила от Мавруши письмо, что бабушка Анюта умерла. Мавруша и дед Карп похоронили ее на деревенском кладбище.

Но вернемся в Москву.

Рядом с Каратаевыми, в самом углу длинного коридора, жили Зайцевы: Анна Романовна, ее мать, муж и дочка Люся. Люся Зайцева была лучшей маминной подругой. Они учились в одном классе и сидели за одной партой. У бабушки была швейная машинка, и она обшивала девчонок. Так что все кофточка и платица у них были похожи, как у близняшек. Люсин отец, которого Анна Федоровна звала «Гуней», был инженером. В 1937 году его арестовали, но, как ни странно, на судьбе Люси это никак не отразилось. Она была комсомолкой, прекрасно училась, окончила школу с золотой медалью и поступила в институт. В Люсю был влюблен одноклассник Толя Грачев. После войны он остался служить в Германии в Советской группе войск. Приехав в Москву, сделал Люсе предложение, женился и увез ее в Германию. У Люси с детства были больные легкие. На новом месте болезнь обострилась, и Толя вернул жену в Москву. А через несколько месяцев Люся умерла от скоротечной чахотки. Моя мама в это

время работала в Клайпеде и из-за большой занятости в спектаклях даже не смогла приехать на похороны подруги.

В квартире, помимо многочисленных жильцов, проживал пес по кличке Джек. Он был гладкошерстной дворнягой с обрубленным хвостом. Пес считался общим, его любили и кормили все. Но Люся и моя мама Джека просто обожали. И когда он заболел, лечили и выхаживали его. Основным местом жительства собаки был коридор, но частенько Джек захаживал и в комнаты, и никто его не выгонял. Кто-нибудь спросит: «А где Джек?» «Да, вон, у Каратаевых в комнате лежит!» Пес был очень самостоятельный, сам выходил на улицу по своим надобностям, а потом возвращался и стоял у двери. Весь подъезд знал, что Джек живет именно в этой квартире. И каждый, проходивший мимо, звонил в дверь, чтобы собаку впустили домой. Мама рассказывала мне, что очень любила поговорить по телефону и подолгу засиживалась в телефонной будке. Тогда бабушка просила: «Джек, поди позови Надю, обедать пора!» Пес подходил к будке, открывал лапой дверь и дергал маму за подол платья. Джек жил в квартире довольно долго, но после войны куда-то исчез.

После школы мама решила стать актрисой и довольно успешно сдала экзамены в ГИТИС на актерский факультет. Абитуриентам было объявлено, что 22 июня вывешат окончательные списки тех счастливиц, которых зачислили на первый курс. И хотя в это роковое утро все уже знали, что началась война с Германией, мама все же

Мама с бабушкой Анной Федоровной

А это мама с родителями на отдыхе в Крыму. 1932 год

решила пойти в институт взглянуть на эти списки. Ведь тогда никто не думал, что война будет такой долгой и страшной. Люди верили в Красную Армию и в ее скорую победу. Когда мама приехала в ГИТИС, там было много народа. Шел митинг. Выступал студент Андрей Гончаров — будущий выдающийся режиссер. Он говорил о том, что надо идти на фронт защищать Родину. Сам он слово сдержал и ушел добровольцем.

Мама посмотрела списки и увидела свою фамилию в числе поступивших. Курс набрали мастера Вахтанговского театра Захава и Пажитнов. Пришел сентябрь, и начались занятия. В числе маминых сокурсников оказались будущий знаменитый спортивный комментатор Николай Озеров и А.А. Левинский — впоследствии директор Театра сатиры. Проучиться удалось месяца четыре, а к Новому году обстановка на фронте под Москвой стала тяжелой. ГИТИС стал готовиться к эвакуации. Первокурсников решили не брать. Оставшиеся в Москве ребята пытались организовать фронтовую концертную бригаду, но безуспешно. В Москве начались бомбежки. Протяжный вой падающих бомб и гуляющие по небу яркие лучи прожекторов наводили настоящий животный ужас. Бомбили обычно по вечерам. Мама вспоминает: «Я никогда не забуду, как однажды во время очередной бомбежки, я с двумя знакомыми ребятами оказалась на улице. Мы стояли в воротах нашего дома, когда произошел сильнейший взрыв. К счастью, бомба попала не в дом, а рванула около него, образовав громадную воронку. В этот мо-

Надя Каратаева перед войной

мент один из ребят, стоявших чуть-чуть подальше, стал дико кричать. Я бросилась к нему. Это было жуткое зрелище: у только что совершенно здорового мальчика была оторвана стопа. Я постаралась как-то перевязать его, судорожно вспоминая, как нас этому учили в школе. Потом его увезла «скорая». Этот паренек пережил войну, и судьба меня свела с ним много лет спустя. Причем совершенно случайно. Анатолий Дмитриевич тогда как раз снимался в каком-то фильме. Однажды после съемок он пришел домой и сказал, что директор картины, где он снимается, меня знает. Это был тот самый раненный во время бомбежки мальчик, на тот момент, конечно уже взрослый мужчина».

А через некоторое время бабушка сообщила маме, что они уезжают в эвакуацию в Новосибирск. Официально, от школы МВД, где преподавал дедушка. Поселилась семья на окраине Новосибирска в деревянном бараке. Бабушка устроилась работать в библиотеку, дедушка в основном мотался по командировкам, так как продолжал служить в милиции. А мама осталась не у дел. Но вот одна знакомая, Люда Грачева, уговорила ее поступить на краткосрочные курсы медсестер. После окончания девушки уехали на санитарном поезде на фронт. «Каталась» мама по железным дорогам войны больше года. Санитарные поезда вывозили раненых с фронта в госпитали. Все было: и холод, и страх, и мучения. И под бомбежки попадали. Но духом не падали. Было очень трудно, очень уставали руки: им, молоденьким девчонкам,

приходилось таскать носилки с ранеными, пере-
кладывать их. Были у них, конечно, и санитары,
но в основном пожилые, те, кого не взяли на
фронт. В результате все ложилось на хрупкие де-
вичьи плечи. Они делали перевязки раненым,
кормили их. А вагон-кухня находился в конце со-
става. И они были вынуждены таскать огромные
кастрюли через весь поезд. Чаще всего они это
делали во время коротких остановок, поскольку в
движении состав сильно трясло, и нести кастрю-
ли было почти невозможно. Когда поезд остано-
вливался, девчонки-санитарки выскакивали с ка-
стрюлями на платформу и бежали что было сил к
вагону-кухне. Работала в основном молодежь, и
все лишения и неудобства переносились доволь-
но легко. Девчонки-медсестры не только ухажи-
вали за ранеными, но и старались их как-то раз-
влечь. Читали им книги, газеты. А мама, успевшая
получить кое-какой театральный опыт, устраи-
вала даже маленькие моноспектакли. Атмосфера в
санпоезде была дружеская и доброжелательная.

Недавно, уже после смерти отца, в одной из
передач мама делилась своими воспоминаниями
о папе, о совместно прожитой жизни. Через не-
которое время на адрес Театра сатиры пришло
письмо из Читы на имя Н. Ю. Каратаевой. Одна
из маминих военных подруг Валя Черкашина пи-
сала: «Здравствуйте, дорогая Надежда Юрьевна!
Пишет Вам Черкашина Валентина, медсестра
санпоезда № 74. Я посмотрела телепередачу, где
Вы вспоминаете о своем муже, замечательном ак-
тере Анатолии Папанове. Я хочу Вас спросить:

«Уж не та ли Вы Наденька Каратаева, с которой мы весь 1942 год ездили в санпоезде и очень дружили? Если это Вы, то откликнитесь!» Далее шел адрес. Мама написала ответное письмо, завязалась переписка. А один раз мама получила от Валентины посылку с домашними соленьями, вареньем и медом.

В конце 1942 года санитарный поезд № 74 прибыл в небольшой подмосковный городок на расформирование. Всю обслуживающую команду распределяли по другим поездом. Так как состав стоял недалеко от Москвы, медсестра Надя Каратаева выпросила у комиссара поезда разрешение съездить домой. Получив отпускную справку на три дня, мама приехала в родной город, на Саввинскую набережную. Практически все жильцы большой коммуналки были в эвакуации. Не уехала только семья маминой подруги Люси Зайцевой да еще несколько человек. С удивлением мама узнала, что в их комнате живет какой-то мужчина, но в этот момент его не было дома. Дождавшись неожиданного квартиранта, мама объяснила, что комната принадлежит их семье. Мужчина рассказал, что в домоуправлении ему дали это жилье временно. Потом он собрал вещи и ушел. А мама решила зайти в ГИТИС. Там она встретила преподавателя, Иосифа Моисеевича Раевского. Тот вспомнил студентку-первокурсницу Каратаеву, а мама, в свою очередь, поведала ему свою незамысловатую историю. Раевский сообщил, что институт после эвакуации возобновляет занятия снова, и посоветовал маме начать учебу. Учиться

1942 год. Мама — медицинская сестра

дальше хотелось и маме. Вернувшись к месту службы, объяснила все это комиссару поезда.

Комиссар дал согласие, и медсестра санитарного поезда Надежда Каратаева подала рапорт об увольнении из армии. Было написано письмо бабушке в Новосибирск о том, что ее дочь остается в Москве. Но сама Мария Васильевна вернулась домой только через год. Весь тот год моя мама жила одна и училась. Впрочем, одинокой ее жизнь назвать было нельзя. Семья Зайцевых приняла ее как родную. Дом не отапливался, а у Зайцевых было тепло: в комнате стояла ценнейшая для военного времени вещь — печка-буржуйка. Было тесновато, поэтому подружки спали вместе на одной кровати. Наверное, у Люси уже была начальная стадия туберкулеза, но пока об этом никто не знал. И судьба, к счастью, оказалась благосклонна к Наде Каратаевой: она не заразилась этой страшной болезнью.

А в ГИТИСе с января 1943 года на первом курсе возобновились занятия. Только курс теперь вели артист МХАТа Василий Александрович Орлов и его жена Мария Николаевна Овчинницкая. А на второй курс, на который был дополнительный набор, пришел долговязый, не очень красивый студент. На фронте он был ранен в ногу, поэтому хромал и ходил с палочкой. Звали его Анатолий Папанов. Он был москвичом и жил с матерью на Усачевке. Отец же и сестры находились в эвакуации.

Надя Каратаева поначалу даже не обратила внимания на долговязого студента Папанова. Ведь

Надя Каратаева — студентка ГИТИСа

за ней ухаживал племянник самого Климента Ефремовича Ворошилова, Николай. Ничто еще не предвещало большой любви, просто Каратаева и Папанов вместе ездили в институт на трамвае, потому что жили недалеко друг от друга. Потом оказалось, что они даже учились какое-то время в одной школе. А потом, как любит говорить моя мама: «Ездили, ездили и доездились!» Студент Папанов стал ухаживать за студенткой Каратаевой. Был забыт племянник Ворошилова, и чувство первой влюбленности переросло в настоящую любовь. Сначала моя бабушка Мария Васильевна не знала, что дочка встречается с однокурсником. Потом Анатолий стал провожать подругу, и, если было очень холодно, они подолгу стояли в подъезде. Бабушка несколько раз приглашала «кавалера» зайти, но тот стеснялся.

Как я уже писала, Папанов жил со своими родителями в маленькой комнатке коммунальной квартиры. Сестра его Нина была еще в эвакуации, где вышла замуж за военного и родила сына Валерия. Семья была довольно бедная. И вот в мае 1945 года мама объявила родителям, что выходит замуж за однокурсника, Анатолия Папанова. Бабушка, которая к тому времени уже познакомилась с женихом, сказала: «Дочка, подумай! Так-то он парень ничего, но уж больно некрасивый!» Свадьба состоялась 20 мая 1945 года. По талонам достали водку, на рынке купили картошку, капусту, тушенку. В общем, на свадебном столе были типичные продукты военного времени. Пришли соседи по квартире на Саввинской набережной,

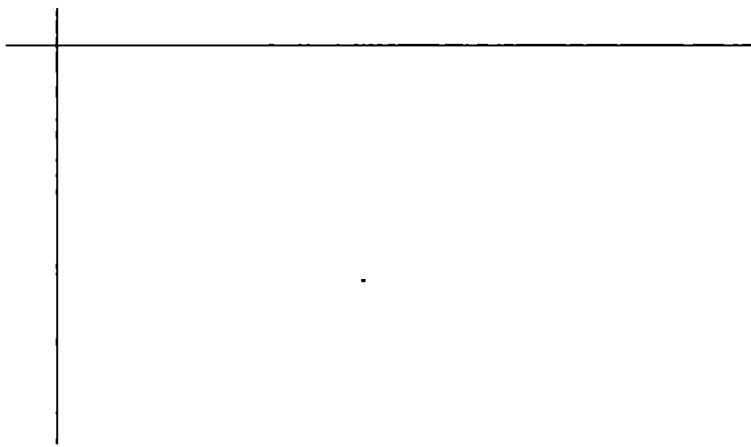

Анатолий Папанов в годы обучения в ГИТИСе

Толины родители, Елена Болеславовна и Дмитрий Филиппович Папановы, двоюродная сестра моей бабушки Мария Ковригина с мужем Женей. Во время праздника погас свет. Зажгли свечи. А когда электричество включили, то оказалось, что у гостей от свечной копоти носы черные. Все долго смеялись.

Молодые стали жить в этой квартире. Бабушка дала молодому зятю кое-какое белье и одежду, ведь дедушка был военный, и мамина семья не нуждалась. В июне 1945 года студенты четвертого курса актерского факультета сдали государственные экзамены и получили дипломы об окончании института. Большая часть курса уехала в литовский город Клайпеду и основала там Русский драматический театр. Уехали и мои родители.

Клайпеда

Заведующий труппой Московского Художественного театра Е.В. Калужский сообщил Папанову решение руководства театра: взять выпускника театрального института в труппу и предложить сразу главную роль в «Дядюшкином сне» Достоевского. Малый театр тоже приглашал, но не на главную роль, а сначала в «массовку». А Н.М. Горчаков, в то время художественный руководитель Театра сатиры, пригласил его на пробу. От всех трех предложений Папанов отказался. Он решил ехать в Клайпеду со своими однокурсниками и с любимой молодой женой.

Клайпеда — бывший немецкий город Мемель. Находится на берегу Балтийского моря. После Великой Отечественной войны этот город стал входить в состав Литовской ССР. До войны Клайпеда была крупным портом, но город был разрушен фашистами. Надо было его восстанавливать, в том числе налаживать культурную жизнь. С этой

целью был создан театр, где должны были работать две труппы: русская и литовская.

Так в литовском городе Клайпеда появились афиши, напечатанные на серой послевоенной бумаге, они сообщали:

1 9 4 7 год
ОТКРЫТИЕ КЛАЙПЕДСКОГО
РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

К. СИМОНОВ «РУССКИЙ ВОПРОС»
Б. ЛАВРЕНЕВ «ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ»
А. ФАДЕЕВ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Новый театр открывался в городе, разрушенном почти до основания. Репертуар, судя по афише, серьезный. Спектакли и репетиции проходили в здании городского театра на Театральной улице. К счастью, здание уцелело, в нем полным ходом шли реставрационные работы.

12 марта 1947 года в газете «Советская Литва» была напечатана статья, в которой говорилось, что в Москве заканчивается формирование труппы Клайпедского Русского драматического театра. Основной костяк труппы этого театра будут составлять выпускники Государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского. Это был курс М.И. Овчинничкой и В.А. Орлова, на котором и учились мои родители. Было решено ехать в Клайпеду с готовым репертуаром, чтобы сразу начать театральный сезон.

Моим родителям предстояло расставание с

родными, с домом и отъезд в неизвестный, чужой город.

Отец мог бы остаться в Москве. Его приглашали сразу в два театра: в Московский Художественный, где в перспективе были роли князя в «Дядюшкином сне» Ф.М. Достоевского, Каренина в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого и в Малый, куда он целый месяц ходил на репетиции к режиссеру Алексею Денисовичу Дикому, ставившему в том сезоне «Ревизора».

Папе очень хотелось сразу начать творческую жизнь, работу с прославленными мастерами сцены, да еще в таких знаменитых театрах. Но как же можно было бросить однокурсников и отказаться от заманчивой идеи создания своего, молодого, нового театра! И как можно бросить жену, сокурсницу, красавицу Наденьку Каратаеву, с которой они прожили к тому времени уже два года!

Разрушенная Клайпеда потрясла приехавших артистов. Родословная города начиналась в XIII веке. Но во время войны красивый старинный город был практически полностью разрушен фашистами. Здания, которые уцелели, свидетельствовали о почтенном возрасте Клайпеды. В одном из интервью газете «Советская Клайпеда» папа вспоминал: «Трудно было представить, что в этом разбитом, сожженном городе теплится жизнь. На другой день после приезда москвичи вместе с тысячами людей работали на субботнике по расчистке главной площади от завалин. А вечером был дан первый концерт. Побывал я во многих городах, но всегда с особой нежностью вспоминаю

город, где все для меня было впервые. Первые победы и неудачи, первые цветы...»

В сорок седьмом восстановление города шло усиленными темпами. Молодые артисты включились в эту работу с энтузиазмом. Они расчищали улицы от развалин, сажали деревья, цветы. Фашисты хозяйничали в Клайпедe с 1938 года. Гитлер выступал с балкона городского театра, хвастал, что для взятия города понадобилась всего одна пожарная команда. Немцы придерживались политики жестокой ассимиляции. Вытаптывалось все живое, благородное, человеческое. Нужно было восстанавливать не только дома, но и человеческие души. Эта задача и встала в первую очередь перед артистами из Москвы.

14 октября 1947 года газета «Правда» сообщила, что 5 октября в Клайпедe открылся Русский драматический театр. А очень скоро состоялась премьера «Молодой гвардии» по роману Фадеева, где Анатолий Папанов сыграл роль Сергея Тюленина. Портрет этого героя, созданный автором, удивительно совпадал с обликом отца в юности: «У паренька были чуть курчавые, должно быть, жесткие волосы, сильная грубоватая складка губ, тонких, немного выдававшихся вперед. Казалось, под губами немного припухло». Они были похожи не только внешне, но и внутренне. Они были ровесниками. Смотрели одни и те же фильмы, бредили небом и самолетами, ненавидели фашистов и встретили их с оружием в руках. Отец, который побывал на фронте, не мог не внести в эту роль что-то свое. И он сразу полюбился зрителям.

Отзывы были такие: «Больше всех нам понравился Сережка (артист Папанов), от которого мы все в восхищении... Он показывает пример настоящей дружбы, он отчаян, смел, честен, открыт, беспощаден». 30 ноября 1947 года в газете «Советская Клайпеда» появилась статья, в которой хвалили спектакль и, в частности, говорили о папе: «Особенно удачно исполнение роли Сергея Тюленина молодым актером А. Папановым. Неиссякаемая энергия, инициатива, непосредственность в выражении чувств, страстность, порывистость отличают его. Зритель с первых же минут горячо симпатизирует Тюленину — Папанову».

Вспоминает Б. Ниренбург, художественный руководитель театра, режиссер-постановщик спектакля «Молодая гвардия»: «Все зарождалось, шло изнутри, выплескивалось с невероятным темпераментом и самобытностью. Уже тогда у этого начинающего актера было твердое собственное видение, собственная точка зрения, с которой его никто и ничто не могло сбить». Мама вспоминает такой случай. Однажды папа шел по городу с театральным режиссером Верой Михайловной Третьяковой. Навстречу бежит мальчишка в задрипанной кепке. Отец так и замер. Ведь в романе Фадеева часто упоминается задиристая кепка Сережки Тюленина, лихо сбитая на затылок. Так вот она, долгожданная деталь, которая завершит внешний облик его героя!

— Мальчик, отдай мне кепку, я тебе новую куплю.

Парнишка ничего не понимал. Зашли в мага-

*А. Папанов в роли Сергея Тюленина
в спектакле «Молодая гвардия»
в Русском драматическом театре
в г. Клайпеде*

зин, купили новую кепку. Мальчишка был вне себя от радости и только повторял: «А сколько я должен? Ведь надо заплатить!» И этот вроде бы небольшой штрих, эта старенькая кепочка очень помогала начинающему артисту Папанову.

Кроме Сергея Тюленина в Клайпедском театре папа сыграл еще несколько ролей, одна из них — Леонид Борисович в пьесе «Машенька» А.Н. Афиногенова. С этим персонажем связан один смешной случай. Однажды папа ошибся и пришел на спектакль вместе с другим актером, исполнителем этой роли во втором составе. Они оделись, загримировались, каждый в своей гримерной, и вышли на сцену, правда, из разных кулис. Когда увидели друг друга, очень удивились этой встрече, но не растерялись. Спросив, как можно спокойнее, где Машенька, Папанов быстро скрылся, предоставив напарнику играть дальше.

Театр — театром, но была еще жизнь вне сцены. Мама, которая тоже была в Клайпедке, вспоминает: «Первое время мы жили в гостинице, а потом городские власти отдали театру красивый, старинный, трехэтажный дом, где нам с Толей выделили большую комнату. Комната была с большими окнами, с высокими потолками, на которых красовалась лепнина. Она находилась на втором этаже. Эту комнату мы с ним отремонтировали. Купили на рынке обои, краску — в общем, все, что нужно для ремонта. Также на рынке обзавелись мебелью. Она была самой простой: две кровати, стол, стулья, диванчик и небольшой письменный стол. В Клайпедке в это время был огромный

рынок, на котором продавалось в основном все немецкое, оставленное оккупантами после ухода из города.

Работали в театре много, а в единственный свой выходной старались уехать за город отдохнуть. Клайпеда — портовый город, он стоит на море. Места там очень красивые. Море мелкое, течение, дюны, а за дюнами сосновый лес. Но нас предупреждали, чтобы в лес далеко мы не ходили, потому что там, еще с военных времен, остались бандиты, которые называли себя «лесными братьями». Это были люди, ненавидевшие советскую власть. Они жили в землянках и были очень опасны. Бывали случаи, когда они нападали, грабили. Этого мы побаивались, хотя милиция боролась с ними довольно эффективно.

С продуктами, как и по всей стране, в послевоенное время, было плоховато. Отоваривали карточки, кое-что покупали на рынке. Готовили мы в своей комнате, на электрической плитке. Так как газа в доме не было, кухни не было тоже».

Один из артистов театра подарил моим родителям замечательного щенка эрдельтерьера. Назвали его Денди. Когда летом 1948 года они приехали в отпуск в Москву, привезли его с собой и поселили у бабушки — маминой мамы. Но в Москве остался не только щенок. Остался и папа. Неожиданная встреча на Тверском бульваре с режиссером Андреем Александровичем Гончаровым изменила его планы. «Толя, переходи к нам в театр», — сказал Гончаров. Тогда он работал режиссером Московского театра сатиры. Папа ре-

шил принять предложение, и в Клайпеду мама вернулась одна. Там она проработала еще год. Клайпедский Русский драматический театр просуществовал недолго, но он выполнил свою задачу. Вскоре там появились новые театральные коллективы. А на доске объявлений Московского театра сатиры утром 5 августа 1948 года висел приказ о зачислении в труппу артиста Анатолия Папанова. Мама осталась в Клайпедде одна, и, конечно, очень скучала без папы, хотя работы было много. Практически весь 1948 год родители жили в разлуке, хотя папа иногда приезжал к маме на праздники. Мама вспоминает, что однажды он даже прилетел на самолете, хотя в те времена этим видом транспорта пользовались не часто. Это было на Новый год. Прилетел он из Москвы в Вильнюс, а оттуда до Клайпеды добирался автобусом. Но, к сожалению, несколько дней пролетели быстро, и снова надо было возвращаться в Москву.

Когда они расставались, то пообещали друг другу писать письма дважды в неделю. Дедушка Дима, папин отец, очень аккуратно сохранил все мамины письма к отцу из Клайпеды. Вот одно из них:

«Клайпеда. 5.11.1948 года

Здравствуй, дорогой Толенька!

Вот уже двадцать дней как ты уехал, а получила от тебя я только одно письмо, хотя пишу тебе пятое. Почему так? Чем объяснить? Может быть, ты болен, тогда напиши, почему скрываешь? Или

писать тебе нечего? По-моему, я у тебя обо многом спрашивала. Вообще, я обижена таким невниманием. Ну, да это уже твое дело, насильно не заставишь писать. Я держу слово и пишу тебе часто и подробно обо всем. Очень скучаю без тебя. Вообще, настроение неважное, в особенности, потому что нет денег, а зарплату дадут числа шестого, то есть завтра. Вот уже неделю сижу так, а от этого еще скучнее. Вот вспоминаю, когда мы с тобой вдвоем были в таком положении, так как-то веселее было, ну ничего, завтра обещали дать деньги. А то ведь я, ты знаешь, все мамины деньги раздала — долги, вот и сижу, только ты, пожалуйста, не говори им об этом, я пишу, что живу хорошо, а то они будут волноваться. Ну, хватит об этом. Вчера слушала «Последние известия» по радио и передавали митинг с завода «Каучук», и так это у меня ассоциируется с тобой, что слезы навернулись, а ночью тебя во сне видела, будто ты приехал опять».

Дальше мама пишет, как идут дела в театре, как они будут встречать праздник 7 ноября и заканчивает свое письмо так: «Мне очень плохо без тебя, и я хочу как можно скорее приехать в Москву. До свидания, родной. Пиши чаще. Твоя Надя».

И уже в следующем письме от 7.11.48 года конфликт как бы разгорается, и мама пишет, что снимает с себя обещание писать письма два раза в неделю и будет отвечать только на полученные. Конечно, они любили друг друга, но по сложив-

шимся обстоятельствам не могли быть вместе, у каждого была на первом месте работа. И, естественно, когда молодые, любящие друг друга люди живут долгое время отдельно, у них возникают разные подозрения, даже не имеющие реальной основы. Через месяц на одно из писем папы мама отвечает так:

«7.11.1948 года

Здравствуй, дорогой Толя!

Получила от тебя письмо, которое не только не обрадовало меня, а наоборот, очень огорчило. Но, поразмыслив над ним, я подумала, может быть, ты со своей *эгоистической* точки зрения и был прав, написав мне такое письмо. Конечно, тебе хорошо, ты работаешь в хорошем московском театре, занимаешь неплохое положение в нем, и имеешь интересную работу, чего тебе не хватает для полного благополучия? Жены! И ты прав, предъявляя к ней требования законного супруга. Но если ты бы подошел к этому всему, как человек, работающий в театре и понимающий, что в нашем деле не работать хотя бы месяц, значит, отстать на два, то ты бы понял меня — почему я здесь сижу и почему для меня здесь «намазано медом». А ты, по-моему, пока этого понять не можешь. И мне это очень жаль, и как человеку, и как актрисе, и как твоей жене, в особенности, как и я склонна думать, что муж жене плохого желать не хочет и не может. Ты все время меня убедительно просишь написать тебе какую-то «правду»! Какую? Разве я тебе все вру, и для меня такое недоверие

уже становится не только обидным, но и оскорбительным. Ты все время во всех моих письмах стараешься отыскать плохое, хотя кроме хорошего и правдивого я ничего не пишу. Может быть, этим ты сам хочешь найти оправдание передо мной. Тогда уже я тебя буду просить написать мне «правду». Я просила тебя больше не писать мне об этом недоверии.

Я тебе также писала, что я разговаривала насчет ухода, что меня не отпускают. Со скандалом уйти можно, но ты должен понять, что уйти можно только имея место — куда, хотя бы ориентировочно. Кроме того, уйдя отсюда, я потеряю важную для меня работу. Я, конечно, на это все пойду, только ты подумай об этом хорошенько, если ты хочешь, чтобы я была не только домашней хозяйкой, но и актрисой — ведь я все-таки училась четыре года! Ну вот и все. Наверное, написано обидно для тебя, но ведь ты в своих письмах не щадишь меня».

Отношения в письмах постепенно накалялись, и мама, как разумная женщина, поняла, что надо перебираться к мужу в Москву, хотя и не было конкретного места работы. Однако уволиться было непросто. Вот выдержка из письма, датированного 25 января 1949 года:

«18-го утром пошла разговаривать с директором, ну, конечно, он ни в какую не отпускает, говорит, что даже и не заикайтесь, потому что я занята в четырех пьесах из пяти, идущих в репертуаре. Я сказала ему, что все равно я здесь работать больше не могу и уйду. Но прежде чем подать за-

явление, мне нужно сходить к юристу и узнать относительно увольнения все законы. Я пошла к юристу и объяснила ему, что по семейным обстоятельствам я должна уйти из театра, а меня не отпускают. Он сказал, что надо подать заявление, и через две недели вы можете быть свободны. По закону не имеют права задерживать. Я написала заявление, где изложила подробно причину моего ухода и подала его директору. Он сказал, что меня все равно не освободят до конца сезона.

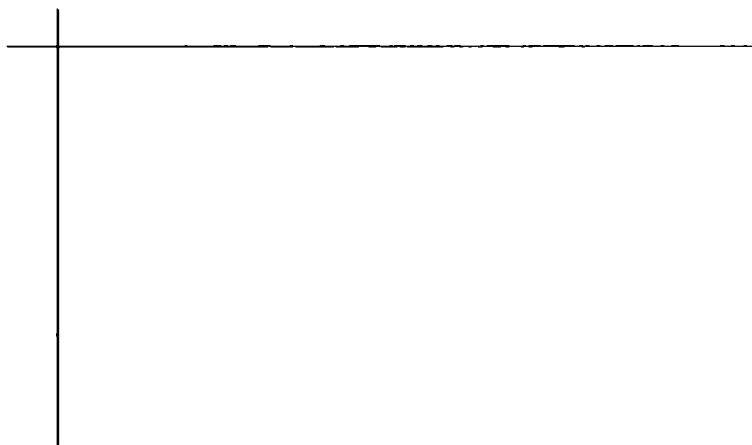
Тогда я попросила написать его на копии заявления, что оно принято такого-то числа (так мне сказал юрист, если директор не освободит, то нужно с этой копией идти к прокурору). Директор очень разозлился и написал мне на копии объяснение, которое было больше, чем заявление, в два раза, исписал его и на обратной странице тоже. Я ему сказала, что к двадцатому февраля все равно уеду, как бы он меня ни задерживал. А мнение прокурора его не интересовало, и он стал угрожать мне, что сообщит в горком комсомола. А если уеду в Москву — то в ЦК комсомола, что подрываю работу театра. Но я все равно уеду, так что к двадцатому февраля ждите меня в Москве совсем, только думаю, что здесь мне придется здорово поскандальить. Ну и черт с ним!»

Но все обошлось, так как Русский драматический театр в Клайпедде сняли с денежной дотации, существовать без нее театру было очень сложно, и вскоре его расформировали, актеров рассчитали, и мама весной благополучно вернулась

в Москву, в объятия своего любимого мужа. Конечно, если разбираться, то, исходя из маминой актерской индивидуальности, она принесла себя в жертву мужу и семье, работая в Театре сатиры. Ведь в Клайпеде она была одной из ведущих актрис, играя роли молодых героинь. Ведь ее даже приглашал в театр Г.А. Товстоногов. Она, конечно, все понимала и шла на это умышленно, видя, как талантлив муж и как быстро растет его карьера.

На этом клайпедский период жизни молодой семьи актера Папанова закончился.

*И снова
Москва*

Мама вернулась в Москву, и весь 1949 год она пыталась устроиться в театр. На показах она играла отрывок из пьесы Найденова «Дети Ванюшина». Подыгрывал ей однокурсник Юрий Хлопецкий, тоже, как и Папанов, актер Театра сатиры. Но все было безуспешно. Правда, было предложение из Московского областного театра, но мама его не приняла. Работа в областных театрах всегда связана с длительными гастролями и, соответственно, с длительными разлуками. А их и так было достаточно за время работы в Литве.

В это время родители опять поселились на Саввинской набережной. Как я уже писала, комната была просторная, но недостаточно удобная для четырех человек. Поэтому бабушка решила перегородить ее стеной и сделать из одной большой квадратной комнаты две маленькие. Эта идея была быстро претворена в жизнь. В результате получились две длинные комнатухи, где и разместилась семья Каратаевых — Папановых. Все

жильцы большой коммуналки полюбили папу. Во-первых, потому что он был артист и работал в Театре сатиры. В том театре, где играл любимец публики тех времен Хенкин. На кухне соседи просили: «Толь! Ну расскажи про Хенкина! Как себя ведет в театре, с кем дружит, что играет?» И Толя рассказывал про знаменитого коллегу — своего кумира. На кухне стояла скамеечка. Папа любил на ней посидеть, понаблюдать за людьми, за их привычками и нравами. Все для своей актерской копилки. Например, жил в квартире некий Тихон Гуков. Жил он со своей женой и тремя дочерьми в одной комнате. Служил Тихон в милиции, и папа очень любил с ним разговаривать. Бывало, придет сосед со службы, поест и сядет на кухне покурить. Так как он был блюстителем порядка, то считал своим долгом делать всем замечания. У кого керосинка сильно коптит, кто-то плохо убрал за собой, кто-то мусор не вынес... каждому жильцу Тихон находил причину для критики. Как-то папа спросил его: «Что ты, Тихон, все время на кухне сидишь? — «А что, Толя, делать! Маруся с детьми занимается, а я лучше на кухне посижу». Тогда папа отвечает: «Как, что делать? Пошел бы хоть книгу почитал!» (телевизоров тогда еще не было.) — «Да чего читать-то? Не люблю я, Толь, чужим умом жить!»

На кухне были развешаны веревки для сушки белья. Висели они довольно высоко. Хозяйки всегда просили: «Толь, ты высокий, помоги белью повесить». Помогал папа и моей бабушке, на плечах которой было все хозяйство. Ходил в магазин за продуктами, за керосином к керосиновой бочке, которая приезжала регулярно и останавливалась

*Молодой актер Папанов.
Начало 50-х годов. Театр сатиры*

недалеко от дома. Помогал выносить мусор: баки для мусора стояли во дворе. В это время из Тагила приехала папина сестра Нина с мужем и маленьким сыном. Все обосновались в маленькой комнатке у папиных родителей на Усачевке. Там вскоре у Нины родился второй ребенок, мальчик, которого она назвала в честь брата Толей.

А на Саввинской набережной, в доме № 5, в перегородженной комнате большой коммунальной квартиры жизнь шла своим чередом. Папа работал в Театре сатиры, играл там эпизодические роли и массовки, дедушка преподавал в школе МВД, бабушка работала лаборанткой в медицинском учреждении, а мама пыталась устроиться в московский театр. После очередной такой неудавшейся попытки мамы папа пришел на работу расстроенный и случайно встретил в коридоре режиссера Гончарова. Тот спросил, что случилось. Папа рассказал, что Надя не может найти в Москве работу. И Андрей Александрович опять пришел на помощь. Он посоветовал маме показаться во вспомогательный состав, который набирался для Театра сатиры. Маму приняли. Произошло это в октябре 1950 года. Новую артистку вспомсостава ввели во все массовки, которые только были в спектаклях. В это время в репертуаре был спектакль «Роковое наследство». Папанов играл в нем главную роль молодого морского офицера. Роль была пафосная, героическая и получалась у папы неважно, потому что не любил он и не умел играть подобных героев. А актриса Каратаева выходила в этом спектакле в бессловесной роли официантки. Даже без «Кушать по-

дано!» И еще было много таких спектаклей, где они работали вместе, но не на равных. А через несколько лет маму перевели в основную труппу театра. Жить они продолжали на Саввинской набережной, с соседями ладили, и вроде бы все было хорошо. Иногда после спектакля папа позволял себе выпить с друзьями и приходил домой, скажем так, не очень трезвый. Соседи, оберегая мир и покой молодой семьи, прятали отца у себя в комнатах.

В 1952 году Театр сатиры поехал на гастроли в Симферополь. Гастроли прошли с большим успехом. После них начинался отпуск, и вся труппа возвращалась в Москву. А молодые артисты Надежда Каратаева и Анатолий Папанов решили остаться в Крыму, отдохнуть. Была только одна проблема — деньги. Отпускные, конечно, они получили, но сумма была так мала, что ни о какой гостинице или доме отдыха нельзя было думать. Они приехали в Ялту и решили снять дешевую комнату, стали искать и довольно быстро нашли. Сдавала комнату одинокая женщина. Цена их устроила, и молодые супруги погрузились в беззаботное и счастливое время отпуска. Вставали очень рано и уходили из дома. Намечали себе маршрут. Например, сначала шли из Ялты до Ливадии. Шли по шоссейной дороге, по пути покупали себе пирожки, в какой-нибудь дешевой чайной пили чай и продолжали путь. Когда доходили до места назначения, спускались вниз, на пляж, там купались и загорали, а потом этой же дорогой возвращались обратно. Опять по дороге покупали пирожки, в дешевой чайной пили чай и довольные и счастливые возвращались домой. На следующий

день повторялось то же самое, только маршрут уже был другой. Например, Ялта — Ласточкино Гнездо, Ялта — Мисхор или Ялта — Алупка. Все так же спускались на пляж, купались и загорали, и, конечно, — неизменные пирожки с чаем. Денег было мало. Как-то вечером, когда они вернулись домой после очередной прогулки, к ним пришла женщина, которая жила в соседнем доме. Она рассказала, что именно в их комнате, на их кровати, лежал муж хозяйки дома, который болел открытой формой туберкулеза. Сейчас здоровье его сильно ухудшилось и он находится в больнице. Родители страшно испугались, и мама решила, что надо зайти в санаторий, который находился недалеко, и там посоветоваться с врачом. Так и поступили. Врач их успокоил, сказал, что они не заразятся: в Крыму такой целебный воздух, что убивает всю заразу.

Так мама с папой прожили в Ялте целый месяц. Когда надо было возвращаться в Москву, то выяснилось, что денег на поезд не хватает. Решили ехать автобусом. От Ялты до Москвы ходил автобус, и билеты на него были значительно дешевле. Тряслись на автобусе несколько дней. Но это их нисколько не угнетало, они были молоды. Когда приехали в Москву, никто их не мог узнать, так они похудели и загорели. Мама была очень довольна, так как похудеть она мечтала давно.

Потом, в дальнейшей жизни, они не раз отдыхали в Ялте в Доме творчества Союза театральных деятелей (СТД), часто вспоминали тот первый отпуск и считали его самым счастливым.

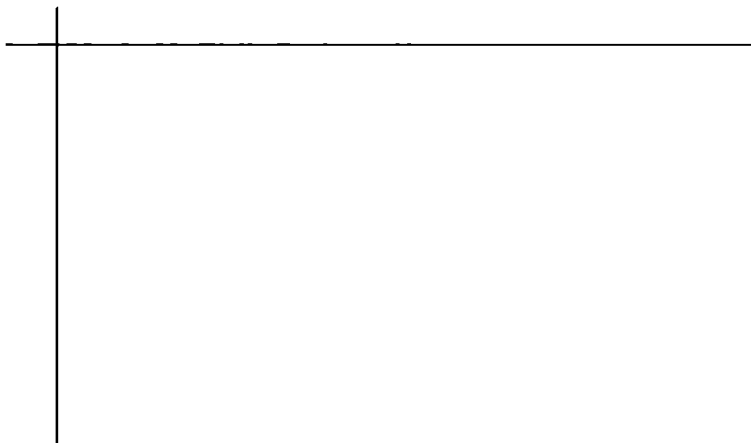
А в ноябре родилась я. Беременность мама перенесла довольно легко, работала до последнего,

Я с папой на даче

а вот рожала очень трудно. На свет я появилась в Институте акушерства и гинекологии на Пироговской улице, недалеко от дома. Маму провожал до роддома папа: шли пешком. Пока добрались, все воды отошли. Рожала меня мама около двух суток. Сейчас бы не дали женщине так долго мучиться — сделали бы кесарево сечение. Но в те времена это было не принято. Родилась я довольно крупной. Из роддома принесли меня в комнату на Саввинской. Тяжело было с маленьким ребенком в коммуналке. Чтобы помогать маме, бабушка сразу же ушла с работы, не дослужив до пенсии. У мамы было очень мало молока. И поэтому бабушка каждый день ездила на окраину города к молочнице за свежим коровьим молоком. Чтобы хозяйка не могла разбавить его, бабушка сидела и смотрела, как та доит корову. Купали меня в комнате. А воду носили из кухни через весь длинный коридор. Папа очень любил меня купать. Я сидела в детской ванночке, он поливал меня водичкой и приговаривал: «С гуся вода, с дочки худоба!» Я радовалась и хлопала по воде ладошками, за что отец прозвал меня «Гусенком». Жизнь налаживалась. Одними из первых в квартире мы купили телевизор с большой толстой линзой. Это была диковинка, поэтому к нам приходили на «телесеансы» все соседи. Прошел слух, что в театре будет свое общежитие. Мама с папой подали заявление о предоставлении комнаты, так как живут они с родителями и маленьким ребенком в стесненных условиях. Через некоторое время просьба была удовлетворена: комнату им дали. Стали собирать вещи.

Общезитие

Малая Бронная — небольшая улица в центре Москвы. Дорогая моему сердцу Малая Бронная. Сколько у меня связано воспоминаний с этой тихой улицей! Хотя сейчас ее не назовешь тихой. Множество машин создают пробки, а на месте стареньких, таких милых сердцу продовольственных магазинчиков открылись новые шикарные бутики, дорогие супермаркеты, ювелирные салоны. И местным жителям негде купить продукты и товары первой необходимости. Патриаршьи пруды или, как мы их называли, «Патрики», находятся в самом начале улицы, недалеко от Садового кольца. На Патриках мы собирались с одноклассниками. Как сейчас говорит молодежь, «тусовались». Зимой Патриаршьи пруды замерзали, и мы ходили на каток. Для меня Патрики не только сердце Малой Бронной, но и место первого свидания, первого поцелуя, первого расставания.

Стеклянное кафе «Аист» находилось почти в самом конце улицы, ближе к Тверскому бульвару. Это было место сборищ местных алкоголиков. Теперь этой «стекляшки» не узнать. Теперь здесь шикарный ресторан. А от прежнего заведения остались только название да скульптура, изображающая двух красивых длинношеих птиц, словно слившихся в поцелуе. Теперь она в своей идилической скромности кажется какой-то чужеродной в этом ныне шумном и помпезном уголке старой Москвы. В конце улицы, ближе к Тверскому бульвару, уже много лет находится Московский драматический театр на Малой Бронной. Раньше в этом здании работал Театр сатиры, а до этого — Государственный еврейский театр под руководством легендарного Соломона Михоэлса. Будучи старшекласницей, я занималась в детской театральной студии при Всероссийском театральном обществе (ВТО), которой руководила дочь великого актера и режиссера Нина Соломоновна. Это была маленькая хрупкая женщина. Мне она казалась какой-то незащищенной. Но она умела так заинтересовать и увлечь детей, что они стекались в студию со всех концов Москвы. В основном это были дети театральных деятелей, поэтому попасть в коллектив было довольно трудно.

Помню, как мы ставили водевиль В. Соллогуба «Беда от нежного сердца», где я играла одну из главных ролей. С каким упоением мы разбирали пьесу, учили текст, репетировали! Потом доставали костюмы для спектакля! Здесь, конечно, во многом помогали «театральные» родители. Но кое-какие детали и реквизит делали своими руками.

Весь процесс создания спектакля был для нас необыкновенно интересен. И именно Нине Соломоновне я благодарна за то, что она разожгла тлеющий в моей душе огонь любви к театру и актерской профессии. После окончания студии я уже точно знала, что хочу стать актрисой.

Так вот, когда Театр сатиры переехал в помещение на Малой Бронной, тогдашний директор, Михаил Семенович Никонов, решил сделать надстройку под актерское общежитие. Там разместилось девять комнат для артистов, у которых не было жилплощади. В одной из них поселилась Татьяна Ивановна Пельтцер со своим отцом Иваном Романовичем. Он был в прошлом известным киноактером: начал сниматься еще в начале века в первых кинолентах. А театральному зрителю был известен по театру Корша. Он играл характерные и эпизодические роли, но и в этих ролях был значительнее «премьеров». Пельтцер был любимцем публики. И не только. К Ивану Романовичу тянулись и коллеги актеры. По национальности он был немец. Мама Татьяны Ивановны была еврейкой.

Иван Романович оказался в общежитии с дочерью после развода с женой, которая осталась на их старой квартире. Он был уже пожилым человеком, и Татьяна Ивановна звала его «папашей». Старик с трудом передвигался по квартире. И чтобы ему не было одиноко, дочь выводила отца на кухню пообщаться с соседями.

Блистательная Татьяна Ивановна Пельтцер, впоследствии народная артистка СССР, звезда Сатиры и Ленкома, сыгравшая множество ролей в

театре и кино, сама называла себя характерной актрисой. Но ее характерность не была однообразной. Множество комических старух, которых она переиграла, не превратили ее амплуа в застывшую маску. Ей были подвластны и лирика, и драма, и сатира. Ей, безусловно, удавалось не только комическое, но и трагическое. Пожалуй, вершиной ее творчества можно назвать Мамашу Кураж из пьесы Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети». В этой роли она раскрылась полностью.

Татьяна Ивановна никогда не была замужем. Но в молодости, когда она жила и работала в Германии, у нее был серьезный роман с одним немцем, звали его Ганс. Это была безумная любовь, которая, к сожалению, не увенчалась женитьбой. Татьяна Ивановна уехала из Германии, а Ганс женился на другой женщине. Но теплые дружеские отношения у них сохранились до конца жизни. Иногда они встречались на курорте в Карловых Варах, где Татьяна Ивановна нередко отдыхала, но Ганс приезжал туда уже со своей супругой.

Но вернемся к тем временам. Вскоре Татьяна Ивановна с отцом купили кооперативную квартиру недалеко от метро «Аэропорт» и выехали из общежития. Иван Романович умер уже в собственном доме. Татьяна Ивановна до конца дней прожила там одна. А в общежитии у Пельтцер была приходящая домработница, которая приглядывала за отцом и помогала по хозяйству. У домработницы был один недостаток: она никогда не убирала за собой на кухне. За что получала выговоры от старшего по общежитию, актера Влади-

*Т.И. Пельтцер и мама в спектакле
Театра сатиры «Старая дева»*

мира Петровича Ушакова, избранного коллективом жильцов.

Это был красивый актер, которого зрители помнят по кинофильму «Свадьба с приданым», где он сыграл Максима. Приехал он в Москву из Германии, из расформированного советского войскового театра. Сначала жил один. А вскоре в общежитии появилась молодая хорошенькая артистка, которая стала его женой. Это была Вера Васильева, ставшая впоследствии знаменитой актрисой. За роль Настеньки в «Сказании о земле Сибирской» она получила Сталинскую премию, что по тем временам было наивысшим признанием. А была она тогда еще совсем молодой!

Я преклонялась перед Верой Кузьминичной за ее бескорыстную любовь к театру. Переиграв множество ролей, будучи знаменитостью и всеобщей любимицей, она на какое-то время почти выпала из репертуара. А ведь для актера простой — хуже смерти. Но Васильева приняла предложение главного режиссера Калининского драматического театра Веры Андреевны Ефремовой и стала ездить в Тверь (тогда еще Калинин) играть Аркадину в «Чайке»! Московская «прима» не погнушалась работать в провинции — так сильна была ее любовь к профессии, стремление всегда быть в поиске, не останавливаясь на достигнутом. В общежитии у Васильевой с Ушаковым тоже была домработница. Это не было роскошью, ведь артистке очень сложно совмещать работу с домашним хозяйством. Сейчас этому союзу 50 лет, и недавно была отпразднована золотая свадьба.

Одну из комнат занимала Бронислава Троно-

ва — молодая и довольно перспективная актриса театра. Бронислава была активно занята в репертуаре, притом что не имела театрального образования, а пришла из самодеятельности. Позднее друзья уговорили ее поступить в институт на заочное отделение, чтобы получить диплом. Вообще-то в московских театрах это — обязательное условие при устройстве на работу, но для Брониславы было сделано исключение — такая она была способная. Помню, в детстве я ходила на спектакль «Волшебные кольца Альманзора», где Тронева играла принцессу. Она была молодая, искренняя, заразительная и хорошенькая. Несколько раз выходила замуж. Одним из ее супругов был актер театра им. Моссовета Михаил Львов.

Еще в общежитии жил артист Алексей Овечкин. У него была красавица жена с иностранным именем Инга. Работала она медсестрой. Для меня в детстве имя Инга звучало романтично, казалось каким-то сказочным и загадочным. Потому и сама Инга представлялась волшебницей. Овечкин, так же как и Ушаков, приехал из Германии, откуда привез удивительный по тем временам радиоприемник. Такого не было ни у кого. С виду он напоминал какой-то огромный агрегат. Зато ловил множество радиостанций. Иногда актеры собирались в комнате Овечкина послушать какую-нибудь радиопередачу. Еще из техники был проигрыватель, можно было заводить пластинки. Впоследствии Овечкин переехал в другую комнату, которую до него занимала секретарша директора Полина с мужем и сыном.

Мама рассказывает, что это была очень милая

молодая женщина. Частенько, когда все собирались на кухне, она рассказывала о том, что происходит в руководстве театра, какими проблемами занят директор, Михаил Семенович Никонов. Когда Полина получила квартиру, ее комната освободилась, а она была самая большая. Вот туда и переехал Овечкин. А в его комнате поселился молодой артист Спартак Мишулин, будущий народный артист и знаменитый Карлсон. В то время Мишулин был еще не женат, вел холостяцкий образ жизни и ничего себе не готовил.

Еще в общежитии жил Виктор Байков с супругой, тот самый Байков, который много лет играл пана Вотрубю в «Кабачке 13 стульев». Эта передача была безумно популярна в советские времена, да и сейчас ее часто вспоминают... Байков имел довольно колоритную внешность, много был занят в театре и снимался в кино. Потом получил звание «заслуженного», но карьера его окончилась трагически. Долго и тяжело он был болен диабетом, в результате чего ему ампутировали обе ноги. В театр его привозили на машине, и он играл, где мог, в инвалидной коляске. Все-таки играл!

Молодые артисты Анатолий Папанов и Надежда Каратаева занимали небольшую комнатку. В ней умещались шкаф, кресло-кровать, кушетка, покрытая красивым ворсистым ковром, который спускался со стены, стол, этажерка с книгами и замечательный трельяж, на котором стояли разные стеклянные фигурки. Этими безделушками я очень любила играть, когда приезжала к родителям в гости от бабушки с бабушкой, у которых жила постоянно. Я была еще маленькая, и меня

не с кем было оставлять дома, когда родители работали. А работали они много. Ведь молодым актерам в театре работы всегда предостаточно. Возвращались очень поздно.

Мама с папой брали меня к себе нечасто, хотя я так любила бывать у них. Обитатели общежития не были избалованы общением с детьми, и поэтому, когда я туда приезжала, пользовалась всеобщим вниманием. Меня угощали разными вкусностями, дарили игрушки, приглашали к себе в гости. В моей памяти общежитие осталось как теплый уютный дом. Там еще была большая кухня со множеством шкафчиков для посуды и столиков. И несколько газовых плит. На кухне только готовили, а ели в своих комнатах. А шофер директора театра Владимир Кобец даже готовил у себя в комнате на плитке: не любил, чтобы посторонние заглядывали в его кастрюли.

Чтобы попасть на работу, нужно было спуститься с третьего этажа на первый, пересечь небольшой двор и войти в театр со служебного входа. Но вскоре выяснилось, что рядом с лестницей, по которой надо было спускаться, находилась дверь, выходившая на кухню театрального буфета для сотрудников театра. Чтобы не выходить на улицу, особенно когда было холодно, артисты иногда пользовались этим маленьким удобством. В общежитии родители прожили около пяти лет.

После этого родители получили квартиру от театра в Новых Черемушках, на улице Профсоюзная. Сейчас это уже почти центральная часть города, а тогда была окраина Москвы. Кругом шло большое строительство, и поэтому грязь там

весной и осенью была страшная. Довольно часто они на выходные брали меня к себе. Это была малогабаритная двухкомнатная квартира, как теперь принято говорить, в «хрущевке». Я обожала ездить к ним, там было очень интересно, было много детей во дворе, и я подружилась со многими. В квартире обитала сиамская кошка по кличке Белка. Белка была довольно агрессивная, и я уезжала от родителей с расцарапанными в кровь руками. Белка обожала папу и любила сидеть у него на плече. Он иногда даже в таком положении ходил с ней гулять на улицу. В подъезде жило много театральных семей. Этажом ниже жил режиссер детского театра, к сожалению, сейчас не помню, как его звали. Помню только, что он был доброжелательным, веселым человеком и любил выпить, это очень огорчало маму, так как он иногда составлял компанию моему отцу. Там родители прожили около шести лет, и я думаю, что этот период их жизни, со своими радостями и горестями, был вполне счастливым.

Мое детство

Мне шел третий год, когда мама с папой уехали с Саввинской набережной, и я осталась на попечении маминых родителей. Моя жизнь в этой квартире продолжалась почти до 15 лет. До тех пор, пока бабушка и дедушка не получили отдельную квартиру на Авангардной улице в районе Речного вокзала. Детство мое было счастливым. Родители не бросили меня на руки бабушке-дедушке. Просто они посчитали, что ребенку гораздо лучше быть под присмотром: вовремя накормленным, гуляющим на свежем воздухе, нежели сидеть в пыльных кулисах и ждать окончания репетиции или спектакля. Тем более бабушка оставила работу из-за меня, не дождавшись пенсионного возраста. Была одна попытка отдать меня в детский сад, но, проведя несколько дней, я наотрез отказалась от такого «удовольствия».

Мне нравилось бегать по длинному коридору, сидеть на кухне на лавочке, когда бабушка готовила обед. А еще больше нравилось наблюдать,

как ругались соседи: дело иногда доходило чуть ли не до драки. Тогда бабушка срочно выпроваживала меня с кухни, а я тихонечко открывала дверь и слушала крики и ор соседок — ждала, чем закончится свара. Нравилось ходить с бабушкой в магазин и покупать сочную розовую докторскую колбасу, которую я тогда очень любила; вкуснейшую сырковую массу с изюмом или цукатами, которая лежала на витрине в огромных лотках; красную и черную икру, продававшуюся в развес, в то время не очень дорогую.

Любила я ходить с бабушкой и в баню, потому что в доме не было ни горячей воды, ни ванны, ни душа. Поход в баню занимал полдня. Это была целая акция. Долго собирали чистое белье, полотенца, банные принадлежности. Все укладывали в большую сумку, еще брали большой эмалированный таз — это для меня, так как бабушка брезговала банными шайками и не хотела сажать в них ребенка. Редко когда удавалось попасть в баню без очереди: иногда приходилось отстаивать часа по два. Ведь во всех близлежащих домах отсутствовали элементарные удобства. Бабушка сажала меня, еще совсем маленькую, в таз, давала игрушки, которыми я развлекалась, пока бабушка мылась сама. А потом она мыла меня. Я обожала банные дни, потому что после мытья мне в буфете покупали стакан газированной воды с сиропом за 3 копейки, а иногда даже два. Домой возвращались разморенные, усталые, но довольные.

Наши окна выходили на Москву-реку. Я помню еще, как она замерзала, а весной был ледоход. Мы с подружками бегали смотреть, как идут по

На этой фотографии мне 5 лет

реке льдины, наезжая одна на другую и раскалываясь. Нравилось гулять с бабушкой или дедушкой по набережной. Однажды, гуляя с кем-то из взрослых, я встретила свою подружку Галю Колокольникову, которая тоже гуляла с бабушкой. Стояла зима, и у меня в руках была красивая детская лопатка для снега. Галя попросила у меня лопатку поиграть, и я дала. Вдруг случайно Галя уронила лопатку в реку, а так как льда еще не было, игрушка камнем пошла ко дну. Мне стало так жаль лопатку, что со мной произошло нечто невообразимое. Я набросилась на подружку, повалила в снег и стала бить. Взрослые пытались нас растащить, но я не унималась. С воплем «я тебя убью!» я снова кинулась на Галю, и безобразная сцена повторилась. Я царапалась, кусалась... И это продолжалось до тех пор, пока Галина бабушка не схватила ревущую девочку на руки и не унесла домой. А меня дома как следует наказали, и я попросила у Гали прощения за эту выходку. До сих пор, когда вспоминаю об этом, мне становится стыдно. К счастью, это моя ужасная выходка не отразилась на нашей с Галей дружбе.

Галя жила с родителями в нашем подъезде, в точно такой же коммуналке, как наша, только этажом выше. Она была моей ровесницей. Еще в этом подъезде жила девочка, которую звали Наташа Бурдий. Наташа была старше меня на два года, но я с ней тоже дружила. Ее папа был фотографом, а мама — билетным кассиром в кинотеатре «Спорт». Уже потом, повзрослев, мы бегали в этот кинотеатр, и Наташина мама пропускала нас без билета. Мои родители попросили Наташиного

отца сфотографировать меня. Он сделал несколько снимков. На них мне годика два или три. Впоследствии дедушка заказал тарелочку с моей фотографией. До сих пор она висит на стене спальни в моей квартире.

А в другом подъезде жила еще одна девочка, Алла Семенова. С ней я тоже дружила. Она была дочкой дипломата и несколько лет прожила с родителями в Австрии. Когда она оттуда приехала, то стала центром внимания всей ребятни нашего дома. Алла была обладательницей недоступной по тем временам заморской диковинки — жвачки! Девочка делили пластинку на несколько кусочков и угощала друзей. Я брала этот драгоценный кусочек, клала в рот и от счастья даже боялась его жевать. А потом, наконец насладившись процессом и вкусом, заворачивала комочек в бумагу и прятала. Через некоторое время, отодрав засохшее лакомство от бумаги, жевала снова. И так много раз, пока жвачка не потеряла всех своих качеств полностью.

Еще в нашем доме был мальчик Петя. Славился он тем, что бабушка его очень кутала, особенно зимой. Выйдет Петя во двор погулять, а на нем, как на капусте, семь одежек. Стоит Петя на улице, как столб, потому что пошевелиться ему неудобно. Все ребята над ним потешались.

В другой половине нашего дома на втором этаже жил мальчик Женя. Он мне нравился, но был постарше нас и уже ходил в школу. Один раз, весной, когда окна были раскрыты, подружки подговорили меня подойти к Жениным окнам и крикнуть: «I love you!» Я еще не знала, что это оз-

начает. Подошла и крикнула. Женя выглянул в окно и увидел меня. Когда мне перевели фразу, я чуть не сгорела со стыда и несколько месяцев избегала встреч с Женей. А в первом классе я влюбилась в мальчика Вову Родиновского. Он жил в соседнем доме, но играли мы вместе. И если во время какой-нибудь игры Вова в первую очередь гнался за мной, или в «прятках» находил меня, или даже дергал за косички — все это казалось ответным проявлением чувств.

А еще в нашем дворе, в подвале, обитали кошки. Их было довольно много. И каждая девочка имела «свою», «подшефную» кошку. Это значило, что ее надо было кормить, лечить и ухаживать за ней. У меня был ободранный кот Барсик. Дома я тихонечко, чтобы бабушка не видела, доставала из холодильника колбасу, резала ее на мелкие кусочки, наливала в баночку молока и шла в подвал кормить Барсика. Котяра все это съедал и долго, благодарно мурлыкал и терся о мои ноги, а я с удовольствием его гладила. Продолжалось это довольно долго, до тех пор, пока бабушка, расчесывая мне волосы, не обнаружила на голове небольшую плешинку. Она повела меня к врачу, и это оказался стригущий лишай, который пришлось долго лечить.

Родители частенько приезжали на Саввиновскую, но я без них совершенно не скучала. Даже наоборот, недолго любила их приезды, потому что надо было прерывать прогулки и игры с друзьями и идти домой. Иногда гулять со мной любил папа. Мы шли с ним по набережной до Лужников. Если была весна и снега уже не было — брали с

собой ракетки и играли в бадминтон. Или смотрели, как кто-то гоняет футбольный мяч. Или просто бродили на свежем воздухе. Возвращались домой пешком, усталые. Бабушка кормила нас обедом. Я не очень любила эти прогулки — мне гораздо интереснее было общаться с подружками. Кроме самых простых игр: «прятки», «салочек», «казаков-разбойников», мы изобретали и другие развлечения. Например, ходили «вокруг света». Крутосветное путешествие означало: выйти со двора, пройти мимо соседнего дома, повернуть на другую улицу, на которой располагались Виноградовские бани, пройти мимо бань далее по улице, параллельной набережной, потом два поворота — и опять вернуться на Саввинскую набережную. Действительно, получался круг. Ходили «вокруг света» очень осторожно, чтобы не узнали родители. Если узнают — дадут нагоняй. А еще можно было при наличии денег сделать небольшой крюк, добежать до дома культуры «Каучук» и купить мороженое у продавщицы с тележки. Фруктовое стоило 7 копеек, эскимо — 11 копеек, «Ленинградское» — 22 копейки, и — предел мечтаний — «Лакомка» — 28 копеек. Возвращались домой счастливые, храня тайну великого путешествия.

Конечно, как и все девчонки, мы с подружками любили играть в куклы. Недалеко от дома находилась швейная фабрика, и мы туда часто бегали. Дотягивались до окон цеха, где работницы кроили и шили, и кричали: «Тетенька, дай тряпочек!» Женщины просовывали в окно разноцветные лоскутки, оставшиеся после раскроя одежды.

Из этих лоскутков мы и шили платья для своих кукол.

Иногда папа приходил на Саввиновскую с кем-нибудь из своих друзей. Помню, несколько раз там бывал Евгений Яковлевич Весник. Как-то они пришли в небольшом подпитии, и Весник подарил мне замечательный чайный сервиз для кукол. Я обалдела от такого подарка. Бабушка сразу накрыла на стол. Посиделки продолжались допоздна. А в другой приезд папы с Весником мне был подарен набор немецких елочных украшений. Игрушки были необыкновенной красоты. До сих пор у меня сохранились некоторые из них. Вообще надо заметить, я не была избалована вещами. Игрушки были самые простые, за исключением куклы — негра в красных шароварах и такой же жилетке, с бусами на шее и серьгами в ушах. У негра закрывались глаза и он говорил «мама». Этого негритенка и еще одну куклу с закрывающимися глазами мне подарили бабушкина двоюродная сестра Мария Борисовна Ковригина с дядей Женей. Что касается одежды, то все перешивалось из маминых платьев. А когда родители поехали с театром на гастроли в Париж, они привезли мне мои первые колготки. Они были эластичные, красного цвета. Я очень обрадовалась этому подарку. Такие колготы были только у Аллы Семеновой, дочки дипломата. Бабушка сразу спрятала колготки в шкаф и разрешала надевать их только по праздником.

Почти в восемь лет я пошла в школу. Школа № 51 находилась недалеко от дома. Помню свою первую учительницу Лидию Сергеевну. Так как я

очень старалась, она ставила мне одни пятерки (теперь я думаю, что с натяжкой). Первый класс закончила отличницей. Таких нас было только двое: я и Надя Дыхова. А во второй класс к нам пришла новенькая, звали ее Наташа. У Наташи была необычная фамилия — Фланчик. Девочка была высокая, сутулая и в очках. Училась она очень хорошо, и поначалу я ее за это невзлюбила. У Наташи Фланчик были одни пятерки, а у меня уже стали появляться четверки. Жила Наташа с родителями в большом девятиэтажном доме рядом с нашим. Этот дом после войны построили пленные немцы. Родители ее работали на заводе и от завода получили комнату в двухкомнатной квартире. В другой комнате жила соседка с сыном. Очень мне хотелось быть снова отличницей, но никак у меня это не получалось. Я завидовала Наташке и ее дневнику с круглыми пятерками.

Поскольку жили мы в соседних домах, то в школу и из школы частенько ходили вместе. Наташа Фланчик оказалась очень доброй и отзывчивой девочкой, и мы постепенно сдружились. Когда нас приняли в октябрята, класс разбили на «звездочки». Я оказалась командиром «звездочки», в которой была и Наташа. И это нас сблизило еще больше. Что только мы не придумывали с нашими ребятами: и конкурсы, и праздники. Зимой вместе катались на санках, на коньках. А отметки мои становились все хуже. В дневнике стали появляться тройки, а Наташа стабильно держала планку отличницы. Но это уже не мешало нашей дружбе. И когда я перешла в другую школу, мы продол-

жали дружить. Дружим и сейчас, хотя у каждой своя судьба и свои семьи.

С большой любовью я вспоминаю свою первую школу и первых учителей. Мама с папой уже жили в Новых Черемушках, где они получили двухкомнатную квартиру от театра, но регулярно меня навещали. Правда, я привыкла жить без родителей и совершенно без них не скучала. Не особенно замечала их отсутствия. Свою бабушку, Марию Васильевну Каратаеву, я считаю второй мамой. Она была очень близким мне человеком. Учителя в школе общались только с бабушкой, и она ходила на все родительские собрания. Педагоги знали, что у Леночки Папановой родители — артисты и что живут они отдельно. Больше о них никто ничего не знал. И только в 1963 году, когда на экраны вышел фильм «Живые и мертвые», все узнали, что генерала Серпилина играет мой отец. На меня в школе стали обращать внимание. С последующими фильмами популярность актера Папанова стала возрастать, а я все больше комплексовала. Мне казалось, что со мной дружат из-за отца. Что благодаря ему я получаю хорошие отметки. Что когда со мной разговаривают, то в первую очередь видят во мне дочку известного артиста, и эти первые плоды славы мне не очень нравились. Но сама для себя я все равно уже решила, что буду актрисой... И стала действовать. Уговорила Наташу Фланчик пойти со мной записаться в Народный театр Дома культуры «Каучук». Но туда нас не приняли, а посоветовали пойти в кружок художественного слова. Там я познакомилась с Альбертом Дмитриевичем Иловайским.

*Сцена из спектакля «Клоп»
по пьесе Владимира Маяковского*

*Шафер в спектакле «Клоп».
«Ну, этот артист — танк», —
сказал Алексей Арбузов
после просмотра спектакля*

*В «Клопе» отец
играл две роли.
Вторая — Двуногое
Четвероногое*

*Мама —
«Посажённая
мать»
в спектакле
«Клоп»*

*Евгений Весник и папа были не только партнерами на сцене.
И в жизни их связывала большая дружба.
«12 стульев». Весник — Остап Бендер,
Папанов — Киса Воробьянинов*

*«Если я увижу внешность персонажа,
я его пойму», — говорил папа.*

*В роли Почесухина в спектакле «Памятник себе»
по пьесе С. Михалкова*

В. Ленко для отца был не только учителем, но и товарищем.

Сцена из спектакля «Памятник себе»

К гриму папа всегда относился очень серьезно.

Вельзевул — «Мистерия Буфф» В. Маяковского

*Сцена из спектакля «Дамоклов меч».
В этом спектакле партнером папы был
прекрасный актер О.И. Солжус*

Боксер — одна из первых больших ролей папы в театре. Посмотрев «Дамоклов меч» К. Симонов предложил Столтеру попробовать Папанова на роль Серпилина в «Живых и мертвых»

Бродский. «Интервенция». Сцена из спектакля

*А. Патанов, М. Державин, Р. Ткачук
в спектакле «Последний парад»*

*Сцена из спектакля «У времени в плену» В. Вишневского.
Это один из любимых моих спектаклей*

Спектакль «У времени в плену». С Романом Ткачуком

*В роли солдата
Сысоева*

Папа — солдат Сысоев

*Папанов — Городничий.
Сцена из спектакля «Ревизор» Н.В. Гоголя*

*На репетиции
«Ревизора».
А. Миронов,
С. Мишулин,
В. Васильева,
Г. Менглет*

*«Алло! Городничий
слушает!»
Во время антракта*

*Пана — Фамусов. М.М. Державин — Скалозуб.
Спектакль «Горе от ума» А. Грибоедова*

*В роли Хлудова
в спектакле
«Бег»*

Сцена из спектакля «Гнездо глухаря» по пьесе В. Розова

Сцена из спектакля «Гнездо глухаря»
Искра —
Т. Васильева,
Судаков —
А. Папанов,
Георгий —
Г. Мартиросян

Вместе они
были не только
в жизни,
но и на сцене.

«Гнездо глухаря»

*Папа с работниками Театра Сатиры.
Он всегда был доброжелателен и открыт для всех*

*Сцена из спектакля «Роденькие мои» А. Смирнова,
того Смирнова, который был режиссером фильма
«Белорусский вокзал»*

Тесть — в спектакле «Роденькие мои» А. Смирнова

С Натальей Селезневой на репетиции спектакля «Последние»

С В. Плучеком

Он был актером Центрального детского театра и руководил этим кружком. До сих пор остались в памяти те стихи, которые я учила в кружке. Нам с Наташей нравилось ходить на репетиции, выступать на различных праздниках, на концертах художественной самодеятельности. Все это очень увлекало, и решение стать актрисой окончательно созрело. Между прочим, в ДК «Каучук» до войны в Народном театре занимался и отец. Такое вот стечение обстоятельств.

В шестом классе к нам пришел второгодник Володя Крутов. Естественно, учился он отвратительно, больше пропадал на улице и слыл отпетым хулиганом. Но все это не могло повлиять на мои чувства к нему. Я влюбилась. Я ходила в школу только из-за Володи, и когда его не было, день для меня был потерян. Чтобы понравиться Володе, я начала подкрашиваться. Это заметила учительница биологии и вызвала бабушку в школу. Она рассказала ей о своих подозрениях по поводу моих чувств к второгоднику Крутову. И, конечно, о том, что я начала краситься. Сейчас это совершенно не понятно современному подростку, но тогда нравы в школе были очень строгие. Слава Богу, моя бабушка была умным и тактичным человеком. Она побеседовала со мной по душам и попросила больше не краситься. Я выполнила ее просьбу, но это не изменило моих чувств к Крутову. А тот обращал на меня внимания не больше, чем на остальных девчонок. С такого горя я решила попробовать курить. Естественно, подруга Наташа была в курсе всех событий. Я воровала у бабушки сигареты, мы с Наташей ходили гулять

Моя бабушка Мария Васильевна

и дедушка Юрий Васильевич, которых я считаю своими вторыми родителями

по близким улицам. Я доставала сигареты, спички и закуривала. Мы шли, обсуждая мою любовь, и я чувствовала себя очень несчастной. Но с сигаретой — уже взрослой. И мне это очень нравилось.

А когда я училась в седьмом классе, бабушке и дедушке дали отдельную однокомнатную квартиру. К тому времени и родители получили от театра трехкомнатную квартиру на улице Алексея Толстого. На семейном совете было решено, что я буду жить с ними. Мне было 14 лет, и я рассталась со своим детством, которое было очень счастливым. Я любила нашу коммуналку, любила соседей, которые мне стали как родные, любила свою школу и своих друзей. И мне было невыразимо грустно покидать эту квартиру на Саввинской набережной в доме № 5.

*Театр
Сатиры*

Поздний вечер. Я школьница, сижу, делаю уроки. Открывается дверь: приходят после спектакля уставшие мои родители. Проходя по коридору, отец на минуту заглядывает в мою комнату, интересуется, как дела в школе. На заверение, что все нормально, довольно говорит: «Молодец, молодец, старайся!» А выходя из комнаты, восклицает, подражая дедушке Диме: «Неужель не послушает!» Через некоторое время родители на кухне пьют чай и разговаривают о театре, о прошедшем спектакле, о последних театральных новостях. А я, продолжая делать уроки, одним ухом ловлю, о чем идет речь. А как же! Мне безумно интересно, ведь я втайне от родных мечтаю стать актрисой! Разговоры долгие — спать ложатся за полночь. Все в доме затихает. А для меня все еще звучат эти волнующие имена: Миронов, Васильева, Аросева, Менглет, Ткачук... Фамилии знаменитых и любимых актеров дорогого мне Театра Сатиры, где с августа 1948 года начал служить мой папа.

В то время, как отец туда пришел, этот театр был уже очень популярен, так же, как и его ведущие артисты. Многие из них в те годы блистали на эстраде. Это были Поль, Хенкин, Лепко, Курихин, Слонова, Зверева, Милютин и другие. Все эти звезды отнеслись к Папанову равнодушно, как к очередному молодому актеру, пополнившему труппу. Но сознавая, что он артист характерный и вполне способен претендовать на их возрастные роли, не очень-то давали ему ходу. Стареющие знаменитости держались на своих позициях крепко. Поэтому первое время уделом отца были массовки и эпизодические роли. Однако папа считал мэтров своими учителями. Мама, которая спустя год вернулась из Клайпеды и также поступила в Театр сатиры, рассказывала, что, когда отец не был занят в спектакле, он частенько стоял за кулисами и наблюдал за работой «стариков». Больше всех он любил Владимира Яковлевича Хенкина. Это был блестящий, необыкновенно талантливый артист. Он сумел стать королем эстрады, обладая крупным речевым дефектом — он не выговаривал буквы «Р» и «Л». Его подражатели пробовали «не выговаривать» точно так же — но у них все оказывалось не смешно, а скорее грустно, потому что они использовали чужой прием, скрывая за этим собственную заурядность. Владимир Яковлевич сразу приметил молодого, долговязого и необыкновенно способного артиста. Папе повезло играть с ним в одном спектакле. Это был старинный водевиль Ленского «Лев Гурьич Синичкин». Сначала папе досталась крохотная роль Нептуна. Но он и к ней подошел серьез-

но, нашел красочку, изобразив своего персонажа подвыпившим. Позже он сыграет в этом спектакле две более значительные роли (помощника режиссера и директора театра Пустославцева).

Вспоминая «Льва Гурыча Синичкина», в одном из интервью отец рассказывал, что не только на сцене, но и за кулисами царил радостная, творческая атмосфера. А после спектакля в артистической гримерной Хенкина собирались. Сыпались анекдоты. Устраивались розыгрыши. Кто только не сидел на продавленном диване, обняв вытертым зеленым плюшем! Здесь был настоящий актерский клуб. Розыгрыши бывали и во время спектаклей. Папа рассказывал: «Однажды — это было в сорок девятом году — в спектакле «Мешок соблазнов» по Марку Твену я играл Джека Холидея. Мне, чтобы выйти из затруднительного положения и не остановить действие, кроме хладнокровия потребовалась еще просто физическая сила. По ходу событий Джеку нужно было утащить мешок (с соблазнами), валявшийся на улице-сцене. Как всегда, я спокойно подошел, как всегда, хотел легко и артистично (это требовалось по замыслу) взвалить на плечи злосчастный мешок... Раз! — ни с места. Ого! Камней, что ли, наложили?! Что делать... Поднатужился я, еле оторвал прибитый к сцене мешок. А за кулисами хохочет группа артистов, среди которых замечательный Владимир Алексеевич Лепко». С Лепко у папы были дружеские отношения. Тот был помоложе остальных «зубров» — Хенкина, Поля, Курихина, и оказался для отца не только учителем мастерства, но и товарищем.

Первый успех пришел не сразу, а только через 10 лет. Молодой артист сыграл директора фабрики игрушек в пьесе З. Гердта и М. Львовского «Поцелуй феи». После спектакля состоялось обсуждение. На сцене актеры, в зале зрители. Так получилось, что Папанов долго разгримировывался и опоздал к началу обсуждения, а когда вышел на сцену, кто-то сказал: «Вот Анатолий Папанов, который играл...» И вдруг все зааплодировали и аплодировали громко и долго. Это было впервые в папиной жизни, а ему уже было почти сорок лет.

Когда в театр пришел новый режиссер Валентин Плучек, он взял для постановки пьесу Маяковского «Клоп». Папа там играл маленькую роль Шафера на свадьбе, а Лепко — Присыпкина. Потом они вместе были заняты еще в нескольких спектаклях. Папа не переставал восхищаться мастерством этого великолепного актера. Он ценил чужой талант. А сам в каждой из своих, поначалу совсем небольших, ролей пытался сначала придумать и воплотить внешний облик своего героя, от которого потом шел к внутреннему образу. Впоследствии он говорил так: «Если я увижу внешность персонажа, я его пойму». С самого начала в труппе Театра сатиры Папанов зарекомендовал себя как характерный, даже гротесковый актер.

Когда в театре появился молодой Евгений Весник, они с папой очень сдружились. Были ровесниками, оба прошли фронт, оба беззаветно любили театр... Весник был очень компанейским молодым человеком. Но в их дружбе была еще одна союзница — водочка. Они обожали под нее пове-

селиться, что очень огорчало мою маму. Она рассказывала такой случай. Однажды папа не пришел ночевать. Исчез вместе с Весником. Мама в панике обзванивала знакомых — никаких следов. Оказывается, друзья укатили... в Ленинград. Сели на вокзале в вагон-ресторан. Доехали до Ленинграда. Погуляли по городу. Вечером опять сели в вагон-ресторан. Вернулись в Москву. По домам разъехались довольные и, разумеется, веселые. Или еще случай, об одной «веселой» встрече, рассказанный Весником:

«Посидели мы с дедом (я ровесник Папанова, тоже фронтовик, но почему-то называл его дедом, а он меня сопляком) в ресторанчике, выпили, едем на такси:

— Ты кто? — спрашивает Папанов.

— Я — Женя Весник

— Не ври! Он — мой друг.

Через какое-то время опять.

— Ты кто? — спрашивает Папанов.

— Я — Женя Весник

— Не ври! Он — мой друг.

И так всю дорогу. На следующее утро рассказываю ему о вчерашнем. Папанов бурно реагирует:

— Как ты можешь врать?! Ты же мой друг!!!»

Когда отец начинал выпивать, он становился неумным. Никто и ничто не могло его остановить, если он не набрал свою дозу. Не любил пить дома, всегда предпочитал компании. Мама его разыскивала по всем друзьям и знакомым, возвращала, но он снова куда-то уходил, пока не «добирал», сколько хотел. Это могло продолжаться не-

сколько дней, в таком состоянии терялись ключи, деньги, документы. Потом, видимо, организм, перегруженный алкоголем, говорил «Стоп!» И начинался мучительный выход из запоя. Помогали в этом долгие прогулки на свежем воздухе, обычно в Лужниках.

Был еще такой случай. Однажды папа сидел в какой-то компании, выпивал, спорил, рассуждал — это он обожал. Видимо, в тот вечер он сильно устал и по дороге домой сел на лавочку, которая стояла прямо у прокуратуры. К нему подошел милиционер и сказал, что здесь сидеть в таком виде не положено. Отец сказал, что отдохнет минутку и пойдет дальше, но милиционер неуступчивый попался. В общем, слово за слово, и кончилось тем, что папа схватил стража порядка за галстук. Галстук был на пуговке, та оторвалась, и папа оказался с трофеем в руках. Милиционер рассвирепел и вызвал наряд. На следующий день в Театр сатиры пришло письмо. ▸

*МВД РСФСР
50 отделение милиции
Исполнительного комитета
Свердловского районного Совета
депутатов трудящихся г. Москвы
01.08.1959г.
№ 50)1570*

Директору Московского театра сатиры

Сообщаем, что артист вверенного Вам театра Папанов Анатолий Дмитриевич 29 июля 1959 года, будучи в нетрезвом состоянии, на Пушкинской площади учинил скандал, сорвал с сотрудника милиции галстук, выражался нецензурными словами, на замечания не реагировал.

На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19.12.1956 года «Об ответственности за мелкое хулиганство» Нарсудом Свердловского района г. Москвы осужден на 15 суток

О принятых мерах общественного воздействия просим сообщить по адресу: Пушкинская улица, д. 15)3, 50 отделение милиции.

И.о. Начальника 50 отделения милиции г. Москвы _____ (Штейнбок)

И отсидел Папанов все 15 суток. Вечером его привозили с милиционером играть спектакль, а днем он подметал улицы.

В театре на собрании его попытались «проработать», но артисты вступились:

— Да бросьте Вы, он такие интересные истории из жизни арестованных рассказывает.

А в милицию пришел ответ:

*И.о. Начальника 50 отделения
милиции г. Москвы тов. Штейнбоку
06.08.1959г.*

На Ваше письмо № 50)1570 от 01.08.1959 г. Дирекция Московского театра сатиры сообщает, что поступок артиста Папанова А.Д. обсуждался на расширенном заседании местного комитета и на общем собрании коллектива и сурово осужден.

Директор Московского театра сатиры
_____ (Н. Мочалов)

Мама очень страдала. Помню, в один из таких тяжелых периодов она приехала к нам на Саввинскую набережную, долго плакала и говорила, что хочет развестись. Но бабушка уговорила ее этого не делать. Впрочем, мне кажется, мама и сама бы не решилась на такой шаг — так преданно и страстно любила отца. А вот на работе пьянки отразиться, к счастью, не успели. К очередному спектаклю или съемкам папа всегда приводил себя в норму. Но, наверное, это было нелегко, и однажды случилось чудо. Он сказал себе «Нет!» и навсегда распрощался со спиртным. С тех пор даже на больших застольях наливал себе в рюмку вместо водки минеральную воду. Впрочем, для того, чтобы остаться в профессии, отец пожертвовал бы и большим, чем водка.

И все же, попросив прощения у читателя за столь печальное отступление, вернусь к дружбе отца с Евгением Весником. Евгений Яковлевич сделал инсценировку романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Сам он давно мечтал сыграть Остапа Бендера, папе была предложена роль Кисы Воробьянинова. Репетировал спектакль замечательный актер и режиссер Эраст Павлович Гарин. Папа обожал Гарина. Записывал за ним разные выражения, смешные словечки, которыми была полна речь Эраста Павловича.

Например:

Папанов: «Эраст Павлович, душногато в репетиционном зале».

Гарин: «Правильно. Откроем форточки и устроим проветрон в смысле кислородизма».

Или:

Папанов: «Эраст Павлович, в этой сцене не хватает музыки».

Гарин: «Правильно. Душещипательность хиловатая. Хорошо бы здесь скрипочками! Для слезорождения!!!»

Кису Воробьянинова Папанов играл замечательно, так что зритель проникался сочувствием к этому нелепому, жалкому человеку. Взмах бритвы над спящим Остапом — это конец и его, Воробьянинова, пустой, никому не нужной жизни.

Ксения Александровна Локшина, жена Эраста Павловича, которую все называли Хesia, была режиссером на этой постановке, всегда приносила на репетиции что-нибудь вкусенькое. И во время перерыва неизменно угощала Весника и Папанова.

Евгений Весник рассказывает: «А как-то после репетиции «12 стульев» простуженный Папанов предложил «согреться». Для реализации идеи не хватало одного рубля, который они добыли у Хесии Александровны. Благодетельница попросила взять ее в компанию, и мы, решив, что хрупкая женщина много не выпьет, согласились. Разливаем зелье поровну. Хрупкая Локшина выпивает целый стакан. И, не закусывая, уходит... Надо было видеть выражение лица Папанова! — «Рубль не отдавай», выдал он тут же».

Отец, бывая в гостях у Гариных, рассказывал, какой это уютный и хлебосольный дом. Когда он впервые побывал там, то его больше всего поразило, что Эраст Павлович спал на простой солдатской железной кровати. Судьба свела их еще в одной работе — в фильме «Веселые расплюев-

ские дни», где папа играл Максима Варравина и капитана Полутатарина. Режиссерами этой картины были Гарин и Локшина. Фильм сделан по пьесе Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина». Сейчас он, к сожалению, незаслуженно забыт.

В театре карьера Папанова постепенно шла в гору. Встреча отца с Валентином Николаевичем Плучеком, который потом займет очень важное место в его творческой биографии, произошла на спектакле по пьесе Полякова «Ваше дело», где Папанов исполнял роль новатора — ревнивца Петра Зыбина. В.Н. Плучек пришел в театр в 1950 году. Главным режиссером тогда был Николай Васильевич Петров. Плучек уже в то время считался опытным режиссером. Он работал в театре им. Мейерхольда, руководил театром рабочей молодежи, возглавлял Театр Северного флота, где прослужил всю Отечественную войну. В Театр сатиры пришел очередным режиссером и сначала не очень выделял молодого артиста Папанова. Обратил на него внимание, только когда тот сыграл роль Шафера в спектакле «Клоп». Эту пьесу Маяковского ставили сразу три режиссера: Н.В. Петров, В.Н. Плучек и С.Н. Юткевич. Шафер участвовал только в сцене свадьбы и произносил всего несколько реплик. Но образ, созданный отцом, получился такой яркий, что актера отметили даже критики. Впоследствии Плучек рассказывал, что когда драматург Алексей Арбузов посмотрел «Клопа», то сказал про исполнителя роли Шафера так: «Ну, это артист — танк».

Валентин Николаевич Плучек всегда выделял неповторимый юмор Папанова: «Лето 1956 года.

Гастроли Театра сатиры во Владивостоке. Восхищенные красотой бухты «Золотой рог», мы с Анатолием Дмитриевичем наконец-то решаем начать здоровый образ жизни: рано вставать, на пляже делать усиленную зарядку, а водные процедуры совершать прямо в Амурском заливе. И вот это прекрасное утро наступило. Мы вдвоем заплываем довольно далеко от берега. И вдруг Анатолий Дмитриевич тихо обращается ко мне:

— Валентин Николаевич, давайте поплывем еще дальше.

— Зачем?

— Поговорим о политике!

И я начинаю тонуть».

Самые испытанные остряки театра не выдерживали соревнования, если Папанов начинал свои рассказы. Очень часто это были зарисовки зоркого глаза, выраженные метким словом.

В 1963 году Театр сатиры поехал на Международный фестиваль в Париж. В.А. Лепко был удостоен премии за лучшее исполнение мужской роли — Присыпкина. Французские критики отмечали прекрасную игру актера А. Папанова в маленькой эпизодической роли.

Целая галерея образов создана отцом в постановках В.Н. Плучека, который впоследствии стал главным режиссером Театра сатиры. Какие-то работы были более удачны, какие-то менее, но во всех чувствовалась духовная связь Папанова с эстетикой родного театра и его художественного руководителя. Сорок лет он отдал этому театру, а ведь его приглашали во МХАТ, в Малый... Но я не театровед, чтобы давать оценку совместному твор-

честву режиссера Плучека и актера Папанова. Думаю, что по-своему папа уважал и ценил Плучека как мастера, хотя иногда в нем чувствовалось и недовольство. За глаза он называл его «Плунькой». Известен такой случай. На одном из сборов труппы в начале сезона Плучек рассказывал, что он был за границей и смотрел спектакль, который поставил его двоюродный брат Питер Брук. Он рассказывал, какой это замечательный спектакль, какие там заняты театральные звезды с мировыми именами и как бы ему хотелось поработать с этими артистами. Все очень внимательно слушали. А Папанов вдруг сказал: «Знаете, Валентин Николаевич, мы бы тоже хотели поработать с Питером Бруком, а работаем только с его двоюродным братом». Раздался хохот.

Зинаида Павловна, жена Валентина Николаевича Плучека, имела на мужа огромное влияние. Когда-то она была актрисой в Театре Северного флота, где Плучек работал главным режиссером. Но на этом ее актерская карьера кончилась, и жизнь была посвящена супругу. Детей совместных у них никогда не было, а у него был сын от первого брака, с которым, по-моему, тесных контактов у Плучека не было. Через несколько лет после смерти Валентина Николаевича прекрасная квартира с дорогими вещами, с бесценной павловской мебелью, собранной из комиссионных и антикварных магазинов, по воле Зинаиды Павловны была завещана не сыну Плучека, а Бахрушинскому музею для создания мемориальной квартиры. Папа звал супругу Плучека просто Зиной и говорил ей «ты». Относился к ней с изряд-

ной долей критики. Мама рассказывала, что, когда Георгию Павловичу Менглету дали звание «Народный артист СССР», тот решил отметить это событие в ресторане Дома литераторов. У папы уже было к этому времени такое звание, а у Плучека — нет. Собралось много гостей, в том числе и ведущие артисты Театра сатиры. Так получилось, что мои родители сидели за одним столом с Плучеком и его супругой. Все шло хорошо. И вдруг Зинаида Павловна начала возмущаться, что вот, мол, безобразие — Папанов и Менглет уже народные артисты СССР, а ее муж — только РСФСР (кто не помнит, раньше были такие градации: н.а. СССР выше н.а. РСФСР). Отец встал из-за стола, подошел к ней, схватил за грудки и стал трясти: «Если ты еще будешь выступать и так говорить, я тебя убью!» Мама закричала: «Толя, прекрати!» Лишь после этого папа отпустил перепуганную Зину. При этом он был совершенно трезв. На следующий день отец встретил ее в коридоре театра, а она, как будто не было вчерашнего, сказала: «Здравствуй. Толечка!» Сделала вид, что не обиделась, и даже стала лучше к нему относиться.

Зинаида Павловна была весьма своеобразной женщиной. Она могла придти, например, в грим-уборную к какой-нибудь актрисе, когда той художник-гример Сильва Васильевна делала прическу, и резко заявить: «Сильва! Что это ты такое сделала на голове! Что это за прическа? Надо расчесать!» Брала расческу и расчесывала волосы актрисы. «Что это ты надела такую юбку? Эта юбка не годится для роли, надевай другую!»

А был еще такой случай. Праздновали день

рождения Зинаиды Павловны. К ним в дом было приглашено много гостей, в том числе и большинство ведущих актеров Театра сатиры. А моих родителей не пригласили. Мама и папа были уязвлены, и это, видимо, дошло до виновницы торжества. Она часто присутствовала вместе с мужем на вечерних спектаклях, а так как жили Папановы и Плучеки по соседству, нередко возвращались все вместе. Так было и на этот раз. И вот Зинаида Павловна говорит отцу: «Толя, ты извини, что мы вас с Надей не пригласили к себе. Ты понимаешь, у нас же очень тесно было, даже стульев на всех гостей не хватило». На что папа ответил: «Зина, ты бы сказала, что со стульями плохо, мы бы со своими пришли. Что нам, долго ли — дорогу перейти!» А Валентин Николаевич осадил жену: «Зина, ну прекрати. Уже сделала ошибку, и хватит об этом!»

Зинаида Павловна любила разные подношения и подарки. Мама рассказывает, что многие актеры щедро одаривали Плучеков, особенно после поездок. Мои родители никогда этого не делали. Плучек неплохо рисовал и собирал художественные альбомы. Однажды папа привез из Германии шикарный альбом с репродукциями картин самых известных немецких художников. Мама его спросила: «Это ты Плучеку?» Отец ответил: «С какой стати?» Папа никогда ни о чем не просил главрежа, за исключением одного случая. Шла работа над грибоедовской комедией «Горе от ума». Папа репетировал Фамусова, Татьяна Ивановна Пельтцер — старуху Хлестову. Она не очень хотела играть эту роль, работала без удовольствия. Не

знаю, по какой причине. Да и с Плучеком у нее к тому времени уже были натянутые отношения. И когда Валентин Николаевич сделал ей замечание, что, мол, она не репетирует в полную силу, Татьяна Ивановна дерзко отпарировала, встала и ушла с репетиции. Разразился скандал. Тогда все артисты собрались и решили: «Толя, только тебе идти к Плучеку!» Папа пошел к нему домой. Плучек заявил: «Или я, или Пельтцер!» Отец долго его уговаривал, но Плучек был неумолим. А Татьяна Ивановна сама обратилась к Марку Захарову, руководителю Ленкома, и тот взял ее в свой театр. Там она успешно проработала до конца жизни.

Конечно, Плучек сыграл немаловажную роль в творческой биографии моего отца, хотя в последние годы совместная работа с ним не доставляла папе особого удовольствия. Когда незадолго до смерти ему досталась одна из главных ролей в инсценировке «Бесов» Достоевского, он говорил: «Да не хочу я больше работать с Плучеком. Я уже знаю заранее, что он будет говорить и как будет работать. Мне уже это неинтересно. И я хочу поработать в театре с другими режиссерами».

Папа никогда не опаздывал ни на спектакли, ни на репетиции и терпеть не мог, когда это делали другие. Когда он стал маститым актером, он позволял себе сердиться, если кто-то задерживался и оправдывал это съемками или концертами. Театр, — считал отец, — превыше всего, а все остальное — приложение. Если ты позволяешь себе опаздывать, значит, театр для тебя не главное, надо уходить из него и заниматься только кино. Он не любил разгильдяйства и пренебрежительного

отношения к делу. Не любил, когда в театре курили, особенно в неподобающем месте. И терпеть не мог курящих женщин. Говорил, что женщина и сигарета — понятия несовместимые. У женщины должен быть чистый, звонкий, а не прокуренный голос. Молодежь в театре его побаивалась, потому что он мог довольно резко высказать замечание, но, надо отдать должное, всегда по делу. Старался день спектакля не занимать ни съемками, ни озвучанием, ни концертами. На спектакль обычно ходил из дома пешком, благо это было недалеко.

Последние двадцать лет жизни отца родители жили на улице Алексея Толстого. Теперь это Спиридоновка. Не понимаю, кому помешал замечательный русский писатель Алексей Николаевич Толстой. Слава Богу, на этой улице сохранился его Дом-музей. Как ни странно, рядом с ним не упразднен и Дом-музей А.М. Горького — красивейший особняк Серебряного века. А в церкви напротив венчался Пушкин. Во времена советской власти там не служили. Была лаборатория какого-то научно-исследовательского института. Сейчас церковь отреставрирована и действует. Мама часто туда заходит поставить свечи за здравие и за упокой.

Мама всю жизнь была членом КПСС, вела большую общественную работу в театре. И потому была далека от веры. Но после смерти папы ее жизнь резко переломилась. Она часто стала задумываться о вере, о Боге, о смысле бытия. Я уговорила ее принять крещение. И несколько лет назад она его приняла. Не знаю, был ли крещен папа, но до смер-

ти своей матери в 1972 году, проходя или проезжая мимо церкви, он всегда осенял себя крестным знаменем. Иногда он захаживал в храм. Когда умерла его мама, он перестал это делать. Как-то я его спросила — почему? Он ответил, что очень просил Господа сохранить мать, но тот не внял, и вера пошатнулась... На эту тему можно поспорить, но таков был его ответ.

Итак, отец ходил от Никитских ворот до площади Маяковского пешком. По дороге он повторял текст роли, думал над образом, который предстоит играть или репетировать. В театр приходил задолго до спектакля, а не за полчаса, как предписано правилами. Очень уважительно относился ко всем сотрудникам, будь то актер или монтировщик. Был в театре рабочий сцены по фамилии Напалков, маленький, неказистый человек. Папу он звал «Натолий Дмитрич». Отец при встрече всегда его спрашивал: «Что новенького, как живешь?» И завязывался разговор. Отец уважительно относился ко всем работникам театра от гардеробщицы и до директора. А когда купил новенький автомобиль «Волга» и если случалось приехать на нем в театр, то никогда не ставил его около служебного входа, а старался поставить подальше, напротив военной академии. Он не хотел лишний раз быть объектом зависти для сослуживцев, ведь не все тогда могли позволить себе иметь машину. Сидя в своей гримерке и готовясь к спектаклю, отец не любил, когда его отвлекали не по делу с очередным новым анекдотом или пустой болтовней. Если же дело касалось предстоящего спектакля, он всегда разъяснял и под-

сказывал охотно. Терпеть не мог, когда задерживали начало спектакля, и всегда говорил помощнику режиссера Елизавете Абрамовне Забелиной: «Лизочек, ну давай начинай, уже семь часов, пора!» — «Так как же, Анатолий Дмитриевич, ведь не было сигнала от администратора, что зал готов. Может, некоторые еще в раздевалке». — «Лизочек, это их проблемы. Мы должны начинать вовремя. Хуже нет, когда зритель сидит и ждет начала, а потом начинает хлопать».

Очень бережно относился к тексту. Сам всегда точно его знал (хотя память была не очень хорошая) и не любил, когда авторский текст подменяют своим (проще говоря, «отсебятину»). Заучивая свою роль, всегда точно знал все последние реплики партнера и очень сердился, когда их выдавали неправильно. Просил артиста выучить свой текст точно и советовал ничего нового не выдумывать. Он был очень профессиональным актером.

Есть артисты, которые обожают устраивать на сцене розыгрыши. Папа этим никогда не увлекался, да и с ним шутили только по молодости. Впоследствии, кажется, побаивались.

На спектакле он всегда выкладывался. Играл в полную силу, не щадя себя. Никогда не делал себе поблажек при любом состоянии здоровья и при любых жизненных обстоятельствах. Когда он был на сцене, его сердце билось в безудержном ритме. Я думаю, если в это время ему бы измерили давление, то оно было бы, конечно, повышенным. Надо было глубоко проникнуться сущностью того или иного персонажа, чтобы сказать о каж-

дом с такой исчерпывающей полнотой. Например, сравнивая двух героев, папа сказал: «У Бродского (персонаж пьесы Л. Славина «Интервенция») пульс 140, а у Юсова (персонаж пьесы А.Н. Островского «Доходное место») пониженное давление, у него внутри холод».

Но надо заметить, что премьерные спектакли у него всегда получались хуже, чем последующие — он очень волновался, даже уже будучи мастером сцены. Плучек говорил, что Папанова надо смотреть на шестой — седьмой день после премьеры. «Накатанные» спектакли играл блестяще — все репетиционные находки возвращались. Но у критиков есть обычай приходить именно на премьеры. В данном случае они обделяли себя тем, что видели «не того» Папанова. Во время спектакля в антрактах папа не был завсегдатаем актерского буфета. Вообще в буфете появлялся крайне редко, только когда в течение дня не успевал пообедать и был голоден. Хотя, по рассказам мамы, в старом Театре сатиры (он тогда находился тоже на площади Маяковского, но в здании, которое потом перешло к театру «Современник») был прекрасный буфет и очень милая буфетчица. Тогда молодые артисты, в том числе и мои родители, частенько засиживались там после спектакля за полночь. Буфетчица никогда никого не выгоняла, давала молодежи вдоволь пообщаться. Ведь актерский буфет в жизни театра многое значит. Это не только место, где можно перекусить, но и клуб, где обсуждают, спорят, разыгрывают друг друга, знакомятся, влюбляются, расходятся и даже иногда получают роли. Но это все было в

молодости, а потом в нахлынувшей круговерти дел было уже не до посиделок в буфете. Да и не любил отец, когда ему «в рот смотрят во время еды».

Даже на гастроли мама всегда брала с собой электрическую плитку, маленькие кастрюли, ложки, вилки, ножи — все для того, чтобы можно было поесть в номере, хотя за театром всегда закреплялась хорошая столовая. Очень часто горкомовская, где все было на несколько порядков выше, чем в городском общепите. Но прикрепление к такой столовой не всегда обходилось без проблем. Иногда самым популярным актерам приходилось играть концерт для городского руководства или идти к нему на прием с ходатайством. Однокурсник моих родителей, Александр Петрович Левинский, прекрасный директор театра, иногда просил отца: «Толя, ну выступи в концерте, тогда уже точно все двери в городе для театра будут открыты!» И, конечно, папа не мог отказать. Он очень много делал добра, «хлопотал по инстанциям» — и за своих коллег, и за друзей, знакомых, родных. Ходил к разным начальникам, кому-то выбивал ордер на жилье, кому-то телефон, кому-то звания. И всегда находил на это время.

Михаил Михайлович Державин рассказал такую историю: «Как-то с Анатолием Дмитриевичем пошли мы к заведующему отделом культуры ЦК КПСС В.Ф. Шауро, чтобы продвинуть документы на получение званий народных артистов СССР Плучеку и Менглету. Я тогда был председателем месткома. В кабинете у Шауро Папанов говорит:

— Я слышал, что вы любите чай с сушками?

— Да, очень люблю.

— И я люблю, на фронте привык

Секретарша сразу же принесла горячий чай с сушками. Завязалась беседа про жизнь, про театр, про войну. Беседовали довольно долго, а когда уходили, Папанов сказал:

— Ну ведь Вы, Василий Филимонович, знаете зачем мы приходили».

Вспоминает Виктор Мережко: «Папанов всегда всем помогал. Когда он узнал, что у меня в квартире нет телефона, тут же предложил: «Ты узнай фамилию начальника телефонного узла, завтра пойдем!» Заходим в здание, и Папанов с криком накидывается в вестибюле на какого-то человека: «Как вам не стыдно? Тут крупнейший писатель современности (какой я к черту тогда был писатель?) прозябает без телефона!» Я потом спросил у Папанова, как он вообще догадался, что это и есть начальник, на что Анатолий Дмитриевич ответил: «По морде». Через два дня у меня был телефон. Анатолий Дмитриевич любил звонить рано утром, когда я еще спал, чтобы сказать своим незабываемым голосом: «Просыпайся, Витюха, надо писать бессмертные произведения!» А потом каждый год, в начале января, Папанов угощал за свой счет того телефонного начальника. Звонил и говорил: «Витюха, завтра будем угощать нужника».

Сложнее всего ему было хлопотать за близких. Уж так он был воспитан родителями и временем — для себя в последнюю очередь. Моя мама, заслуженная артистка России Надежда Юрьевна Каратаева, проработала с ним вместе в Театре сатиры сорок лет. Но не было случая, чтобы папа просил для нее звания, роли, привилегии. Однаж-

ды, например, маму выдвигали на звание «заслуженной», были посланы документы, но дело двигалось очень медленно, бумаги застряли. Тогдашний секретарь партийной организации театра Борис Рунге подошел к папе с предложением вступить в ряды КПСС. За это, он обещал, в райкоме хлопоты за маму. Тогда и документы продвинулись, и быстрое получение звания обеспечено. Папа отказался. Вечером он рассказал об этом разговоре жене. Мама ответила: «Правильно, Толя! А потом, у тебя и времени нет для этого». Она его поняла и не осудила.

Или еще случай. В Театре сатиры стало известно, что вскоре Плучек начнет репетировать новую пьесу «Гнездо глухаря». Также стало известно, что главную роль — крупного чиновника Министерства иностранных дел Судакова — будет играть Папанов. Актриса О.А. Аросева обратилась к папе с просьбой, чтобы он попросил у Плучека для нее роль жены Судакова. Папа поговорил с Плучеком и получил такой ответ: «Толя! А я хотел, чтобы эту роль играла твоя Надя». «Ну это как вы хотите», — сказал папа. Надо отдать должное Плучеку: он отца не послушал и дал эту роль маме. Она хорошо ее репетировала, а потом блестяще играла. Это была ее творческая удача. Мне даже кажется, что папа слегка ревновал. И, действительно, после этой роли маме сразу присвоили звание заслуженной артистки РСФСР. Так же было и со мной. Может быть, при поступлении в ГИТИС или при зачислении в театр им. Ермоловой моя знаменитая фамилия и имела какое-то значение, но знаю точно, что отец за меня не просил. А ко-

гда я уже работала в театре и играла свои первые роли, как-то Владимир Алексеевич Андреев, худрук театра и мой бывший руководитель курса спросил: «Ну что, отец когда-нибудь придет тебя посмотреть?» Я рассказала папе об этом. Но время шло, а ему все было некогда. Какое-то время я даже избегала встреч с Андреевым, боясь, что он меня опять спросит об этом... Были случаи, когда звонили режиссеры и предлагали нам сняться вместе в кино. Но папе то не нравился сценарий, то съемки не укладывались в его плотный рабочий график. Так и не удалось нам сыграть вместе.

В 1986 году папа приступил к постановке нового спектакля. Не знаю почему, но приглянулась ему пьеса Горького «Последние». И решил он ее поставить в Театре сатиры. Показал маме. Ей пьеса понравилась, но она засомневалась, что она уместна в театре, где основа репертуара — юмор, сатира, комедия. Показал Плучеку. Тот сказал, что Горького не любит, что этот автор вообще не для их театра, и отказал. Тогда отец привел в пример Андрея Миронова, который в то время уже поставил три спектакля («Бешеные деньги», «Тени» и «Прощай, конферансье»), и Менглета, сделавшего спектакль «Ложь для узкого круга». Валентин Николаевич все это выслушал и, видя, что Папанов горит страстным желанием ставить именно эту пьесу, согласился.

К подбору актеров папа отнесся чрезвычайно серьезно. Главную женскую роль Софьи Коломийцевой очень хотела играть Ольга Александровна Аросева. Она пыталась уговорить папу играть Ивана Коломийцева — главную мужскую роль. Но па-

па не хотел, это была его первая постановка, а ставить и играть одновременно ему было очень сложно. На роль этого героя он решил взять Георгия Павловича Менглета. Тот попросил, чтобы роль Софьи, его жены, отдали Нине Николаевне Архиповой, которая была его женой на самом деле. Когда прошли первые репетиции, папа убедился, что Архиповой роль более подходит. Героиня должна быть мягкой, ранимой, незащищенной. Архипова обладала всеми этими качествами. Аросева же по натуре — человек властный и независимый. На роль Якова он пригласил народного артиста РСФСР А. Козела. Актер он был замечательный, но, к сожалению, к тому времени мало востребованный, давно не получал новых ролей. Однажды папа встретил его и сообщил о своем выборе. Козел был удивлен, даже сражен этим предложением. Он долго благодарил отца: «Толя, спасибо тебе большое за оказанное доверие. Я уже думал, что в этом театре про меня забыли!» Играла в этом спектакле и Вера Кузьминична Васильева, которая вспоминает: «Он подошел ко мне и сказал: «Верочка, ты меня извини, я хочу предложить тебе роль хоть небольшую, но для меня как режиссера очень важную...» А я до этого ничего нового не играла. Для актера хуже казни не придумаешь. Ни хорошая зарплата, ни почетные звания такой раны залечить не могут». В. К. Васильева исполняла в этом спектакле роль госпожи Соколовой, матери юноши-революционера, посаженного в тюрьму. Роль старухи-няньки исполняла старейшая актриса театра Валентина Георгиевна Токарская. В роли Надежды была занята популяр-

ная Наталья Селезнева. А горбатую дочь Любовь играла актриса Татьяна Бондаренко. Сначала папа хотел, чтобы сыграла я. Он неоднократно говорил мне об этом, но я работала в другом театре. А в то время не практиковалось, чтобы актер или актриса из одной труппы «гастролировали» в другой, как это повсеместно принято сегодня. Поэтому папа все-таки взял Таню, и мне ее работа очень понравилась.

Папанов-режиссер чутко и нежно относился ко всем актерам, занятым в спектакле. Вера Кузьминична Васильева вспоминает о работе в «Последних»: «Как мы все любили этот спектакль! И не только потому, что это была первая и лебединая песня Папанова-режиссера. Этот спектакль зарождался и развивался в нежной, озабоченной успехом каждого атмосфере. «Сам в этой шкуре хожу — актера знаю», — говорил Папанов и работал с нами особенно, незабываемо, пробуждая самые звучные струны наших дарований и отдавая лучшие мелодии своей души».

Однажды, после неудавшейся репетиции, актеры увидели, что Папанов огорчился и приуныл, повторяя: «Плохо, очень плохо. Ну почему так плохо?» Но ни слова упрека в сторону актеров сказано не было. Артисты вслед за режиссером тоже приуныли. Отец, видя это, стал их подбадривать, похвалил отдельные сцены. Участники спектакля постарались переложить часть вины за неудавшуюся репетицию на себя. Тогда отец сказал, что он сам как актер «натерпелся от попреков и обвинений режиссеров, и такой стиль работы неприемлем».

Надо заметить, что папа никогда не ругал актеров. Он был членом худсовета, и, конечно, к его слову прислушивались. На худсоветах во время обсуждения нового спектакля поощряется критика на новую работу. И многие актеры этим пользуются не в меру и ругают своих коллег незаслуженно. Отец если же и критиковал, то в редких случаях. Он говорил так: «Я знаю, сколько труда, сколько души вложено в эту работу. Вот это и нужно ценить, а не цепляться за недостатки. Ведь актер играет плохо не потому что не хочет играть хорошо, а он просто в силу своих возможностей не может! Я, как Василий Иванович Качалов. Он всегда хвалил!» И папа рассказывал актерскую байку про замечательного артиста МХАТа В.И. Качалова: «Однажды после премьеры Качалов сказал одному актеру:

— Я вчера смотрел спектакль, как Вы замечательно играли! — Рядом стоял другой актер, он и ему говорит, — и Вы замечательно играли! — А он ему отвечает, — Василий Иванович, но я не был занят в этом спектакле. — Ну ничего, — ответил Качалов, — если бы были заняты, то тоже играли бы замечательно».

Еще был случай. Однажды, после показа первого акта главному режиссеру театра Плучеку, молодая актриса Света Рябова расплакалась из-за того, что тот сильно отругал ее и сделал много замечаний. Она выбежала из репетиционного зала в слезах. Отец догнал ее и долго уговаривал: «Светочка, ну не плачь, не плачь! Это я виноват, я мало с тобой работал. Ты будешь хорошо играть. Прошу тебя, не плачь!» Мне запомнился и такой эпи-

зод, связанный с этим спектаклем. На генеральной репетиции, которая перед премьерой устраивается «для пап и мам», я сидела в партере. А впереди меня, несколькими рядами ближе к сцене, сидел отец. То есть я могла видеть только его спину. На протяжении всего спектакля я не знала, куда мне смотреть: на сцену или на спину отца. Последняя была чрезвычайно выразительна! Все существо Папанова было в спектакле, вместе с актерами, и когда у них что-то не получалось, спина как-то сугулилась, сжималась, а когда что-то было хорошо, то спина распрямлялась, голова поднималась. Это было очень красноречиво, и понятно, что на момент спектакля для Папанова ничего не существует кроме того, что происходит на сцене. А происходило рождение спектакля. В конце звучала молитва в исполнении Ф.И. Шаляпина. По тем временам это была довольно смелая находка, и отец боялся, что оканчивать спектакль молитвой не разрешат. Ведь шел 1986 год, и перед тем, как спектакль показывали зрителю, он проходил несколько этапов проверок: начиная с художественного совета и кончая «приемкой» чиновников из Управления культуры. Но, слава Богу, все обошлось. А потом эта шаляпинская молитва звучала реквиемом по самому Папанову.

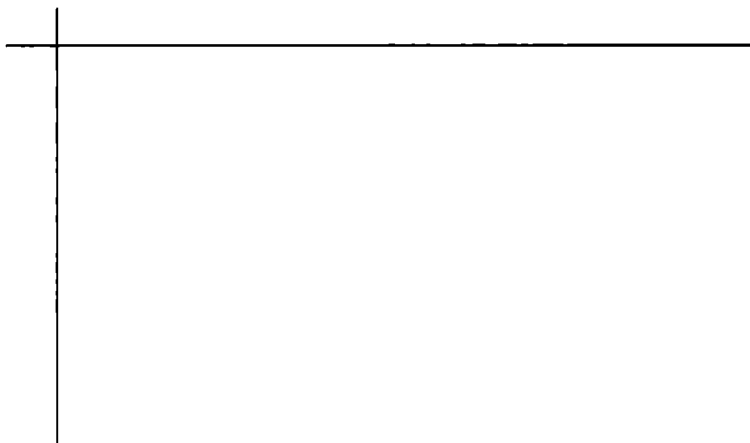
Как-то великий русский критик В. Стасов сказал: «Всякое художественное произведение есть всегда верное зеркало своего творца, и замаскировать в нем свою натуру ни один не может». Верное зеркало творца. Спектакль получился не суетный, интеллигентный, очень бережный по отно-

шению к актерам, художникам. Сам папа как бы «растворился» в актерам, его режиссура дирижирует, но не солирует. Деликатно и скромно уступая и даря возможность взлета своим коллегам. Папа не изменил себе в этом первом режиссерском опыте. Он сумел создать ансамбль — редкое явление в сегодняшнем театре. Но в этом ансамбле не хватает его самого, отдавшего роль Ивана Коломийцева Георгию Менглету. Причем, явно «свою» роль — и в этом тоже весь Папанов.

Художник А. Васильев «выстроил» на сцене интерьеры дома: огромного, вычурно-безвкусного, богатого и убогого одновременно, плотно мебелированного и какого-то гулко и неуютно пустого. Этот дом невозможно обжить. Все утыкаются по углам, все не находят места — в доме, в жизни.

Через несколько лет, уже после смерти отца, я пришла пересмотреть «Последних». Спектакль хорошо принимался зрителями. Он не распался, как это обычно бывает со спектаклями, за которыми перестает присматривать режиссер. Я думаю, что в этом заслуга всех участников постановки. Она держалась на их памяти и любви к Папанову. «Хорошо бы его заснять на пленку!» — подумалось мне. Но театр не проявил инициативы, и я сама решила договориться с оператором. К сожалению, в суматохе дел некогда было этим заняться, а через некоторое время спектакль сняли с репертуара. Театральная жизнь шла своим порядком.

*Гастроли,
поездки*

Но вернусь к гастролям. Как известно, раньше они проходили чаще и длились дольше, чем сейчас. В связи с этим происходило много курьезных случаев. Вот один из них. В Ростове-на-Дону артистов, от театра до гостиницы, которая располагалась довольно далеко, возили на автобусе. Однажды день выдался тяжелый. Утром была репетиция, а вечером спектакль. Все очень устали. В автобусе кто-то заснул, кто-то просто смотрел в окно. Стояла тишина. Вдруг раздался громкий голос Папанова: «Скорее б ночь прошла, и снова на работу!» Взрыв смеха. И настроение у людей уже другое.

На гастролях отец вел себя очень скромно, старался держаться подальше от шумных актерских тусовок, любил гулять по улицам незнакомых городов. Чтобы не узнавали, надевал темные очки, надвигал на брови кепку. Гулял и наблюдал за людьми — все для своей актерской копилки. Неприхотливый в домашнем быту, на гастролях

любил жить в хороших номерах. Очень огорчился, когда в Риге их с мамой поселили в средненькой гостинице, хотя та и находилась в центре города недалеко от театра. Все остальные артисты были размещены за городом, в хорошем пансионе с большим парком, и на спектакли их возили на автобусе. Поэтому близость театра здесь не играла никакой роли. Видя такую несправедливость, отец довольно резко высказал свои претензии заместителю директора театра. В следующем городе, в Вильнюсе, перепуганный замдиректора заказал для родителей шикарный «люкс» в отличной гостинице, но, к сожалению, папе уже не удалось туда приехать.

Театр сатиры был одним из немногих театров, которые выезжали на гастроли за границу. Расскажу о нескольких поездках, хотя их было намного больше.

В 1966 году театр поехал на гастроли во Францию. Это было целое событие — первая поездка театра в капиталистическую страну. Поехали на Международный театральный фестиваль, который проходил в Париже на сцене Театра наций, со спектаклем по пьесе В. Маяковского «Клоп». В Париже были около недели. Поселили их в маленькой недорогой гостинице, но недалеко от театра, в котором играли. Ходили в театр пешком и часть пути проходили по улице Сен-Дени. Почему-то на этой улице ближе к ночи собирались представительницы древнейшей профессии, и почему-то папа пользовался у них большим успехом. Когда шли, он всегда просил маму: «Надя, дай-ка я

*Театр сатиры перед вылетом на гастроли.
В центре помощник режиссера Н. Жирикова*

возьму тебя под руку, так будут поменьше приставать».

Евгений Павлович Весник вспоминал еще о таком забавном эпизоде: «Задержавшись на концерте в театре «Олимпия», нанимаем такси. Толя не сводит глаз с кепки водителя, клетчатой, с помпоном.

Папанов (*тихонько*): — Видал кепочку? Мне б такую! Жертва капитализма, а одет получше нас с тобой и кепочка — ай! Ну где такую достанешь! Буржуй с помпончиком!

Приехали, расплачиваемся.

Водитель (*на чисто русском языке*): — Пожалуйста, получите сдачу. А такую кепочку можете завтра купить на улице Риволи, 18. Всех благ!

Такси уехало. Папанов был ошарашен ответом!»

Или еще случай из той же поездки: «Однажды во время экскурсии рядом с нашим автобусом остановилась машина, в которой сидел президент Франции Де Голль. Его машина ждала, пока откроются ворота в какой-то замок. Из всех нас только один Толя — он был очень наивным, чистым человеком — с расширившимися глазами произнес, глядя на Де Голля: «Бонжур, господин Де Голль!» Тот снял свою фуражку с длинным козырьком (примерно такой же длины, как его нос) и ответил: «Бонжур, месье».

После этого я год спрашивал у Папанова: «Где твоя новая книга?» «Какая?» — удивлялся он. «Под названием «Моя дружба с Де Голлем».

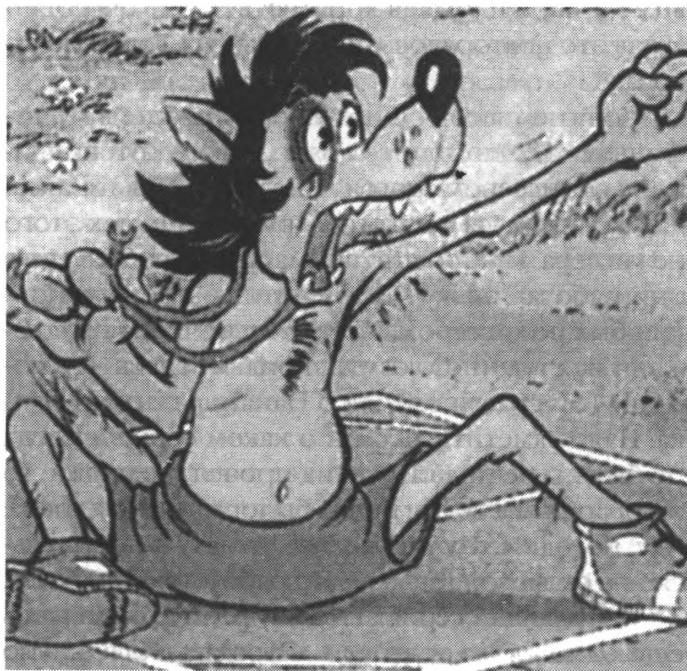
Конечно, были и экскурсии по городу и встречи с интересными людьми. Париж всех потряс. Вернулись в Москву, как будто побывали на дру-

гой планете. Сколько рассказов и впечатлений было после поездки!

Хочу еще вспомнить об одном забавном случае, который произошел на гастролях в Болгарии, в одном из небольших городов. Чтобы встретить артистов знаменитого театра, на центральной площади собралась огромная толпа народа. Когда артисты вышли из автобуса, вся площадь, дети и взрослые, закричали: «Ну, погоди!» Артисты и руководство были в замешательстве, ведь должна состояться официальная церемония встречи, а здесь: «Ну, погоди!» После речей, которые были запланированы, к микрофону подошел Папанов и сказал своим характерным голосом: «Ну, заяц...» — и вся площадь хором ответила: «...погоди!» И так это повторялось несколько раз. Городок ликовал.

Хочу немного остановиться на работе в мультфильме «Ну, погоди!» С Вячеславом Котеночкиным, режиссером этого фильма, папа был знаком давно, снимался до этого в других фильмах этого режиссера. И не только анимационных. Знаю, что они работали в журнале «Фитиль», где Котеночкин был режиссером. Когда Котеночкину предложили на студии «Союзмультфильм» снять «Ну, погоди!», он сразу подумал о Папанове в роли Волка. Надо заметить, что ни о каком сериале тогда не было и речи. Когда папа прочел сценарий, то он огорчился, ведь у Волка было только два слова: «Ну, погоди!» «Ну где же тут артисту развернуться?» — сказал он вздыхая. Но работать согласился. В последующих сериях к тексту роли прибавилось еще одно слово и вышло «Ну, заяц, погоди!» Со

временем этот мультик завоевал сердца не только детей, но и взрослых. Отец как-то пожаловался Котеночкину: «Что ты мне какую-то нездоровую популярность создал. Мальчишки нашего двора при виде меня кричат: «Ну, погоди!» А недавно вышел из театра и решил прогуляться по Калининскому проспекту — навстречу два пацана идут. И один как закричит на всю улицу: «Смотрите, Волк идет!» Ростислав Плятт как-то заметил, что Папанов стал главным волком Советского Союза. Такая популярность немного удручала папу, и в сердцах он иногда говорил, что Волк «пергрыз» всю его биографию.

А сколько было смешных пародий на Волка.
Вот несколько из них.

Когда идет мультфильм «Ну, погоди!»
И страшный Волк рычит с телеэкранов,
Мне хочется сказать: — Ну, погляди!
Он просто шутит, это же — Папанов!

Александр Иванов

Полон всех актерских планов,
Сердцем юн А.Д. Папанов.
Кто ж пустил сей кривотолк,
Что он в мультфильмах — старый волк?

И. Фаббаржевич

Немеют зрители, когда —
Вдруг из Папановской груди:
— Я пригласил Вас, господа,
Что б сообщить ... «Ну, погоди!»

Андрей Внуков

Какая амплитуда,
Похожая на чудо,
Похожая на диво —
От Волка до Комдива.

Анатолий Житницкий

Шагнул на тысячи
экранов,
Известен в целом
мире,
Но, как и прежде,
А. Папанов
Принадлежит
Сатире.

Л. Самойлов

На пути к своему
бенефису
Всех сыграл он:
и Волка, и Кису.

Б. Брайнин

С Кларой Румяновой, актрисой, озвучивающей Зайца, папа тоже был знаком еще до работы над «Ну, погоди!» До этого они встречались на фильмах «Чьи в лесу шишки?» и «Паровозик из Ромашково», Румянова — Паровозик, Папанов — Репродуктор. И вот работа над «Ну, погоди!» Румянова вспоминает: «Работать было очень интересно, но меня иногда подводила моя неорганизованность, я часто опаздывала на озвучание, не в пример Папанову, который всегда приходил вовремя. И когда это случалось со мной, Папанов всегда говорил только одну фразу «Ну, Клара, погоди!»

В планах Вячеслава Котеночкина было снять продолжение серий, но уже про детей Волка и Зайца. Где главные герои уже помирились. У Волка один сын, он играет интеллигентно на скрипочке, а у Зайца — трое зайчат: один — панк, второй — металлист, третий — рокер. Зайчата обижают Волчонка, и между ними возникает конфликт. И вот там у Волка уже должен был быть текст. Узнав об этом, отец очень обрадовался. Но, к сожалению, этого не произошло.

В Болгарии папа был несколько раз. У него там было много друзей. Один из них, Саша Стоянов, директор Театра Народной Армии в Софии.

С ним он познакомился на фестивале пьес Назыма Хикмета, который проходил в Софии в 1965 г. на сцене этого театра. Я уже писала, что в «Сатире» шла пьеса этого автора «Дамоклов меч», где Папанов играл одну из главных ролей — Боксера. Практически, это одна из первых его больших драматических ролей в театре. На фестиваль были приглашены Папанов и Зоя Зелинская, как актеры, исполняющие центральные роли в спектакле. Им нужно было войти в спектакль болгарских коллег «Дамоклов меч» и сыграть в нем свои роли. Они должны были играть на русском языке, болгарские актеры — соответственно, на болгарском. Третьим артистом, приглашенным на этот фестиваль из СССР, был Всеволод Семенович Якут, который исполнял главную роль в пьесе «Чудак» Назыма Хикмета. Он тоже должен был на сцене болгарского Театра Народной Армии сыграть свою роль с болгарскими коллегами. Далее предполагался творческий обмен актерами. Болгары приезжали и играли в спектаклях москвичей эти же роли. За работу директор театра в Софии Стоянов заплатил актерам деньги. В советском посольстве сказали, что часть заработанных денег они должны отдать в пользу государства. Что делать? Папанов и Зелинская так и сделали, а Якут категорически отказался, объясняя это тем, что у него двое маленьких детей.

На том фестивале отец и сдружился с Сашей Стояновым. Когда Стоянов бывал в Москве, один или с семьей, он всегда приходил к нам в гости. Потом уже, в один из приездов в Москву, он

сетовал по поводу случая с деньгами: «Какой я дурак, как я не догадался, что в посольстве отберут часть денег, мне нужно было не отдавать вам деньги в руки, а на них вам сделать хорошие подарки».

Вообще надо заметить, что папа очень любил Болгарию. В интервью, данному одному болгарскому журналу, он так красочно и своеобразно описал свою любовь к этой стране и к главному городу — Софии.

«Люблю Софию — с ее историческими местами и памятниками, зеленью и многими моими друзьями. А среди них — Георгий Капоянчев, Саша Стоянов, Володя Янгов, Веселин Васелев, многие другие, с кем встречаюсь и у Вас, и в Москве. Как при упоминании о Пушкине, вспоминаю строки: «Люблю тебя, Петра творение...» — и они бурлят внутри, словно искристое шампанское, так, вспоминая Софию, мысленно пью такую же чашу в честь моих болгарских друзей...»

Немного хочу рассказать о поездке родителей в Италию в 1974 году. Театр поехал на гастроли по приглашению Итальянской Коммунистической партии. Побывали в Риме, Флоренции, Венеции, в Генуе. Возили спектакль «Клоп» и «Яблоко раздора» (М. Бирюкова). Вообще, «Клоп» одно время являлся своеобразной визитной карточкой театра и ни одни гастроли без него не обходились. Конечно, было много впечатлений от пребывания в этих прекрасных городах, но был и один курьезный случай.

Денег платили мало, и, чтобы купить какие-то

подарки и сувениры, приходилось экономить на еде. Как едва ли не все советские люди, выезжавшие тогда за рубеж, практически все артисты взяли с собой какие-то продукты из Москвы, кипятильники и электрические плитки, чтобы готовить еду. Один раз, когда, голодные после длительного переезда из города в город, они заселились в гостиницу и включили свои электроприборы, не выдержав напряжения, в гостинице погас свет. Конечно, итальянцам это было трудно понять, они только разводили руками в недоумении и говорили: «Приехали русские артисты».

Никогда мои родители не возвращались с гастролей с пустыми руками. Всегда привозили подарки, сувениры для всей семьи. Когда они поехали в Италию, я уже была студенткой актерского факультета ГИТИСа. После их возвращения я стала самой модной девушкой нашего института. Мне привезли кожаное пальто (тогда их было не достать), моднейшие сапоги на платформе, кофточки, юбки... В детстве, когда я жила с бабушкой, родители не баловали меня одеждой, часто перешивались старые мамины вещички. Зато потом они как будто наверстывали упущенное. Я была им очень благодарна и чувствовала себя королевой.

А гастролей и поездок было довольно много. Разумеется, чаще всех ездил отец, потому что его приглашали еще в поездки от Союза кинематографистов. В основном делегации выезжали на Недели советских фильмов или фестивали совет-

ского кино, которые проходили в разных странах.

Одним из первых таких путешествий от Союза кинематографистов была поездка в Японию в 1964 году. Там папа представлял фильм «Живые и мертвые».

«Живые и мертвые» — экранизация романа Константина Симонова. Снял фильм режиссер Александр Столпер на киностудии «Мосфильм» в 1963 году. Когда папе позвонили с киностудии с предложением придти и попробоваться на роль генерала Серпилина, он был просто ошарашен, и сначала отказался. Ему казалось, что нет ничего общего между генералом, героем Великой Отечественной войны, и им, комедийным актером. Правда, портрет Серпилина, данный К.М. Симоновым в романе, совпадал с обликом актера Папанова. Но это было внешнее сходство, хотя, наверное, поначалу именно это сходство заставило Столпера предложить отцу попробоваться на эту роль. Папа, конечно, с юмором, говорил: «Меня пригласили на роль Серпилина, потому что у Симонова написано, что генерал имел «лошадиное» лицо». Потом Столпер признался, что уже после первой беседы с Папановым он был абсолютно уверен в правильности выбора. Для отца это была первая роль такого плана в кино. В одном из интервью он говорил: «Все, что связано с войной, для меня, бывшего фронтовика, никакими годами не отдалить. Буду помнить всегда и первую встречу с Серпилиным на страницах романа К.М. Симонова, и то волнение, которое охватило меня, ко-

гда я был утвержден на эту роль, и первые съемки. Серпилин — образ собирательный. Минули десятилетия, и, возвращаясь мыслями к нему, невольно думаю о многих людях, встретившихся на моем жизненном пути. И неожиданно для себя самого я признал в нем черты старого мастера, который учил меня на Втором подшипниковом заводе, где довелось мне до армии работать токарем, и главного хирурга военного госпиталя, где я лежал, тяжело раненным. Оказывается, Серпилин вобрал в себя черты характера и поведения многих дорогих для меня людей. Фильм «Живые и мертвые», так же как и «Белорусский вокзал», очень близок мне еще и потому, что он про мое поколение, про тех, кто ушел на фронт в 1941 году».

Совершенно разные человеческие натуры — артист Анатолий Папанов и генерал Серпилин. Но в фильме их объединяет ощущение войны как огромного человеческого горя и знание жесточайших фронтовых будней. Хотя эти знания и несоизмеримы: ведь Серпилин — кадровый командир Советской Армии, а отец пошел воевать необученным девятнадцатилетним парнем. И все-таки общее было — испытание, выпавшее на их долю в годы войны. Я думаю, что именно это помогло ему создать такой яркий, запоминающийся образ.

Папа рассказывал, что после просмотра «Живых и мертвых» в Центральном доме Советской Армии, где зрители устроили буквально овацию Симонову и Столперу, подошел к нему старый генерал, тронул за локоть и тихо сказал: «Спасибо,

сынок, за твоего Серпилина. За нашего Серпилина». Отец стоял перед ним по стойке смирно. Перед этим старым генералом он чувствовал себя девятнадцатилетним сержантом. Генерал улыбнулся: «Вольно, солдат, вольно». И, отдав честь, ушел. Эту встречу он запомнил надолго, и слова генерала стали самым дорогим признанием его актерского труда.

Константин Михайлович Симонов признался, что попал в плен созданного Папановым образа. Во время работы над следующим романом, продолжением «Живых и мертвых» — «Солдатами не рождаются», ему уже трудно было представить другого Серпилина. Это высшая оценка актерской работы. По роману «Солдатами не рождаются» А.Б. Столпером был снят фильм «Возмездие» — продолжение «Живых и мертвых», где отец также сыграл Серпилина.

Прославленный полководец маршал И.С. Конев так отозвался об образе, созданном Папановым: «Такого генерала — умного, думающего, сильного и при том человеческого — мы еще не видели на экране. Признаться, я в бою был бы спокоен за свой фланг, если бы его держало соединение, которым командует генерал Серпилин».

За исполнение роли Серпилина в «Живых и мертвых» Папанов стал лауреатом кинематографической премии братьев Васильевых.

Так вот, с фильмом «Живые и мертвые» отец и поехал в Японию. Кроме него в состав делегации входил известный писатель Сергей Сергеевич Смирнов, автор повести «Брестская крепость».

Сергей Сергеевич — отец режиссера Андрея Смирнова, у которого папа впоследствии снялся в фильме «Белорусский вокзал». Еще членом делегации была замечательная актриса Ариадна Шенгеляя. Какой фильм она представляла, я уже не помню, но кажется, это был «Гранатовый браслет». Отец рассказывал, что принимали их здорово, фильмы шли с большим успехом. Еще не так много прошло времени после войны, и интерес к советскому кинематографу был велик.

Человеку, который мало бывал за рубежом, попасть в Японию — это потрясение. Конечно, нашу киноделегацию возили по всей стране, и они много что видели. Естественно, были и приемы. Например, в городе Нагато мэр подарил нашим посланникам символический ключ города. Папа и Сергей Смирнов были довольно большого роста, и, когда на приемах их приглашали садиться за традиционные японские столики (а сидеть надо было скрестив ноги), для них это было сущим наказанием — мешали длинные ноги. А потом они с трудом поднимались...

Было много подарков и сувениров. Помню набор, состоявший из заколки для галстука и запонок с настоящим крупным японским жемчугом, врученный отцу в этой поездке. Я, еще будучи тогда ребенком, получила в дар японские игрушки. Это было потрясение!!! Первое — белая пушистая собака, которая шла на звук свистка. Свистишь — собачка идет к тебе, перестаешь свистеть — она останавливается! Вторая игрушка — красная полицейская машина с дистанционным управлени-

ем. Конечно, сейчас этим никого не удивишь, но в начале шестидесятых в наших детских магазинах кроме пластмассовых пупсов и железных грузовиков, которых следовало возить на веревочке, ничего купить было нельзя.

Вторая поездка папы в Японию состоялась в 1972 году. Он ездил туда вместе со знаменитой латвийской актрисой Вией Артмане. Она была звездой всесоюзной величины, да и сейчас ее помнят по роли Джулии Ламберт в восхитительном телефильме «Театр» — изящной экранизации Сомерсета Моэма. Это опять был Фестиваль советского кино. Как и в первый раз, были поездки, приемы, подарки и сувениры. И снова отец вернулся в таком же восхищении страной, как и в первый раз.

С Вией Артмане папу связывала еще совместная работа в фильме «Родная кровь» режисера М. Ершова, где она снялась в роли Сони, матери троих детей. Этот фильм, выпущенный киностудией Ленфильм в 1963 году, — типичная мелодрама. Но Ершов избежал той сентиментальной слезливости, которая обычно бывает спутницей всех мелодрам. Перед нами семья, которую в трудные годы войны бросил отец. Вот этого отца и играет Папанов. Его героя не назовешь хорошим человеком, но артист идет к объяснению поступков своего героя путем сложным, окольным, и там, за околицей прямолинейных решений, мы видим не просто отрицательного злодея, железобетонно противостоящего добру, а человека, который хоть и вызывает презрение и осуждение, но еще

и жалость, желание в собственной жизни сделать некоторые коррективы.

Отец вошел в фильм мягко. Он словно приглушил все буйные свои актерские краски и сыграл роль под сурдинку. Он обнаружил глубинный пласт образа, и второстепенный, весьма схематичный персонаж, обрел черты жизненной достоверности.

В 1969 году Министерством обороны СССР была организована делегация в группу Советских войск в Чехословакии. Эта делегация состояла из двух человек — актера Анатолия Папанова и режиссера Евгения Карелова. Ездили они с фильмом «Служили два товарища». Карелов был режиссером-постановщиком, а Папанов сыграл роль начдива. Задача этой поездки была определена четко — поддержать моральный дух наших военных после небезызвестных событий 1968 года. У Карелова папа снялся в двух фильмах — в вышеупомянутом и в «Детях Дон-Кихота» — там у него была хорошая роль главного врача роддома Бондаренко. Этот доктор целиком поглощен работой в роддоме, где все его любят и уважают. Прозвали доктора Дон-Кихотом за его отрешенность от дел земных, рассеянность и еще за многое, что отличает чудаков, целиком отдающихся делу своему, от поглощенных только своими собственными заботами обывателей.

В одном из интервью Евгений Карелов сказал: «Не думайте, что мы пригласили Папанова по комедийным признакам. Вовсе нет. В нем нас при-

влекли тонкость, глубина, умение заглянуть в сокровенные уголки души своего героя».

Перед съемками фильма папе пришлось понаблюдать за работой врачей в роддоме. Он познакомился со старым доктором, который, как и его герой, принял 20 тысяч родов. И, конечно, это знакомство не смогло не сказаться в работе над ролью. Простой, будничный героизм доктора Бондаренко поражает нас в конце фильма, когда он забирает оставленного мамашей-кукушкой младенца в свою семью. И тогда же выясняется, что все его трое сыновей тоже были брошены, такими же матерями. Свершение добра — смысл этого образа, сыгранного Папановым.

Папанова и Карелова связывали не только творческие, но и дружеские отношения. Поэтому о Карелове хочется рассказать поподробнее.

В то время его женой была Лаура Яковлевна Морозова, дама, обожавшая светские тусовки, в меру образованная и интеллигентная. В период тесного общения Карелова и отца наши семьи, естественно, тоже сблизились. Мама приятельствовала с Лаурой Яковлевной, а я была в очень хороших отношениях с ее дочкой Наташей Черепановой. Правда, дружбой это назвать было трудно, так как Наташа была на несколько лет старше меня. Но мне очень хотелось походить на нее, потому что она одевалась модно, во все импортное, да и сама, как мне казалось, принадлежала к кругу «золотой молодежи», до которого я и не надеялась дотянуться.

Совместных детей у Лауры Яковлевны с Каре-

ловым не было. Наташа была дочерью одного из мужей своей мамы — Юрия Черепанова, художника-карикатуриста. Он занимался в основном политической карикатурой и активно сотрудничал с центральными газетами, особенно с «Правдой» — главным печатным органом ЦК КПСС. Мы с Наташей вместе ездили в Болгарию по туристической путевке. Поездка была летом. Я окончила первый курс ГИТИСа, а Наталья заканчивала факультет журналистики МГУ. Она была великолепна в своей заграничной модной одежде, уверена в себе, нравилась молодым людям, и всю поездку я смотрела на нее как на богиню.

Лаура Яковлевна была очень оборотистой женщиной, имела дело с людьми, которые занимались антиквариатом, и иногда звонила маме, предлагая купить ту или иную старинную «вещицу». Я думаю, она с этого тоже что-то имела. Были у нее и вещи, привезенные для продажи из-за границы, которые в то время невозможно было достать в Союзе. Но, как я уже писала, наши семьи связывали дружеские взаимоотношения. Помню, однажды родители пошли в гости к Кареловым и рассказывали, что среди присутствующих в доме были Высоцкий и Марина Влади. Высоцкий весь вечер не расставался с гитарой и много пел. Тогда я этому рассказу не придала никакого значения. Вообще отец обожал Высоцкого, и у него было довольно много его записей, еще на ленточных магнитофонах. Любил он и цыганские романсы, особенно в исполнении Николая Сличенко. Было много записей Петра Лещенко (эстрадного пев-

*Мандарины. Неужели настоящие?!
Во время поездки в Грецию*

ца, особо известного по шлягерам «У самовара я и моя Маша...»). Еще папа с удовольствием слушал французскую и итальянскую эстраду. Ну и, конечно, классику.

Но вернусь к Евгению Карелову. Насколько я помню, они с Лаурой Яковлевной прожили вместе недолго. Но когда супружеская пара рассталась, Лаура Яковлевна все равно продолжала общаться с моей мамой. Знаю, что папе это не очень нравилось. Смерть Карелова (он утонул совсем молодым) сразила отца. Он никогда его не забывал, всегда отзывался о нем с большой любовью и очень ценил его как режиссера.

В 1967 году, опять же в составе делегации советских кинематографистов, Папанов побывал в Греции. В делегацию входил знаменитый режиссер Григорий Чухрай и актриса Галина Польских. Во время этой поездки отец познакомился и подружился с послом СССР в этой стране Николаем Ивановичем Корякиным. Позднее, будучи в Москве, Николай Иванович заходил к нам в гости. Он подарил нам коньяк «Метаха», который до сих пор стоит у мамы в баре неоткрытый. Подчеркиваю — это был 1967 год! В Греции советскую делегацию пригласили на концерт легендарного композитора и певца Микиса Теодоракиса. После концерта состоялась встреча с Теодоракисом, он подарил всем русским гостям свои пластинки с автографами.

А в октябре 1972 года отец поехал в Руанду — маленькое государство в Африке. В городе Хигали проходила Неделя советского кино. Из твор-

*Делегация советских кинематографистов в Греции.
1967 год*

ческих работников он был один, правда, с ним вместе ездил представитель Совэкспортфильма. Помню, папа рассказывал, что стояла необыкновенная жара. Днем выходить на улицу было невозможно, поэтому сидели в гостинице с кондиционерами. С водой была тоже проблема. К тому же представители советского посольства все время предостерегали от укусов каких-то чудовищных ядовитых пауков, поэтому даже окна в гостинице все были в сетках. В Руанде произошел интересный случай. Во время поездки отцу исполнилось 50 лет. На одном из приемов папа обмолвился об этом. И на следующий день, когда их повели на экскурсию в государственный музей изобразительного искусства, директор музея снял со стены один из экспонатов и торжественно вручил отцу. Это была искусно вырезанная из дерева африканская крестьянка, обрабатывающая землю мотыгой.

В 1976 году была поездка на Фестиваль советских фильмов, который проходил сначала в Тунисе, а потом в Марокко. Папиной партнершей по поездке была актриса Валентина Теличкина, известная по картине «Журналист». Не помню уже, что отец рассказывал о поездке, но после нее в моем гардеробе появилось красивое платье с национальными африканскими узорами, оно до сих пор у меня сохранилось.

И снова о поездках. Очень интересно рассказывает мой учитель Владимир Алексеевич Андреев, который возглавлял делегацию в ФРГ. В соста-

*1972 год. Руанда. Зрительница в восторге
от советского фильма*

ве группы был только Папанов, т. к. делегация состояла только из двух человек:

«Выглядел Толя более чем скромно — в кепке, которая мне напоминала представителей Кавказа на рынках Москвы, в стареньком плаще, в джинсовых брюках и в такой же куртке. Мы должны были ехать на прием. И я осторожно спросил:

— Толя, а ты что-нибудь еще взял из одежды?

Он даже растерялся.

— Володя, а, по-моему... по-моему, очень современно, нет?

Мы вошли в кабинет к директору и художественному руководителю крупнейшего музыкального театра Германии. Я должен был произнести традиционные в таких случаях слова, представить Анатолия Дмитриевича. В это время наш хозяин встает, идет к Папанову, как к родному брату и в полном восторге восклицает:

— Как славно видеть нормально одетого русского!»

Далее Андреев вспоминает, что Папанов вел себя очень свободно, много шутил, рассказывал анекдоты, среди которых были даже политические. Как руководитель делегации Владимир Алексеевич был немного напуган таким ходом дела, потому что с ними были два молодых дипломата советского посольства. Андреев пытался намекнуть отцу, что существуют границы тех тем, которых можно касаться в разговоре. Папанов соглашался, но вскоре забывал о предупреждениях и продолжал «смело развивать любые темы». Молодые дипломаты с интересом слушали. В конце

концов Владимир Алексеевич сказал одному из них:

— Папанов — великий актер. Не относитесь к его поведению как к чему-то предосудительному. Ну, актер! Ну, великий же!

А тот — спасибо ему — отвечает:

— Мне как раз очень интересно, Владимир Алексеевич! Уроки Папанова никогда не проходят даром...

Сам отец после этой поездки рассказывал нам, что в одном из германских городов его укусила собака. Просто взяла, подошла и укусила за ногу, ни с того, ни с сего. Его, солдата, солдата страны, победившей фашизм. И в душе у него осталась обида — не на собаку, конечно! — а на ту чудовищную разницу в уровнях жизни страны победившей и страны побежденной.

В 1979 году отец едет в Турцию на съемки советско-турецкого фильма «Любовь моя — печаль моя» режиссера А. Ибрагимова. В этом добром и очень красивом фильме-сказке он сыграл роль Звездочета.

А в 1984 году в Италии на XXII Международном кинофестивале в городе Авеллине был представлен советский фильм режиссера Ю. Егорова «Отцы и деды», в котором Папанов сыграл одну из главных ролей и получил приз «Золотое плато» за лучшее исполнение мужской роли. «Отцы и деды» — комедия лирическая, и это обстоятельство ставило перед съемочной группой довольно непростое для веселого жанра условие — показать с достоверностью, без всякой эксцентрики,

самых обычных простых людей в обычных обстоятельствах.

В центре фильма мужчины трех поколений одной семьи. Главный среди них — дед по фамилии Луков. Его играет Папанов. Алексей Павлович, так зовут деда, еще не старик. Это зрелый, пышущий душевной молодостью и здоровьем мужчина. Но однажды ему говорят, что он уже старый, скоро пенсия, и ничего хорошего в будущем у него нет. С этого начинаются все коллизии сюжета. Эту роль папа играет тонко, с большим чувством юмора. Режиссер фильма Ю. Егоров сказал: «Такого Папанова еще никому видеть не приходилось, роль явно открыла в нем новые грани его дарования». С ним трудно не согласиться.

Еще папа побывал в составе делегаций Союза кинематографистов в Канаде, Финляндии и Югославии.

В 1979 году от того же Союза кинематографистов намечалась туристическая поездка в Америку. Родители захотели поехать в США вместе. Но мама не была членом Союза. И отец обратился с просьбой, чтобы ее включили в состав группы. Ему пошли навстречу и разрешили поехать вместе с женой. В составе группы были режиссер Леонид Гайдай с супругой — актрисой Ниной Гребешковой, украинский юморист Ефим Березин, известный по популярному эстраднему дуэту «Тарапунька и Штепсель», кинематографисты не только с «Мосфильма», но и с разных студий страны. Поездка была рассчитана на двадцать

дней. В первый же день туристам выдали всю денежную сумму, предназначенную на питание. Это было замечательно, потому что наши умные граждане всю еду привезли с собой из дома. Так что можно было распоряжаться деньгами по своему усмотрению. В те времена деньги советского туриста за границей были строго лимитированы.

Первый город, в который они прилетели поздно вечером, был Нью-Йорк.

Разместили туристов в трехзвездочной гостинице, недалеко от центра. Когда разложили вещи и немного отдохнули, папа говорит:

— Надя, давай пойдем сейчас на Бродвей!

Мама в испуге:

— Толя! Опомнись! Какой Бродвей ночью!

— Да что ты! Вот увидишь, все наши уже там!

И действительно, когда гуляли по Бродвею, встретили многих из группы. На маму ночной Бродвей произвел ошеломляющее впечатление. Море огней, уличные артисты, геи, лесбиянки, транссексуалы, трансвеститы и прочий сброд — непостижимое зрелище для советского человека.... Это был 1979 год — у нас об этом и заикнуться было нельзя! Когда родители вернулись в гостиницу, мама сказала убитым голосом:

— Толя, я хочу вернуться домой!

Это было сказано совершенно искренне — надо вспомнить, в какой строгости ее воспитывали в семье...

На следующий день туристов повезли на экскурсию по Нью-Йорку. А через несколько дней

один из работников советского посольства вызвался отвезти родителей на Брайтон за покупками, только попросил держать это в строгом секрете. Утром следующего дня он заехал за ними на своей машине, и они отправились в этот знаменитый район. Когда они зашли в один из магазинов, все, кто там был, сразу узнали папу. К нему подошел хозяин и на чистом русском языке сказал, как он польщен, что его магазин посетил такой знаменитый актер. Папа очень хотел купить себе джинсовый костюм, но, к сожалению, нужного размера не оказалось. Тогда хозяин позвонил своему другу Сене, тоже владельцу магазина. Поехали к Сене. Тот был ошарашен прибытием такого покупателя:

— Товарищ Папанов! Для меня такое счастье, что Вы у меня в магазине!!! Не могли бы Вы немного задержаться? Я сейчас позвоню домой, чтобы приехали мои родные с Вами познакомиться!

Очень хотелось сделать приятное Сене и его родне, но времени оставалось мало. После покупки джинсового костюма надо было уезжать.

Из Нью-Йорка группа полетела в Лос-Анджелес. Там они побывали на одной из студий Голливуда, где присутствовали на съемках эпизодов какого-то художественного фильма. И, конечно, была экскурсия по Голливуду. После Лос-Анджелеса группа советских кинематографистов прибыла в Лас-Вегас. Поселили их в довольно дешевой гостинице. Конечно, всем хотелось попасть хоть в один из многочисленных игорных домов.

Как ни странно, но это тоже США. 1979 год

Но в любом из них при входе надо было платить, а деньги советские работники искусства очень сэкономили... Наконец, нашли одно заведение, где вход был бесплатным. Играть отважился далеко не каждый. А отец вообще не был азартным человеком. Те, кто рискнул, в основном оказались в проигрыше.

В программе поездки у группы было посещение эстрадно-циркового шоу в одном из казино. Рядом со столиком, где сидели мои родители, располагалась ложа. В ней сидел человек с черной пантерой на красивой цепи. С живой, настоящей пантерой. Когда настал его черед выступать, он прошел со своей «кошкой» через весь зал на сцену, показал свой номер и спокойно вернулся на свое место. Публика была шокирована таким поведением артиста. Да, Лас-Вегас произвел на советских людей потрясающее впечатление, ведь ничего подобного им не приходилось видеть!

На одной из улиц Сан-Франциско, куда туристы прилетели после Лас-Вегаса, мама увидела женщину, которая продавала пирожки с мясом. Хотелось есть. Она подошла и поинтересовалась, сколько стоит пирожок. Продавщица ответила — один доллар. Тогда мама как истинный патриот своей страны сказала:

— Толя! Здесь — доллар, а у нас такой пирожок пять копеек стоит!

Тогда папа ответил:

— Да, если учесть, что у нас после съеденного

пирожка лечение будет бесплатным, то совсем хорошо.

В результате все наши истратили по два доллара и купили пирожки. Потом зашли в большой торговый центр. В одном из отделов маме понравилось красивое бежевое пальто. Но оставшихся денег на него не хватало. И вдруг совершенно случайно они встречают Ефима Березина (это который Штепсель). Разговорились. Мама посоветовала, что на понравившееся пальто не хватает денег. Ефим сообразил:

— Не расстраивайся, Надя! Сейчас что-нибудь придумаем! У меня здесь работает знакомая продавщица — мы с ней когда-то в Одессе учились в одном классе.

Пошли к продавщице, поговорили. Она взяла пальто, оторвала на нем все пуговицы и пошла с этим к начальству. Пальто, конечно, уценили, и мама смогла его купить.

В советском консульстве в Сан-Франциско был дан один небольшой прием в честь советских кинематографистов. Познакомились с консулом, который оказался очень приятным человеком. Ездили на экскурсию по городу, побывали в нескольких музеях. Последним городом пребывания наших в Америке был Вашингтон, который поразил всех строгостью и величием. Деньги у родителей закончились, поэтому магазины их уже не интересовали. Они наслаждались прогулками по городу, прощаясь с Америкой.

Когда приехали в аэропорт, оказалось, что самый большой багаж у одного кинорежиссера из

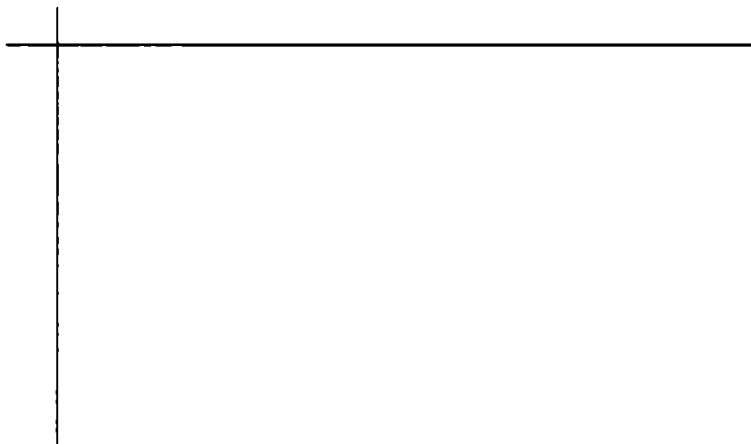

*США. Прогулки по Вашингтону.
Магазины уже не интересуют,
т. к. денег не осталось*

Армении. Он был весь увешан коробками и пакетами. Вскоре он сам разъяснил эту ситуацию. Оказывается, он привез из Армении землю своим бывшим соотечественникам. И всем, с кем встречался в армянской диаспоре, дарил щепотку армянской земли. Армяне с благодарностью брали ее и за это дарили ему подарки.

Поездка закончилась, но еще долго родители вспоминали Америку, иногда сравнивая нашу советскую жизнь с той, которую видели в США.

Дача

В 1937 году металлургический завод «Серп и Молот» для своих рабочих и инженерно-технического персонала решил организовать дачно-строительный кооператив. Место под строительство было выделено в районе станции «Заветы Ильича», что по Ярославской железной дороге. Надо ли говорить, что рабочие и служащие давно мечтали о своем дачном поселке, где можно было бы отдохнуть семьями. Лесной участок, отведенный под кооператив, за два года превратился в благоустроенный дачный поселок, но не долго длилось дачное счастье. В 1941 году началась война, и, конечно, ни о каком отдыхе не могло быть и речи. Поселок опустел, сюда пришли военные, которые расквартировались на дачах. С утра до вечера слышался треск падающих деревьев — солдаты пилили их и укладывали так, чтобы немецкие танки не могли пройти. Надо заметить, что несмотря на то, что хоть военные жи-

ли в брошенных дачах, ничего не пропало из имущества хозяев. Некоторые бывшие дачники приезжали и пытались что-то посадить у себя на участке, чтобы немного подкормиться, ведь в Москве с продовольствием в это время было очень плохо.

А когда война закончилась, недалеко от дачного поселка выстроили бараки, куда привезли пленных немцев, которые расчищали территорию от спиленных деревьев и оставшихся пней. Таким образом выровняли местность вокруг поселка и засадили маленькими деревьями. Сейчас они уже большие, но все равно лес рядом с дачным поселком зовется «посадкой».

В 1965 году мои родители приобрели дачу в этом поселке. До этой знаменательной покупки дачу мы снимали. Вопросами аренды всегда занимались бабушка и дедушка, с которыми я жила. Так что каждое лето меня вывозили за город.

Причем в самые разные места. Когда была совсем маленькая, несколько лет отдыхали на станции Зеленоградская у каких-то родственников. Потом снимали дом у дедушкиной родни на станции Радищево. Хозяйкой дачи была добрейшая женщина, которую я звала тетей Настей. Помню, что почти весь ее участок был засажен клубникой, которой меня щедро угощали. Однажды на этой даче я потеряла замечательную черепаху по имени Тихоня, которая жила у меня несколько лет. Эту Тихоню я выпустила погулять на траву, заигралась, а когда вспомнила — ее уже след простыл.

Позже мы несколько лет подряд ездили к ба-

бушкиным родственникам под Дмитров, в деревню Бобылино. Там я по-настоящему узнала, что такое деревенская жизнь. В доме, как полагается, были сени, горница, две маленькие комнатки с ковриками, слониками на комод, по моде тех лет, с самодельными половиками и ходиками на стене. На кухне возвышалась русская печь с полатями. В сарае находился роскошный сеновал, на котором мы с деревенскими подругами обожали прыгать и играть. Каждое утро пастух гнал по деревенской улице стадо коров, а днем по ней степенно прогуливались гуси, откладывая в теплую пыль дороги большие яйца. Хозяйками дома и участка, засаженного картошкой, были бабушка Луша, бабушкина двоюродная сестра, и ее дочка, горбатенькая тетя Катя, которая в сельском магазине работала и за продавца, и за кассира, и за директора. Магазин стоял на другой стороне улицы, прямо напротив избы.

Тетя Катя и бабушка Луша закармливали меня домашними ржаными лепешками, испеченными в русской печи, и парным молоком. На лето приезжали внучки бабы Луши и племянница тети Кати красивая девушка Люба. Она была меня постарше на несколько лет, и мне с ней было очень интересно общаться.

А потом была дача Театра сатиры на Зеленоградской. Тогда еще театр имел свою дачу — большую, двухэтажную, на огромном лесистом участке. Несколько лет подряд мы занимали там небольшую комнату и террасу с отдельным выходом. Вокруг жили актерские семьи, было много

детей, и я не скучала. Хотя отец был редким гостем — он был очень востребован и занят. Поэтому каждый его приезд был для меня настоящим праздником.

В конце концов родителям надоело снимать чужие дачи для ребенка, и было принято решение купить свою дачу. Выбранная дача раньше принадлежала главному инженеру завода «Серп и Молот» Л.В. Марманштейну. Сам он там появлялся редко, в основном жила супруга — большая любительница садоводства. После ее смерти инженер решил дачу продать. Он почти ничего оттуда не вывез, оставив всю мебель, вещи и даже посуду. Мне очень нравилась эта плетеная мебель, и особенно кресло-качалка. А какие красивые цветы, какой сад, какой огород оставила после себя покойная жена Марманштейна!

На грядках росло множество клубники, которой мы первое время обедались. Но все это богатство, как известно, надо из года в год обрабатывать, чтобы получать урожай. У родителей просто не было на это времени. И мы оставили минимум грядок, чтобы трудиться в охотку и не быть рабами собственной дачи.

Дачу папа любил, проводил там все свободное время, которого было немного из-за большой занятости в театре, в кино, на концертах. Он обожал спорт, смотрел спортивные передачи, ходил на хоккейные и футбольные матчи. И сам держал себя в хорошей форме, следил за фигурой. Поэтому, как только он приезжал на дачу, у нас начинался активный отдых. Мы с ним садились на

велосипеды и ехали семь километров до водохранилища. Там купались, загорали, если было тепло, или просто гуляли по берегу.

Хочу рассказать один случай, который произошел с нами во время прогулки. Как-то мы с отцом приехали на велосипедах на водохранилище. Погода была хорошая, мы выбрали уединенное местечко — купаемся, загораем. Вдруг к отцу подходит молодой человек и о чем-то с ним беседует. Я не очень прислушивалась к их разговору. Они о чем-то договорились, и папа сказал: «Лена, вставай, одевайся, со мной хочет познакомиться очень интересный человек!» Парень повел нас на пристань. Рядом с красивым большим катером стоял человек лет пятидесяти с открытой доброжелательной улыбкой. Они с отцом обнялись, поздоровались, и незнакомец пригласил нас покататься на катере. Прогулка была замечательная! Светило солнце, от летевшего, как на крыльях, катера разлетались брызги. Я не прислушивалась к разговорам взрослых, лишь изредка до меня долетали обрывки фраз. Папа что-то рассказывал про театр и про кино, расспрашивал своего собеседника про войну... Катались мы долго, и я была счастлива! Когда вернулись назад, незнакомец пригласил нас к себе обедать. Но мы поблагодарили и вежливо отказались — нас ждали дома. Мы и так уже задержались, и, если бы задержались дольше, родные бы очень волновались. Когда мы попрощались с нашим новым знакомым, я спросила у папы: «А кто это был?» Отец

ответил очень коротко: «Это Алексей Маресьев. Тот легендарный Маресьев!»

«Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого мы недавно проходили в школе по литературе. Герой Советского Союза, легендарный летчик Алексей Маресьев был прототипом героя книги. И я познакомилась с ним! Его самолет сбили фашисты, но он уцелел. Много дней он находился один в лесу, добираясь до своих, отморозил ноги, но его спасли. Ноги, конечно, ампутировали. «Как же он без ног?— думала я. — Прекрасно ходит, и никогда не подумаешь, что у него нет обеих ног!» Но потом мне стало все понятно. Ведь недаром книга Полевого называется «Повесть о настоящем человеке»!

Надо сказать, что в последние годы отец не любил, когда его узнавали. Поэтому мы выбирали уединенные места, чтобы не быть объектами внимания всего пляжа. И все-таки такое случилось. Однажды мы с папой загорали, и вокруг никого не было. Вдруг прошел какой-то мужчина, пригляделся, ушел. Потом прошли двое. И вскоре вся округа сбежалась посмотреть на любимого и знаменитого артиста Папанова. Люди просили автографы, задавали вопросы о театре и кино. Отдых был испорчен.

Неподалеку от нашей дачи находился пионерский лагерь «Аистенок», откуда тоже приходили делегации детей и взрослых, а иногда приглашали на творческие вечера. Но вернусь к спорту. На даче стоял стол для настольного тенниса. Я часто сражалась с папой. Еще играли и в бадминтон, и в

волейбол. Иногда не очень хотелось махать ракеткой или накручивать километры на велосипеде, но папа заставлял чуть ли не насильно. Он почему-то считал, что у меня не все в порядке с реакцией и я слабовата физически. И со свойственным ему упорством старался исправить это. Приходилось подчиняться.

Лето я в основном проводила на даче с папиными и мамиными родителями, то есть с моими бабушками и дедушками. Нельзя сказать, что отношения между взрослыми выстраивались очень гладко, порой их можно было назвать натянутыми. Как я уже упоминала, основным источником дохода нашей семьи были заработки отца. И все, что строилось и покупалось для дачи, делалось тоже на его деньги. Хотя все, что зарабатывал отец, он отдавал маме, и бюджет был общий, но все же даже сознание того, что именно его сын приносит в семью основную часть дохода, давало Дмитрию Филипповичу Папанову право чувствовать себя хозяином на даче. Другой же дедушка, мамин отец, Юрий Васильевич Каратаев, никак не мог с этим смириться. Он не претендовал ни на какое управление хозяйством, но не любил, когда другой дедушка указывал ему, где, когда и что делать. Обе бабушки вели себя пассивно в этой ситуации, но все равно каждая занимала позицию своего мужа.

Я, хотя и была еще ребенком, в этом конфликте принимала сторону маминых родителей — жила вместе с ними, и они мне были ближе. Иногда дело доходило даже до открытых ссор. И ко-

*Два дедушки на даче.
Справа папин отец Дмитрий Филиппович*

гда приезжали родители, им приходилось все улаживать и мирить стариков. В основном миротворцем выступала мама. Отец старался уходить от этого и не связываться. Но все равно, какие бы там ни были разногласия, мы чувствовали себя одной семьей. И когда один за другим ушли из жизни наши старики, дача как будто бы опустела...

И все же на даче было очень весело. Помимо того, что с нами жили папины и мамины родители, на выходные часто наезжали и остальные родственники: тетя Нина, ее сыновья, позднее — и их жены. Вечерами большая семья собиралась поиграть в настольные игры. Это были карты, домино, лото. Засиживались допоздна: шумели, веселились. В хорошую погоду сидели на террасе, а когда холодно — в доме. Меня, конечно, как самую маленькую, отправляли спать, отчего я всегда очень расстраивалась

За забором дачи начинался лес. Среди моих родственников особенно заядлой сборщицей грибов была мама отца, Елена Болеславовна. У нее был какой-то нюх на грибы. Она их находила даже тогда, когда, казалось бы, в лесу грибов не было. Елена Болеславовна (или просто бабушка Лена) собирала даже те грибы, которые никто не собирал. И она умела их очень вкусно готовить. Например, валуи она чистила, потом замачивала, делала так несколько раз, периодически меняя воду, а потом засаливала. Грибочки у нее получались удивительно вкусные и хрустящие! Зимой, когда мы собирались у папиных родителей на

Усачевке, на столе всегда красовались грибы бабушки Лены.

Летом мы очень часто ходили вместе с бабушкой за грибами. Я тоже люблю эту «тихую охоту» и хорошо собираю грибы. С бабушкой Леной у нас существовало негласное соревнование. Когда я видела, что у нее в корзине больше лесных красавцев, я из зависти строила всякие козни, чтобы перевес оказался на моей стороне. Например, когда она находила гриб, я опережала ее, делая вид, что его нашла я! Быстро срезала и клала к себе в корзинку.

Еще хочу рассказать об одном случае, который случился со мной на даче. Как я уже писала, лес начинался сразу за нашими участками. Мне было лет одиннадцать-двенадцать. Начались летние каникулы, подошел грибной сезон... В общем, только не зевай! Однажды я попросила разрешения у взрослых пойти одной по грибы. Мне позволили. Когда я собирала грибы, то слышала где-то далеко мужские голоса и стук топоров. Меня это не пугало — я знала, что уже несколько дней лесники чистят лес. А грибов было так много, что я увлеклась и забыла обо всем. И когда нагнулась за очередным грибом, почувствовала удар по спине. Он был так силен, что я полетела на землю. И, опомнившись, увидела, что надо мной стоит мужчина со спущенными штанами. Я, еще ничего не осознавая, так испугалась этого зрелища, что заорала, выскользнула из его рук и попыталась бежать. Он — за мной. Схватил и повалил на землю. Я снова начала кричать и старалась вы-

рваться. Наконец мне это удалось — я убежала. Думаю, что этот гад просто испугался и не стал меня догонять — я наделала столько шума, а дачи были совсем близко. Все это могло закончиться для него плачевно.

Я прибежала домой, никому ничего не сказала, тихо прошла в свою комнату, заперлась и пролежала на кровати несколько часов. Меня всю трясло. Потом кое-как успокоилась и вышла обедать, хотя кусок не лез в горло. Если бы я не пришла на обед, бабушка заподозрила бы что-то неладное. А мне совсем не хотелось рассказывать все это взрослым.

После обеда меня отправили в магазин за хлебом. Мне показалось, что в очереди я увидела этого подлеца. Но я купила хлеб и пришла домой. Наверное, надо было задержать его с помощью милиции. Но, повторяю, я была еще ребенком, к тому же очень напуганным.

На участке, где было много деревьев, стояла наша любимая разлапистая елка, под которой был сколочен стол для чаепитий. Для этой цели моими родителями был куплен в комиссионке настоящий самовар, который растапливали щепками и шишками и раздували дедушкиным сапогом. Папа обожал это занятие не меньше, чем само чаепитие. Обычно сам пил помногу стаканов, до пота. Любил копать землю, хотя остальные процессы огородничества и садоводства его не привлекали. Не любил плотницкие работы: для этой цели дедушка всегда нанимал мастеров. Папа приезжал на дачу отдохнуть, и если что-то делал,

то только по настроению. А всем хозяйством заведовал дед. У него была записная книжка, где он помечал перечень работ, количество стройматериалов, которые необходимо купить, прикидывал расходы. Разумеется, финансировал все это отец. Он полностью доверял дедушке Диме и никогда не требовал у него отчета, хотя тот всегда пытался его дать. Все приходы и расходы тщательно заносились в книжечку, все чеки сохранялись. Дед был хорошим хозяином.

Всегда рядом с нами находился еще один член семьи — черно-белый спаниель Тимошка. Нам его подарил Евгений Павлович Леонов во время съемок «Белорусского вокзала».

Папа любил гулять с ним по лесу. Охотой отец никогда не занимался, но прирожденный охотник Тимошка не упускал случая проявить свой талант. Однажды при нас на пруду натаскивали собаку для охоты. Хозяин измучился, обучая ее. Тимошка же только увидел приманки, разбросанные на воде, и все сделал как полагается, на удивление и наше, и охотника. Этот добрейший пес прожил в нашей семье восемнадцать лет и умер на даче. Там же, в лесу мы его и похоронили.

С тех пор, как родители купили дачу, она ни разу не перестраивалась, все ограничивалось мелким ремонтом. И вот в 1984 году был затеян ремонт капитальный. Нужно было сломать старую печь, поставить АГВ, положить новый фундамент, перебрать бревна, сломать одну из террас и вместо нее сделать кирпичную пристройку для кухни, ванной и туалета. Провести городскую кана-

Любимец всей семьи спаниель Тимошка

лизацию и городской водопровод. Поменять крышу. По тем временам это был ремонт с большим размахом. Известный журналист и драматург Василий Михайлович Чичков, у которого была дача недалеко от нас, называл эти работы «стройкой века». Сейчас, когда смотришь, как возводят трехэтажные кирпичные особняки, которые все плотнее окружают наш скромный бревенчатый дом, становится смешно и грустно от бывшего «размаха».

Как я уже упоминала, отец хозяйством заниматься не любил, только спонсировал его, и все висело на дедушке Диме. Но в данном случае была приглашена целая бригада из какого-то строительного учреждения во главе с бригадиром. Эти ремонтники затянули «стройку века» на полтора года, безжалостно перегубили множество деревьев и других посадок, разбили мой новый велосипед, пьянствовали, крали наши стройматериалы для «халтуры» на других дачах и в результате обманули нас с деньгами. Все это стоически выносила моя мама, ведя с варварами изнурительную борьбу. Помогал ей в этом мой муж. Папа же зарабатывал деньги. И вот наконец все наши мучения окончились, хотя после этой «стройки века» на наш участок было страшно смотреть: ямы, колдобины и груды мусора. Отец в свои редкие приезды на дачу вооружался лопатой, вилами и вместе с нами разгребал все это безобразие. Мне кажется, что папа с большим удовольствием включался в работу, которая приносила быстрые и видимые результаты.

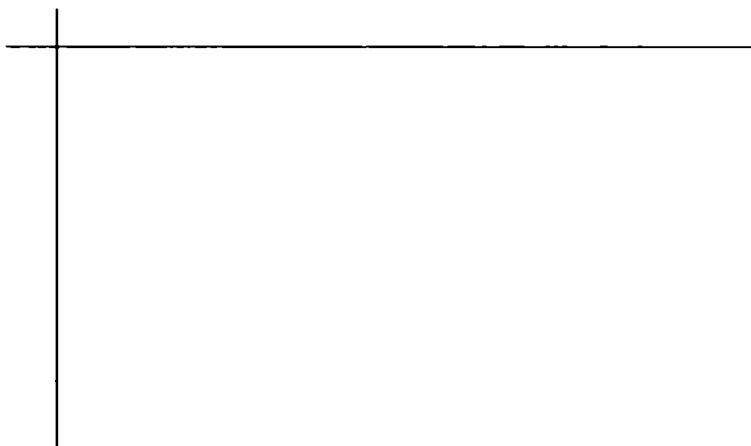
К сожалению, на обновленной даче отцу оставалось жить недолго. И все-таки она послужила и ему. Он не любил сборищ и пикников, кроме тех случаев, когда приезжали родственники. И хотя в нашем поселке жили известные люди, такие как наш сосед Василий Чичков, его брат — композитор Юрий Чичков, Евгений Матвеев, Михаил Глузский и еще немало творческих людей, у нас никогда не было «корпоративных» сборищ. Если папа не занимался со мной спортом, то все свободное время он отдавал работе. Учил тексты новых ролей, повторял старые, готовился к спектаклям или съемкам, читал. Он любил проводить время у себя в комнате на втором этаже с балконом, с которого было видно улицу и участок. Иногда он брал Тимошку и шел в лес, но не для того, чтобы собирать ягоды и грибы. Он не спеша прогуливался, размышляя о своем персонаже, которого ему предстоит играть, учил или повторял тексты. Папа вообще любил учить текст на прогулке.

Мама вспоминает: «На даче больше всего он любил одиночество. «Пойду в лес гулять». — «Один?» — «И что же, что один? Мне одному не скучно. Иду и фантазирую, придумываю что-нибудь. Даже в тех ролях, которые никогда не играл и, может быть, не сыграю. Не понимаю, почему людям бывает скучно наедине с собой». Или соберется ехать на велосипеде. Я ему скажу: «Что ж ты так оделся? Тебя же узнают люди!» А он отвечает: «Я туда не езжу, где могут узнать». И уедет, например, на водоем, в такую пору, когда никому не придет в голову там купаться. А он купался в очень холодной во-

де. «Моржом» в полном смысле слова не был, но в сентябре-октябре окунался спокойно. Приедет обратно и говорит, довольный: «Никто меня не видел. Один плавал».

Как-то, вернувшись с гастролей по городам Сибири, родители привезли несколько саженцев сибирского кедра и жимолости. Все это было посажено на участке незадолго до смерти отца. Большинство кедров погибло, а один выжил. Сейчас он уже большой и растет под окном кухни. Когда я смотрю на него, всегда вспоминаю папу. На ветру дерево машет зелеными ветками, словно передавая от отца привет.

*Новая
квартира*

Почти 15 лет я прожила с бабушкой и дедушкой на Саввинской набережной, и, как я уже писала, для меня это было счастливое время. Но вот с осени, после летнего отдыха на даче, я перебралась к родителям на улицу Алексея Толстого (ныне Спиридоновка) в дом номер 8. Сейчас на этом доме висит мемориальная доска : «Здесь с 1967 по 1987 г. жил народный артист СССР Анатолий Папанов». Сейчас он стоит какой-то поблекший, как будто уставший от прожитых лет, давно требующий ремонта. А тогда это был 13-этажный красавец, отделанный стильными деревянными панелями. Он сразу бросался в глаза. Говорят, что по проекту было запланировано 12 этажей, но в процессе работы у строителей остался сэкономленный материал, и тогда в проект внесли изменения, добавив еще один этаж.

Мои родители как раз и получили квартиру на последнем, 13-м этаже. Но эта цифра их нисколь-

ко не смущала. Наоборот, они говорили, что «роковая» цифра 13 принесет им счастье. Так и случилось — они прожили здесь счастливую жизнь. Но еще немного о доме. Как я уже писала, вид у него по тем временам был необычный. Да и люди в основном здесь жили заслуженные: высокие начальники, известные артисты, военные. Правда, среди жильцов встречались люди и более скромных профессий. Например, нашими соседями по лестничной площадке оказалась семья Горшковых, они занимали однокомнатную квартиру. Глава семьи Алексей Горшков получил это жилье за то, что был одним из лучших строителей дома. У него была жена Тамара, довольно крупная женщина, и дочка Марина. Так как из-за занятости отца все хозяйственные заботы лежали на плечах мамы, она часто обращалась к Леше Горшкову за помощью. Естественно, не бесплатно.

Помню такой случай. Как-то мама купила красивую старинную картину и решила ее повесить в гостиной. Для этого ответственного дела она позвала Лешу Горшкова. Он долго колдовал над картиной, затем отошел в сторону полюбоваться. «Ну что, Леша, нравится?» — поинтересовалась мама, имея в виду художественное произведение... «Да, Леша криво не повесит!» — гордо ответил тот. А вообще эта семья была простая и добрая.

По другую сторону от нашей квартиры жили внук и внучка прославленного дипломата А. Литвинова. Внук был диссидентом и вскоре эмигрировал в Америку. А внучка вышла замуж и родила

сына. Со временем они тоже уехали, куда-то поменявшись. Еще нашими соседями по лестничной площадке была семья дипломата Пономарева. Почти из всех командировок за границу его супруга привозила маме разные безделушки и сувениры. По соседству такую же жила семья врача Мухина. Отец Мухина до революции был очень известным гомеопатом. Но, помимо своей медицинской деятельности, он еще собирал живопись. Коллекция картин была довольно большая, и все это перешло к сыну. В квартире младшего Мухина на стенах висели полотна знаменитых художников, не только русских, но и зарубежных. Иногда его жена Ольга Константиновна обращалась к маме с просьбой: не желает ли кто-нибудь из театральных знакомых купить что-нибудь из их коллекции, так как ей периодически нужны были деньги.

В нашем доме проживали такие известные артисты, как Иван Александрович Любезнов, народный артист СССР, актер Малого театра. Он довольно много снимался в кино. Это был яркий комедийный исполнитель, он умел несколькими точно найденными штрихами выявить суть образа. В фильме «Богатая невеста» он был партнером Марины Ладыниной, а его жена приходилась ей родной сестрой. В этой семье вырос красавец сын, который потом тоже стал актером и работал с отцом в Малом театре. Его можно вспомнить по фильму «Здравствуйте, я ваша тетя!» К сожалению, он довольно рано ушел из жизни.

Соседями по дому была еще одна супружеская

семья из Малого театра: народная артистка Юдина (тогда она была еще заслуженной) и заслуженный артист Николай Афанасьев. К сожалению, сейчас его уже нет в живых. Юдина была очень красива и снималась в кино. В моей памяти остался яркий образ недалекой красавицы — невесты П.И. Чайковского в фильме «Чайковский».

Жил в доме известный актер Театра оперетты Николай Каширский — тоже заслуженный артист. Жену его звали диковинным именем Грета, детей у них не было. Зато была маленькая собачка, которую Каширский каждое утро выгуливал около дома и относился к ней очень нежно. В знаменитом фильме-спектакле «Мистер Икс», снятом по оперетте И. Кальмана «Принцесса цирка», где главную партию пел замечательный эстонский певец Георг Отс, Каширский потрясающе исполнил роль недотепы Тони. В этом фильме снялись также такие звезды оперетты, как Г. Ярон и Г. Богданова-Чеснокова.

Евгений Александрович Моргунов («Бывалый» из знаменитой гайдаевской троицы) тоже был жильцом нашего дома. Он был не только актером, но и режиссером. Моргунов жил с женой и сыном. Поскольку актер был очень внушительных размеров и в ванной комнате ему было тесно, он на месте ванны поставил душевую кабинку, чем вызвал бурную реакцию и недовольство чиновников из ЖЭКа с последующим разбирательством этого поступка. Помню, как он во дворе рассказывал моему отцу эту историю и был искренне недоволен и расстроен. А внизу с царст-

*Моему воспитанием папа особо не занимался.
Но бывали случаи...*

венным величием восседал лифтер дома Сергей Петрович — добрейшей души человек, который знал о каждом жильце практически все, был очень строг на своем посту и никого из чужих без предупреждения жильцов в дом не пускал.

В начале моей жизни в новом доме с родителями мне, конечно, пришлось перестраиваться не только физически, но и морально. Во-первых, непривычными были бытовые условия. Отдельная квартира, горячая вода, ванная комната — не надо ходить с бабушкой в баню. Нет соседей по коридору, нет часто ругающихся хозяек на общей кухне. Зато есть телефон, по которому можно говорить сколько душе угодно, и никто тебя не торопит. К ритму жизни родителей тоже надо было привыкнуть. Утром убегали на репетицию, днем заходили домой пообедать (если, конечно, у папы не было съемок и озвучания), а вечером — спектакль. На спектакль уходили в пять, а возвращались домой в одиннадцать. Конечно, к этому времени, если уроков было задано немного, я уже спала.

По дому папа ничего не умел делать, да и времени ни на что у него не было. Он даже не знал, где платить за квартиру, поэтому все хозяйственные заботы лежали на маме. Но заработанные деньги он всегда отдавал ей. Стояла у нее перед зеркалом на туалетном столике маленькая хрустальная вазочка, и все заработки он клал под вазочку. Но оставались у папы и записки. В доме было много книг, которые были тогда дефицитом. Родители собирали книги. И вот однажды я

В фильме «Человек ниоткуда»

«Я попал в плен, созданного Папановым образа, и мне уже было трудно во время работы над романом «Солдатами не рождаются» представить себе другого Серпилина». К.М. СИМОНОВ

*Кадр из фильма «Живые и мертвые».
С замечательным О.Н. Ефремовым*

Кадр из фильма «Наш дом»

*«Надо тебе
дать коленом
под зад!»
Папанов
и Миронов
в фильме
«Берегись
автомобиля»*

*Папа
в фильме
«Веселые
расплюевские
дни»*

*Съемочная группа «Белорусского вокзала».
Фотография на память после завершения съемок*

*Кадры из фильма «В городе N».
Папа — Ионыч*

Кадр из фильма «Виринея». Папа — Магара

Кадр из фильма «Инженер Графтио».

Кадр из фильма «Разрешите взлет»

В фильме «Одиножды один». С. Н. Архиповой

С Валентиной Теличкиной в фильме «Одинокды один»

Кадр из фильма «Пена». С Л. Куравлевым

Доктор Самойленко —
«Плохой
хороший человек»

«12 стульев».
Киса Воробьянинов

Кадр из фильма «12 стульев».
Папанов — Воробьянинов, Миронов — Остап Бендер.

*«Если я его сейчас не вскрою на 500 рублей, —
плюньте мне в глаза».*

Момент съюмок фильма «Отцы и деды»

*Кадр из фильма «Время желаний».
В этом фильме партнершей отца была Вера Алентова*

*Проба на роль
Распутина*

*«Золотой теленок». Папа — Васисуалий Лоханкин,
Сергей Юрский — Остап Бендер.
К сожалению, весь эпизод в Вороньей слободке
в фильм не вошел*

*С режиссером М. Швейцером
во время съемок «Золотого теленка»*

*Проба на роль
генерала Карбышева*

*С Валерием Приемыховым
в фильме «Холодное лето
1953 года»*

надумала почитать Жюль Верна. Вытащила одну книгу из собрания сочинений, раскрыла, а оттуда вылетела десятирублевая купюра, из другого тома тоже, из следующего — опять то же самое. Так набралось довольно много денег, если учесть, что в то время средняя зарплата была 120 рублей в месяц.

В это время мама была дома, я привела ее в комнату и показала ей живописную картину, натюрморт — книги и деньги. Мама была по-доброму удивлена, взяла деньги. Но чем далее закончилась эта история, я не знаю. Уже после папиной смерти маме позвонил администратор из Питера Рудольф Фурманов, который устраивал выступления Папанова и Миронова по всему СССР, и сказал: «Открой Толин шкафчик в письменном столе. Там в ящичке черный конверт из-под фотобумаги с надписью «Не вскрывать». В нем — Толина записка». Папу с Рудольфом связывали не только деловые, но и дружеские отношения, поэтому тот знал о таких маленьких секретах отца. Когда мама рассказывает эту историю, то говорит, что без его подсказки никогда бы этих денег не нашла...

Моим воспитанием из-за нехватки времени папа особо не занимался. Если он в Москве — то в театре или на съемке. И очень часто выезжал с концертами. Рудольф организовывал концерты и с другими известными артистами: папа выступал не только с Мироновым, но и с Леонёвым, Голубкиной, Стржельчиком, Золотухиным. Интересный случай произошел на концерте, где помимо

*С актрисой Натальей Селезневой
после встречи со зрителями*

отца выступали Валерий Золотухин и Семен Фарада. Так как публики было немного, Золотухин и Фарада сели в зрительный зал, ожидая выхода. Закончив свое выступление, папа должен был представить следующего артиста, Фараду. Валерий Золотухин рассказывает: «Выглядело это так. Папанов начал представлять: «А сейчас перед вами выступит знаменитый артист... прекрасный киноартист... мой друг... прекрасный семьянин — у него прекрасный сын... к тому же он окончил военное училище... У него замечательная жена...» А глаза смотрят куда-то в сторону, видно, что человек что-то мучительно вспоминает. И мы поняли: забыл фамилию! Вспотел от напряжения, но мужественно пытался вспомнить, как же произносится эта фамилия. Мы оба глядели на его страдания и пытались догадаться, кого из нас он хочет объявить. По данным, это сходится и со мной и с Фарадой. Папанов продолжает: «Он скромн... И замечательный артист театра и кино... И мой лучший друг...» Нам лестно быть «лучшим другом» Папанова, поэтому мы скромно молчим, ждем, кого же он назовет. Наконец он произносит: «Это... это... Георгий Сковорода!» И тут уж, Бог нам судья, мы с Фарадой грохнули от смеха!» Много забавных случаев было в концертных поездках.

Юрий Владимирович Никулин рассказал, как он, Папанов и замечательный актер из БДТ Владислав Стржельчик ездили с концертами в Винницкую область. После концерта дорогих гостей повезли в музей-усадьбу знаменитого ученого Пирогова, где его тело лежит забальзамированное.

После последнего выступления для артистов был устроен прием, на котором секретарь обкома партии пригласил их приехать еще раз, будем, мол, очень рады новой встрече, на что Папанов вполне серьезно ответил: «Обязательно приедем. У вас так замечательно бальзамируют, даже лучше, чем в Москве».

Отец часто звонил домой, узнавал, как старики (все бабушки и дедушки), как мама, как моя учеба в школе, что нового в театре. Из поездок всегда возвращался с подарками. В Москве в то время все было дефицитом, а в провинции что-то можно было достать, тем более таким популярным актерам: для них все склады и магазины были открыты... В основном после концертных поездок отец приезжал в хорошем настроении. Мама планировала свои дела так, чтобы в день приезда папы быть дома. Готовила вкусный обед, встречала, кормила. За обедом отец любил рассказывать о поездке. А наутро, как всегда, надо было собираться на репетицию. Наденет какую-нибудь куртку, старый пиджак и джинсы, выдавшую виды футболку, кепку и черные очки. Мама только скажет: «Толя, ну куда ты так нарядился! Ты же привез из поездки новую дубленку и хороший костюм!» Он ответит: «Да ладно! Мне так удобнее!» Он не любил выделяться своей одеждой, а коллег, которые обожали наряжаться и щеголять обновками, но творчески ничего собой не представляли, называл «Артист Артистичами». Несмотря на это одежда отца была всегда чистая и опрятная. Он во всем ценил порядок.

*Фрагмент телепередачи «В гостях у Озерова».
С Ю. Никулиным и В. Леонтьевым*

*«Любимый Волк Советского Союза».
На одной из творческих встреч
в военной части с офицерским составом*

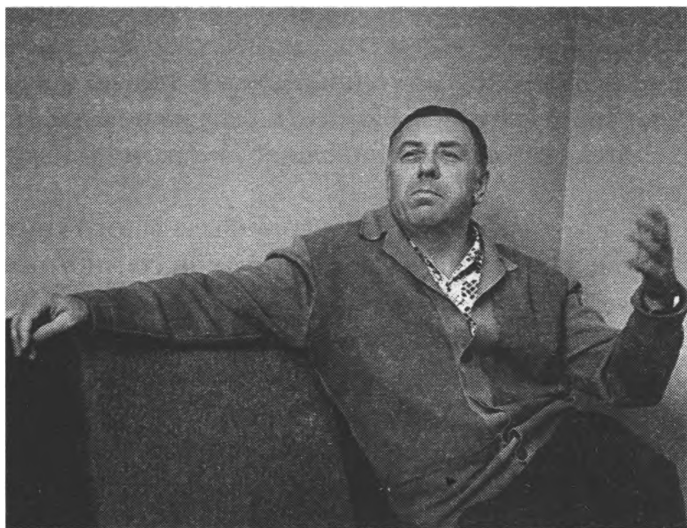

*И с рядовым. Справа от папы актер Юрий Васильев,
теперь уже народный артист России*

Один раз на гастролях в Новосибирске в 1981 году папе стало плохо. Мама вызвала скорую помощь. Врачи сказали, что надо ехать в больницу, диагноз — нарушение мозгового кровообращения. Папа ни в какую, пришлось его уговаривать. Еле согласился, лег на носилки, но вдруг остановил санитаров, попросил у мамы, чтобы она дала ему кепку и черные очки. Надел и только тогда разрешил санитарам вынести себя из номера. Не захотел, чтобы люди видели его в таком положении.

Как я уже упоминала, в доме было много книг. Он очень любил поэзию. Был знаком со многими современными поэтами. Три полки в книжном шкафу были забиты поэтическими сборниками. Часто читал стихи вслух, прекрасно чувствовал музыку стиха. Иногда звал меня и просил послушать какое-нибудь стихотворение. Мама не очень любила поэзию, так и говорила: «Я предпочитаю прозу. А Толя — поэзию». Родители выписывали много газет и толстых литературных журналов. Все прочитывалось. Когда собиралось слишком большое количество журналов, их отвозили на дачу. До сих пор они стоят в книжном шкафу, подобранные по названиям и годам....

В еде был неприхотлив. Ел все, что мама готовила. Пища в основном была простая, без всяких деликатесов, несмотря на то, что известному актеру не представляло труда достать что-нибудь дефицитное. Для этого стоило зайти в продовольственный магазин, и продавщицы, увидев «живого» Папанова, достали бы из-под прилавка все

*Отец очень любил поэзию.
Часто читал стихи вслух,
прекрасно чувствуя музыку стиха*

что душе угодно. Но он в магазины не заходил — все продовольственные проблемы лежали на маминых плечах... Из еды папа очень любил рыбу во всех видах. После обеда обожал пить компот. На завтрак предпочитал чай с лимоном и бутерброды, иногда яичницу. На ночь никогда не наедался, если даже день был тяжелый и энергии было потрачено много. Чаше пил кефир или снова чай, иногда ел печенье или творог.

Если выдавался свободный день дома, он учил текст роли, или читал, или шел в Лужники: навещал родителей. А вечером смотрел телевизор, в основном — спортивные передачи. Спорт любил очень, да и, впрочем, как я уже писала, сам был спортивным человеком. И несмотря на то, что хозяйственными делами не занимался, был по-настоящему главой семьи, всех нас боготворил и делал все, чтобы в доме был достаток. Родители прожили вместе 43 года. Как-то я спросила маму:

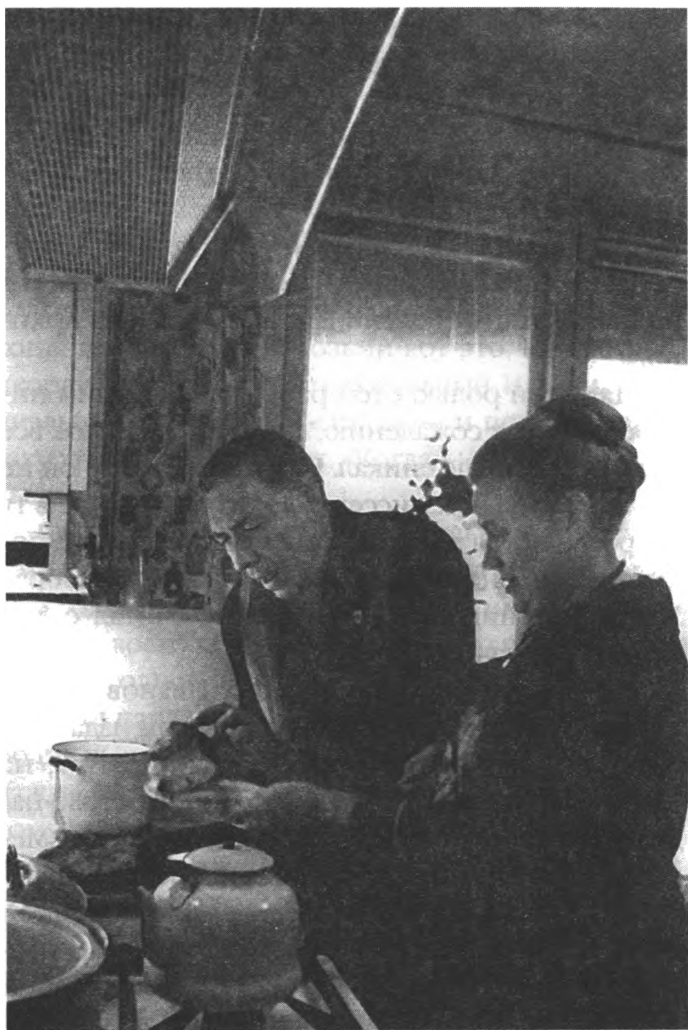
— А как прожили?

— По-разному. Но у меня никогда не было повода подозревать его в измене. Может, когда он уезжал на съемки, что-то происходило, только я ничего про это не знала, никто никогда мне не звонил, не намекал. И у него повода ревновать не было. Хотя все было не так просто. По молодости водочкой увлекался, и я переживала очень, и были мысли о разводе. Когда я в очередной раз выгоняла папу или уходила от него к бабушке, та ругала меня за это. А папина мама говорила сыну: «Я знаю, почему тебя Надя выгнала. Возвращайся

домой и проси прощения». Наши родители прожили вместе всю жизнь, и в их семьях даже не допускалась мысль о разводе. В обеих семьях почитали домострой. Такие отношения скрепляли семью.

Когда умерла папина мама, моя бабушка Елена Болеславовна Папанова, в девичестве Равковская, на поминках отец очень сильно напился, и после этого раза как отрезало. Мама сколько раз его спрашивала : «Толя, может, ты какой зарок дал?» «Оставь меня в покое!»— ворчал он в ответ. Он всегда говорил, что не верит, если человек не может бросить пить, когда захочет. Если захочет — бросит навсегда. Может быть, поэтому друзей у него практически не было. Я думаю, он боялся попасть под «дружеское» влияние и «развязать»... В театре мог сказать какому-нибудь молодому актеру, если видел, что тот пришел на репетиции или на спектакль «с похмелья»: «Не по таланту пьешь!»

В последние годы он стал очень тесно общаться с Виктором Ивановичем Мережко. В данном случае можно сказать, что это была даже дружба. Знакомство их произошло на съемках фильма «Одиножды один» режиссера Геннадия Полоки по сценарию Мережко. Когда папа прочитал сценарий, который ему очень понравился, то с удовольствием согласился попробоваться на эту роль, хотя до него пробовалось много актеров, в том числе и звезд. Роль была выписана очень смешно. Ваня Каретников — трагикомический герой, бабник, шалопай. К нему очень подходят слова из басни И.А. Крылова «Стрекоза и Муравей»: «Ты все

*Дома на кухне.
«Что там у нас вкусенькое?»*

пела, это дело, так поди-ка попляши». Ваня всю жизнь переезжал с места на место, менял одну женщину на другую, нажил детей от разных жен, но стабильную хорошую семью так и не создал. В результате, в старости, он никому не нужен. Отец ролью очень заинтересовался, так как, по его словам, он таких ролей еще не играл. Одной из партнерш по фильму была актриса Театра сатиры народная артистка России Нина Николаевна Архипова.

Над этой ролью отец работал с большим интересом, но, к сожалению, в процессе съемок все больше и больше сникал. Ему казалось, что он не так играет, да и режиссер заводит картину не в ту сторону. Когда картина была снята и он ее посмотрел, то она ему не очень понравилась. Образ Вани Каретникова он никогда не считал своей актерской удачей.

По воспоминаниям Виктора Ивановича, он впервые увидел Папанова в Ростовском издательстве «Молот», где работал после института, на встрече с артистами Театра сатиры (в Ростове-на-Дону театр был на гастролях). Позже, когда Мережко стал сценаристом, он всегда мечтал встретиться с Анатолием Дмитриевичем на съемочной площадке. Наконец это произошло. После съемок завязалась дружба. Помню, как они с женой Тamarой приходили к нам в гости. Их первый ребенок, дочка Маша, была совсем еще крохотная и сидела у Мережко на руках.

Виктор Иванович Мережко так вспоминает об этих встречах у нас дома:

«Ему 50 лет, он звезда, я — начинающий 35-летний сценарист, недавно приехавший в Москву. Видимо, понимая, что мы хотим есть, Анатолий Дмитриевич пригласил меня и мою покойную жену Тamarочку в гости. Какими вкуснятинами он нас угощал! Икра красная, икра черная... многие завязавшие не могут смотреть, как другие выпивают, а Папанов, наоборот, получал от этого удовольствия. Брал бутылочку, наливал. «Ты, Витюх, когда первая пойдет, возьми вот это. Не-еет, не икорку бери, а огурчик малосольный. Надюша специально на базарчик бегала», — и подкладывает закусочку, подкладывает. «Когда, — говорит, — ты пьешь, я хмелею».

Отец и Мережко — люди с большим чувством юмора, поэтому за столом скучать не приходилось: одни шутки сменялись другими. Если отец звонил своему другу по телефону, то разговор начинался одной и той же фразой. Пониженным голосом папа вещал: «Здорово, Витюха! Как дела? Водку пьянствуешь?» Разговаривали подолгу. Однажды Мережко рассказал такую историю. По какому-то поводу засиделись они в ресторане, хотя папа тогда уже не пил. Время было позднее. И они решили возвращаться домой на метро. Заходят. Папа предъявляет удостоверение инвалида Великой Отечественной войны, дающее право бесплатного проезда и проходит. Затем он показывает на Мережко и говорит: «А этот со мной!» Пока контролер, обалдев, открывал и закрывал рот, Мережко беспрепятственно прошел «на халяву». Оба долго смеялись, как им удалось сэкономить

пяточок (проезд стоил 5 копеек). Однажды Мережко дал отцу прочитать свою только что написанную пьесу. Папе она не понравилась, и он сказал: «Я должен честно объяснить свое мнение, сказать, как есть». Он не мог лгать. Насколько помню, разговор был по телефону и очень долгим. После этого разговора отношения между ними стали прохладнее. Во всяком случае, мне так показалось.

Еще у папы сохранились два друга детства, с которыми он изредка перезванивался. Оба были художниками. После папиной смерти один из них подарил мне несколько своих работ. Еще в молодости, до войны, он написал портрет отца. Многие годы эта картина провисела в комнате папиных родителей. После их смерти мама взяла портрет домой и поставила за шкаф, потому что с годами он испортился и требовал реставрации. Но родителям некогда было этим заняться. И вот после папиной смерти художник отреставрировал свою юношескую работу. На портрете изображен молодой человек с пышной шевелюрой. Юноша спокойно сидит в кресле и смотрит вдаль. Трудно узнать в этом худощавом парнишке, одетом в темно-синий костюм и такой же галстук, того Анатолия Папанова, к которому все так привыкли.

Приятельствовал отец с Евгением Павловичем Леоновым и Юрием Владимировичем Никулиным. Юрий Никулин жил недалеко от нас, через дорогу, в том самом доме, где обитал главный режиссер Театра сатиры Валентин Николаевич Плучек. Папа с Никулиным часто вместе выгули-

вали собак. У нас был спаниель Тимошка. Как я уже рассказывала, его подарил нам после съемок «Белорусского вокзала» Евгений Павлович Леонов. Папа был с ним в хороших отношениях и раньше. Но на съемках этого фильма они по-настоящему сблизились. Там была очень дружная группа: Сафонов, Глазырин, Нина Ургант... Все они были одного возраста, каждого так или иначе коснулась война. Папа рассказывал, что работалось в этой картине очень легко, и на съемочной площадке царила атмосфера взаимопонимания и дружелюбия.

Но напомним про Тимошу. Как-то прихожу из школы домой и застаю папу и Леонова на кухне за чаем. Папа мне говорит, что Евгений Павлович предлагает нам щенка, который родился от их кобеля — настоящего русского спаниеля и полагался им за вязку. Я мечтала о собаке и стала просить отца не отказываться от этого подарка. На следующий день папа принес маленький шелковый серо-черный комочек с длинными черными ушками, который сразу же сделал лужу в кухне на линолеуме. Тимошу мы все обожали. Папа почему-то считал, что наш пес «колбасинской» породы. Видимо, это ценная разновидность русских спаниелей. Тимоша прожил в нашей семье около 18 лет и умер своей смертью на даче, где мы его и похоронили. Об этом я уже писала. Теперь там у нас целое собачье кладбище, но об этом отдельно...

Когда я переехала к родителям, мне пришлось поменять место учебы. Я поступила в восьмой

класс школы № 112, что находится на улице Остужева. Эту школу порекомендовали моим родителям как одну из лучших в Москве. Директором нашим был Борис Семенович Лагун — маленький седой человек. Он был не только замечательным педагогом, но и отличным организатором. Очень много сделал для школы — при нем она получила статус лучшей общеобразовательной школы столицы, хотя была простой, неспециализированной. Но у нас был лингафонный кабинет, что тогда являлось привилегией только редких спецшкол с изучением иностранных языков. Была своя радиостанция с настоящей профессиональной студией, которая ежедневно выпускала радиопередачи. Возглавлял это чудо техники преподаватель английского языка Григорий Яковлевич Дорф. Ребята работали и дикторами, и журналистами, и операторами звукозаписи. В конце учебного года мы проходили практику в РДРЗ (Государственном доме радиозвукозаписи) на улице Качалова — знаменитом учреждении, знакомом всем людям искусства... После такой практики я получила квалификацию оператора звукозаписи 10 разряда. Это удостоверение до сих пор хранится у меня дома.

В то время, когда мы учились, в школе начали строить бассейн, но, к сожалению, наш выпуск его так и не дождался — закончили его гораздо позже. С большой благодарностью вспоминаю своих педагогов: классного руководителя и учителя истории Ольгу Васильевну Костину, педагога по русскому языку и литературе Марию Георги-

евну Блехман, которая привила мне любовь к поэзии. До сих пор помню стихи, которые учили на ее уроках. Уже забыла многие правила правописания, но пишу практически без ошибок. С большой любовью вспоминаю учителя по физкультуре Семена Ароновича. А о Григории Яковлевиче Дорфе я уже писала... Недавно заходила в школу и узнала, что он еще преподает. И по сей день работает ребячья радиостанция, которой он руководит.

Каждый год 1 декабря мы собираемся с моими одноклассниками. Но, к сожалению, некоторые уже ушли из жизни. Нет Валеры Ефанова, Саши Попова, Саши Грудинина... О последнем мне особенно больно вспоминать, потому что нас связывали дружеские отношения, перешедшие в первую любовь... Впрочем, что такое школьная любовь? Это такое чистое и светлое воспоминание, и непонятно, кто там в кого был больше влюблен, и кто кого дергал за косички, и кто кому дерзил....

Отец Саши был офицером КГБ, профессором, а мама — простой учительницей музыки. Были еще два старших брата, Алексей и Сергей. Семья обитала в хорошей квартире, в доме напротив Патриаршьих прудов. Пока был жив Сашин отец, они не знали проблем. Но отец рано умер, матери стало тяжело растить одной троих сыновей, и потому жили Грудинины довольно бедно. Саша носил одежду, оставшуюся от отца или от старших братьев. Часто бывает так, что класс делится на группы, проще говоря — на компании. Мы с

Сашей принадлежали к одной компании. И я стала замечать, что он начал проявлять ко мне какое-то особенное внимание. Часто после школы он провожал меня домой. Потом как-то позвонил мне и пригласил в кино: так и завязался наш детский роман. Мы ходили вместе в кино, на каток, гуляли по близлежащим улицам, да и не только по ним — иногда уходили довольно далеко. Иногда я брала на эти прогулки спаниеля Тимошу. И вместо положенных ему тридцати минут он выгуливался по два-три часа. Саша был добрый, отзывчивый и довольно робкий парнишка. Он очень стеснялся моих родителей. Саша увлеченно занимался хоккеем и играл за юношескую сборную спортивного клуба ЦСКА, а вот в школе учился плохо. Преподаватели понимали, что матери трудно растить троих сыновей одной и с плохими оценками переводили мальчишку в следующий класс. Летом приезжал он ко мне на дачу. Бабушка пошлет меня в магазин за продуктами, иду по дороге и вдруг вижу — на обочине сидит Саша, ждет меня. Схожу в магазин, принесу покупки домой, а потом иду с ним гулять. В дом он никогда не заходил, стеснялся.

Так незаметно пролетело время, проучилась я в этой школе три года. «Успевала» я прилично, особых проблем со мной не было. На родительские собрания ходила мама. Папе, как всегда, было некогда. Незаметно подкрался выпускной вечер. На этот первый в жизни взрослый праздник мне было куплено белое платье с люрексом, то есть с такой блестящей нитью. Все наши девочки

были одеты очень нарядно, но мое платье казалось по-настоящему бальным. Я была на вершине счастья, хотя родители из-за вечной своей занятости не пришли на вечер.

Выпускной! Табель у меня был вполне достойный, хотя и не без троек. Но меня это практически не волновало. Передо мной открывалась новая, интересная, взрослая жизнь! После торжественной части и раздачи аттестатов мы с Сашей убежали от наших одноклассников. Взявшись за руки, гуляли по Москве всю ночь и вернулись только под утро. На следующий день наша компания собралась к кому-то на дачу продолжать торжество. Саша поехал, а я не смогла, потому что через несколько дней должна была сдавать первый экзамен в институт. Надо было готовиться.

Давно я мечтала стать актрисой, но родителям об этом говорить боялась. Знала, что они будут категорически против. Поэтому, чтобы их не огорчать, я весь год готовилась с репетиторами в иняз. И только весной объявила о своем намерении поступать в театральный. Как я и предполагала, родители настойчиво пытались отговорить меня от этой затеи. Но в данном случае я была непоколебима и настояла на своем. Я подала документы во все театральные вузы, которые тогда были в Москве. Впрочем, так делали все абитуриенты. В результате — ГИТИС, нынешний РАТИ.

Знаю точно, что отец не хлопотал за меня, да и родителей в это время не было в Москве. Они уехали с театром на гастроли. Впрочем, может быть, свою роль сыграла известная фамилия — не

мне судить. Но я поступила и была счастлива. Потом уехала отдыхать. Лето пробежало быстро. Саша в институт не поступил, да это и было понятно. Учился плохо, практически не готовился. Насколько я помню, он пытался поступить в МАИ. Все это время мы с ним почти не общались. Наступила осень. Я начала учиться в ГИТИСе, чем очень гордилась, а Саше предстояло идти в армию. В последний день перед отъездом он мне позвонил и предложил встретиться. Помню, встреча была короткой. Сказала ему, что я теперь студентка и должна много заниматься, что наши пути разошлись, и школьный роман кончился. Помню его растерянные глаза... Но мне тогда было безразлично: мне казалось, что впереди у меня яркая, красивая, безоблачная жизнь, в которой этому простому мальчику не находилось места. Потом я поняла, что поступила жестоко, но тогда я была молода, решительна и принципиальна.

До сих пор, когда вспоминаю об этом, мне становится стыдно. В дальнейшем Сашина жизнь не сложилась. В институт он не поступил. Одноклассникам рассказывал, что после армии попытался попасть в ГИТИС на актерский, чтобы быть поближе ко мне, но ничего из этого не вышло. Несколько раз был женат, увлекался спиртным. Умер в доме своей сожительницы от сердечного приступа. У него осталась дочь. Вот такая грустная история.

Еще хочу рассказать о своих спортивных увлечениях. Надо отдать должное моему отцу, он привил мне любовь к спорту. С раннего детства

бабушка возила меня в Лужники заниматься фигурным катанием. Затем были лыжи, плавание. А живя с родителями, я увлеклась конным спортом. Мне нравились лошади, и этот вид спорта был окутан для меня каким-то ореолом романтики. С трудом, но я все-таки поступила в конно-спортивную школу при спортобществе «Урожай». Она находилась на Беговой улице, недалеко от ипподрома. Несмотря на то что в нашей группе было всего две девочки, мы, наравне с мальчишками, ухаживали за лошадьми, чистили конюшни. К каждому спортсмену была прикреплена лошадь, за которой надо было ухаживать. Работа эта мне очень нравилась, а вот с тренировками было трудно. Как говорится, «не пошел» у меня этот спорт! Я часто падала, ушибалась. Один раз при падении разорвала связку на ноге.

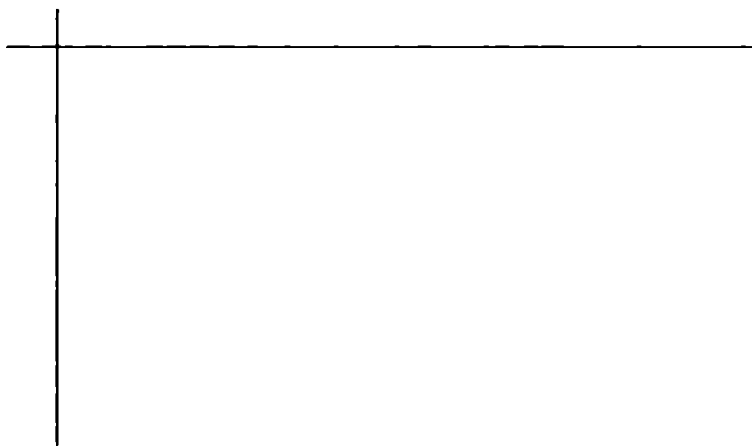
На одном из приемов, посвященных какой-то торжественной дате, папа познакомился со знаменитой наездницей Еленой Петушковой, тогдашней звездой этого вида спорта. Кажется, она была даже Олимпийской чемпионкой. Папа рассказал ей о моей страсти и о моих трудностях. И она посоветовала отцу отговорить меня от этого занятия. Почему-то она отрицательно отзывалась о женщине на лошади, убеждая, что это далеко небезопасно для женского здоровья. Не без сожаления, но я оставила свои тренировки.

Шло время, и я постепенно привыкла к новой жизни — жизни с родителями. В общем-то, жили дружно, хотя с мамой часто бывали стычки. В основном это касалось уборки в моей комнате. Ко-

гда я переехала, мне выделили папин кабинет, и он стал моей комнатой. Там стояли раздвижная кушетка, письменный стол и пианино, приехавшее со мной с Саввинской набережной. На стенах висели полки с книгами. Так вот, в этой небольшой комнате я ухитрялась устраивать большой бардак. Мама моя, довольно вспыльчивая, но отходчивая женщина, орала на меня довольно часто. А вот папа, напротив, за всю нашу совместную жизнь ругал меня всего один раз. Помню, что я наругала ему, и этого было достаточно, чтобы я запомнила тот случай надолго.

А вот чтобы родители ругались между собой, я не помню. Может, и были какие-то разбирательства, но никогда — в моем присутствии. Думаю, что мои родители были счастливы в этой квартире. А вместе с ними и я. Ведь впереди у меня открывалась целая жизнь....

*Наша
семья. До...*

Наш роман с моим однокурсником Юрием Титовым длился долго, около двух лет. Мы ругались, расставались, снова мирились и снова ругались. Но нас влекло друг другу с непреодолимой силой. Мои родители были немного обеспокоены, так как не хотели, чтобы я рано выходила замуж, тем более за студента. А роман «набирал обороты» и рос, как снежный ком.

Когда мы окончили институт, наш худрук Владимир Андреев, уже тогда возглавлявший театр им. Ермоловой, взял в свою труппу несколько человек с курса. В их числе была и я. Юре же, несмотря на его несомненную одаренность, в московский театр устроиться не удалось. Его взяли в Московский областной театр, который находился в Ногинске. Это был сильный профессиональный коллектив, с хорошими традициями. И Юру там сразу же завалили работой. Наша любовь была в полном разгаре. Но в июне Ермоловский театр отправился в Сибирь, в Кемерово и Томск, на

двухмесячные гастролы. Пришлось мне расставаться с возлюбленным, и поездка эта была безрадостной. Кемерово произвело гнетущее впечатление. Поселили меня в гостинице вместе с работниками технических цехов театра. Я никого не знала, жила одна в номере, который напоминал узкий и длинный склеп. Находился он на первом этаже, и, как сейчас помню, стояли там только кровать, стол, стул и умывальник. Мне было очень грустно, тоскливо. И я написала письмо домой, родителям, в котором, как ребенок, который просит маму забрать его из садика, умоляла забрать меня с гастролей.

Но постепенно командировочная жизнь налаживалась: меня ввели в массовые сцены каких-то спектаклей, я познакомилась с артистами, тоска уходила. И я забыла о письме, которое отправила сторяча. А вскоре гостиничный портъе передал мне ответ на него. Я пришла в свой номер и села читать. Это было письмо отца. Привожу его полностью.

«Дорогая доченька! Ну, здравствуй!

Тяжеловато тебе... Я понимаю, но, что поделаешь, такая наша актерская жизнь. Хорошо, что сразу тебе показалось нелегко, — когда начинаешь с легкого, то потом с иллюзиями бороться трудно. Мы с мамой тебе говорили, что эта профессия требует особого напряжения, отдачи сил, духовных, физических и, конечно же, творческих. Нужны крепкие нервы и ясная голова. Мне думается, что все это у тебя есть.

Самое пагубное в творчестве, особенно для

начинающего, — это легкий успех или видимость успеха. На моей памяти таким людям ничего путного в искусстве не удавалось. В театре или кино лучше начинать с азов, с самого маленького... Не рвись в облака, стой покрепче на земле, и она одарит тебя.

Бори в себе зависть, недоброжелательность к товарищам. Это яд для любого творческого организма. Как говорил Станиславский, «люби искусство в себе, а не себя в искусстве».

Ну, хватит, наверное, проповедей. Тебе осталось совсем немного потерпеть, хотя не понимаю, как это можно скучать. Сколько всего прекрасного: люди, природа, книги, науки, самоусовершенствование в профессии — займись хотя бы речью, голосом или поработай над каким-нибудь отрывком любимого автора. Подготовь себя физически: у тебя, например, слабовата реакция, замедлена несколько. Поработай над ней. Упражнения на внимание, упражнения на память... Ох, как это важно! Этим нужно заниматься каждый день, да и не только, разумеется, этим. Ты сама прекрасно знаешь, какой огромный комплекс необходимых занятий и упражнений.

Вначале будет тяжело, потом привыкнешь, а потом будешь ощущать радость и необходимость этого. Прекрасные результаты не заставят долго ждать. Поверь мне.

Я все время страдаю от того, что ты совсем забросила английский язык. Выучивать хотя бы фразу в неделю, хотя бы транскрипцию по словарю. Сейчас без языка нельзя, это — огромный тормоз и, если хочешь, — в творчестве.

Ох, как я был бы счастлив, если бы у меня было столько времени для скуки, как у тебя! Уж язык-то я бы обязательно выучил. Ведь потом закрутишься в производственном водовороте и будешь только с горечью вспоминать о «скуке», о времени, которое не сумела использовать в необходимость и радость.

Артисту, как и любому художнику, необходимо много ездить, путешествовать, наблюдать, впитывать, накапливать материал в свою творческую «записную книжку». Я с удовольствием поехал бы в Кемерово и Томск. Ведь очень интересно это посмотреть своими глазами, узнать. Где же твоя первооснова актера — любознательность художника? Человековедение — ведь это так интересно! Наверняка они там отличаются хотя бы от москвичей: и говор, наверное, иной, и наверняка нравственные привычки иные... Я, например, как только приезжаю в другой город, сразу иду в баню: там люди обнажаются не только физически, но и духовно, нравственно! Как это интересно! А просто пройтись по улице, не торопясь, понаблюдать за ней, за людьми, манерами, повадками, речью, за внешностями для будущих характеров и гримов.

Поставь себе, например, задачу определить по внешнему виду прохожего его профессию, склад жизни... Холост ли? Женат ли? Курит ли? Пьет ли? Это же — биография, материал. Этим же занимались и занимаются все художники.

Когда же скучать? А ты думаешь, Чехов А.П., больной, поехал на перекладных через всю Сибирь, в дождь и мороз, ради скуки? Ради жажды творчества надо воспитывать в себе потребность

заниматься тем делом, которое ты себе избрала, — тогда у тебя не будет времени скучать.

У нас все в норме и дома, и на даче, и в театре. Мама сейчас больше занята домашними делами, а я снимаюсь в «12 стульях» и репетирую «Горе от ума»... Конечно, играем спектакли, а их многовато в июле. И так же в Польше почти не было ни одного свободного дня. Погода в Москве дождливая, теплых дней почти не было. Иногда удается выскокить на денек на дачу, к сожалению, редко. Сегодня нас пригласил на день рождения Геннадий Иванович Полока. Но мы почти наверняка не пойдем, так как я поздно приеду со съемок, да и у мамы спектакль. Кстати, Геннадий Иванович получил новое назначение: он — главный режиссер музыкальных программ и телефильмов на телевидении.

Часто звонит Анна Арнольдовна и почти всегда спрашивает о тебе. Второго августа мы заканчиваем сезон. Но мама 2-го поедет в санаторий, в Минеральные Воды. А я буду весь отпуск сниматься! Бог даст, закончим.

Ждем тебя с нетерпением. К твоему приезду, наверное, поспеет клубника, по крайней мере, так утверждает бабушка. В августе вообще следует нажать на овощи, фрукты.

Отдохнуть тебе советую посвободней: не связывай себя заботами, печальями. Не страдай, не слонтяйничай. К своим любовям относись серьезней: их будет много, важно здесь не терять голову.

А в общем, это не приказы, а советы. Ты человек взрослый — живи, твори, чувствуй, думай.

*Целую. Папа.
15.VII. 1976 г.*

Когда я вернулась через два с половиной месяца с гастролей и наконец-то встретилась с Юрой, то мы решили провести отпуск вместе и поехали отдыхать в Крым, в местечко Гурзуф. Но так как мы не были расписаны, а родители мои придерживались консервативных взглядов, пришлось пойти на обман — я сказала им, что отправляюсь в молодежный лагерь. На самом деле мы приехали в Гурзуф и сняли за несколько рублей в сутки сарайчик у местной жительницы. В нем едва умещались кровать и тумбочка. Все удобства были во дворе, там же мы готовили и ели. Впрочем, это было замечательно! Море солнца, любовь, молодость и вера в то, что впереди — счастливое будущее. Но дни отдыха пролетели очень быстро. Открылся сезон в театре.

Я начала сниматься в кино, но абсолютно без вмешательства отца. Потому что «проталкивать» было не в его принципах. Никогда он не помогал мне с ролями. Были предложения сниматься вместе, но папа не шел на это. Считал, что были слабые сценарии. Итак, началась моя настоящая работа. Сначала несколько ролей на Одесской киностудии, потом роль в многосерийной картине на «Беларусьфильме». Постоянные поездки на съемки сочетались с игрой в театре. Бесконечные разлуки с любимым человеком вымотали меня. Я очень устала и, чтобы поменьше разъезжать, стала отказываться от некоторых предложений кинорежиссеров. Так, в Минске после одного фильма меня сразу пригласили в другой, но я предпочла вернуться домой.

В это время Юра успешно работал в Москов-

ском областном театре. Как я уже упоминала, стационар у них был в Ногинске, а в основном труппа разъезжала по городам и весям Советского Союза. Поэтому расставания были постоянными спутниками нашего романа, да и жили мы, разумеется, отдельно. Я обитала с родителями, а Юра снимал комнату в старом полуразвалившемся доме в Сокольниках. Конечно, я часто бывала у него, но чтобы жить вместе — об этом не могло идти речи. Мои родители мне бы просто не разрешили, а я все-таки старалась их слушаться, по мере возможности. И чтобы чаще быть вместе, мы решили расписаться. Мои родители оказались категорически против. Доводы были такие: рано еще. Не успели встать на ноги, не готовы для семейных отношений. Но мы были упрямы и приняли решение расписаться «втихаря», никому ничего не сказав.

Накануне дня, когда договорились пойти подавать заявление, поругались. Я не пришла в загс, а Юра пришел и долго ждал меня. Потом все-таки решили действовать с согласия моих родителей. Мне пришлось их долго обрабатывать, потому что они упорно сопротивлялись. Наконец я их уломала, и свадьба все-таки состоялась. Приехали Юрины родители из Ташкента, приехал его брат. С моей стороны были все родные и друзья. Пришли нас поздравить и сокурсники. Моей свидетельницей была школьная подруга Наташа. В торжественный момент, когда жених и невеста обменивались кольцами, мое обручальное колечко никак не хотело налезать на палец. И вот в момент всеобщего напряжения в полной тишине раздал-

ся громкий шепот Наташи, который услышали все окружающие. Она советовала Юре: «А ты ей вкручивай, вкручивай!» Конечно, все захохотали, и неловкость исчезла, как будто ее и не было.

После Грибоедовского дворца бракосочетаний, где мы расписывались, поехали кататься по Москве, были на Воробьевых горах — на смотровой площадке, облюбованной молодоженами. К назначенному времени подъехали к ресторану «Прага», где должен был состояться свадебный банкет. Туда же подтянулись и другие гости, которые не были в Грибоедовском дворце. Среди них был Владимир Андреев, мой педагог и художественный руководитель Ермоловского театра с женой Натальей Селезневой, актрисой Театра сатиры. Приехал с супругой друг отца Виктор Мережко, замечательный сценарист и драматург. Был на свадьбе священник Константин Васильевич Тивецкий с матушкой. Они не только крестили меня в своей московской квартире, но и были моими крестными.

Я жила некрещеной до восемнадцати лет. Это очень угнетало, так как маленькие росточки веры уже поселились в моей душе. Я решила окреститься самостоятельно, но побоялась это сделать в храме, так как была комсомолкой, да и многие наши родные состояли в партии. Тогда Константин Васильевич, будучи знакомым моих родителей, предложил сделать это у него дома. Так что, мои дорогие крестные пришли поздравить нас с Юрой и подарили старинную икону «Богоматерь с младенцем Иисусом». Банкет проходил в Зеркальном зале ресторана «Прага». Все было очень

Несколько минут назад мы стали мужем и женой

красиво. Мы получили множество цветов и подарков. На второй день собрались более близкие друзья и родственники в квартире родителей.

А вот медового месяца у нас не было, потому что сразу после бракосочетания мой молодой муж свалился с воспалением легких. Простудился во время свадьбы, так как принципиально отказался надевать пальто — был на улице в одном костюме. А стоял февраль, и погода была холодная и сырая. Начался сильный кашель, температура подскочила под 40 градусов. Вызвали врача, который поставил неутешительный диагноз. Так что вместо медового месяца я выхаживала больного мужа, о чем, кстати, мы не очень сожалели. Ведь была молодость, любовь, и была своя однокомнатная кооперативная квартира в 9-м микрорайоне Теплого Стана. Эту квартиру купили мои родители, которые сразу решили, что мы должны жить отдельно. Получили мы эту квартиру задолго до свадьбы и срочно начали ее благоустраивать. Опять же с помощью родителей приобрели жилую стенку «Спутник» и раздвижной диван. А незадолго до этого мама купила для папиного кабинета немецкую мягкую мебель. Но два кресла из нее в кабинете никак не умещались. Они тоже переехали в нашу квартиру. Потом были приобретены телевизор, холодильник и мебель на кухню. В завершение всего мы повесили шторы из клетчатой немецкой ткани, и получилось вполне уютное гнездышко, в котором мы и начали свою семейную жизнь.

От нашего дома до Никитских ворот, где жили родители, было очень далеко. И навещали они

нас редко. Папа водил машину, но ездить на ней не очень любил, если была возможность — предпочитал ходить пешком, а зимой машина и вовсе стояла в гараже. Занятость в театре тоже была большая, так что чаще у родителей бывала я. Мой театр находится недалеко от их дома, и после репетиций или до спектакля я заскакивала к ним.

Роль жены и хозяйки приходилось осваивать самостоятельно. На свадьбу кто-то из гостей подарил нам скороварку. В один из первых дней семейной жизни я решила сварить в ней курицу. Купив птицу в универсаме, который находился недалеко от нашего дома, я тщательно ее вымыла, отрезала голову и ноги. Налила в скороварку воды, положила туда курицу, морковку, лук, посолила и закрыла, как этого требовала инструкция. Сварив все это, я накрыла на стол и позвала мужа обедать. Когда Юра проглотил первую ложку бульона, на его лице отобразилась неожиданная для меня гамма чувств. Я судорожно схватила ложку и попробовала суп. Есть его было нельзя — он оказался ужасно горьким. Я быстро накинула пальто, вылетела во двор к телефону и позвонила маме, искренне не понимая, что случилось с моей курицей. Оказалось, что я ее не выпотрошила и не вырезала желчный пузырь, который и сделал свое подлое дело. После этого случая я стала консультироваться по хозяйственным вопросам с мамой или бабушкой. Но телефона в квартире не было, а перед автоматом, который находился у соседнего подъезда, почти всегда стояла очередь, да и разговаривать разрешалось не больше 2—3 минут.

Вообще жизнь в доме была «веселой», так как в нем проживали в основном работники цирка и эстрады. Над нами в однокомнатной квартире обитал ударник, кажется, из ансамбля И. Кобзона, который почти каждый день начинал с репетиции. И хотя у него стояла «бесшумная» ударная установка, все равно каждый удар по ней отдавался в наших головах.

Время летело быстро. Я трудилась в Ермоловском театре, работы было довольно много, но все это были не те роли, о которых я мечтала. Муж выздоровел и вернулся к работе в Ногинском драматическом театре. Два с половиной часа он тратил на дорогу только в один конец. После спектакля приезжал домой в час-два часа ночи. Театр дал Юре комнату в общежитии, и он часто оставался там ночевать. Жизнь моих родителей тоже не изменилась. У папы — вечные съемки, концерты, озвучки, спектакли. У мамы только театр и, конечно, домашние дела. Но кроме творческой работы в театре у нее было много общественной нагрузки. Она состояла и членом партбюро, и месткома, и долгие годы работала уполномоченным от театра в Союзе театральных деятелей, который назывался раньше Всероссийским театральным обществом.

Весной мужа призвали в армию, но, к счастью, отец помог ему устроиться служить в ансамбль МВД ведущим концертных программ. Служба в ансамбле была нетрудной, иногда Юру отпускали на день-два домой. Первый раз за границу он выехал с ансамблем. Это была Болгария. А я к этому времени уже побывала за границей два раза. Сна-

Мой муж после принятия присяги

чала это тоже была Болгария, куда я ездила туристом с молодежной группой. Вторая поездка была во Францию, и тоже с молодежной делегацией, организованной ЦК ВЛКСМ (Центральный Комитет комсомола). В это группу мне с большим трудом помог устроиться папа. Но все это было в беззаботные студенческие времена.

Время, пока Юра служил в армии, пролетело для меня незаметно: работала в театре, снималась в кино. После службы муж снова вернулся в свой театр, и начались его изнурительные разъезды. В результате он ушел отсюда и навсегда расстался с актерской профессией. Я уже была беременна своей первой дочкой Машей, когда в мою жизнь ворвалось горе. В феврале 1979 года умерла от рака желудка любимая бабушка Мария Васильевна Каратаева. Та бабушка, с которой я жила до 15 лет на Саввинской набережной и которую считала второй мамой. Бабушка очень тяжело уходила из жизни, впрочем, как и все онкологические больные. После тяжелой операции, которая ничем ей не помогла, она лежала в больнице и с муками угасала. Я приезжала к ней и, чем могла, старалась облегчить ее страдания. А сама была уже на четвертом месяце беременности, и, конечно, все мои переживания могли сказаться на организме будущего ребенка. Но, к счастью, Маша родилась здоровой девочкой.

Родители говорили мне, что с ребенком не надо спешить. Их аргументы были таковы: надо пожить «для себя», пока молодые. Да и в театре следует утвердиться, ведь я — начинающая актриса. Но все получилось как-то само собой. Маша

появилась на свет и стала всеобщей любимицей. Папа обожал внучку. Забавно, что с самого начала он внушил ей, что его надо называть не дедушкой, а Толей. С тех пор и повелось — вспоминая о моем отце, обе девочки называют его по имени. Мама иногда возмущалась: «Ну почему я для них бабушка, а ты — Толя?» Но он, посмеиваясь, отвечал: «Ничего, ничего. Пусть я для них буду Толя».

Он стал чаще приезжать к нам и с удовольствием занимался с Машей. Играл с ней, читал детские книжки, рассказывал сказки и стихи. Старался помочь нашей семье материально — почему-то скрывая от мамы, потихоньку давал мне деньги. Я отказывалась. Но он настаивал на своем и всегда предупреждал: «Только маме не рассказывай!» Я думаю, они решили приучать нашу молодую семью к самостоятельности и договорились поменьше нас баловать. Поэтому он и опасался, что о деньгах узнает мама.

Бабушка с дедушкой часто брали внучку к себе на улицу Алексея Толстого. Там у нее было много игрушек и книжек, отец любил ходить с Машей гулять. Он усаживал ее в своем кабинете, включал магнитофон, нажимал кнопку «запись» и читал девочке наизусть Пушкина. У меня сохранилась кассета, на которой папа читает маленькой Маше «Евгения Онегина». Маша, которой нет еще и трех лет, поминутно отвлекается, потому что ей неинтересно, и каждый раз папа призывает ее слушать внимательно.

Помню такой случай. Когда папа купил себе новую «Волгу», он отдал нам свои «Жигули» пятой модели в очень хорошем состоянии. Надо заме-

тить, что он вообще умел беречь свои вещи и особенно машины, наверное, потому, что все это было заработано родителями большим трудом. Конечно, мы приняли этот подарок с благодарностью. Хотя у меня были права, но желания водить машину не было, и потому за руль садился Юра. Однажды мы приехали к родителям в гости на этой машине. Отец начал интересоваться, как машина работает, и сам сел попробовать. Тогда маленькая Маша посмотрела подозрительно и спросила: «А папа разрешает Толе на машине ездить?»

В это время мы уже жили с моим дедушкой на Петрозаводской улице, недалеко от метро «Речной вокзал». Так получилось, что после смерти бабушки дед остался один в однокомнатной квартире. Он был уже старенький, и, конечно, за ним требовался уход. Поэтому мы съехались, обменяв две однокомнатные квартиры на трехкомнатную. Не только мои родители не баловали нас материально, но и мы с мужем старались не быть на их иждивении и жить самостоятельно. Проработав после армии в Ногинском театре и даже сыграв там несколько главных ролей, Юра, как я уже упоминала, все-таки решил навсегда расстаться с профессией. Надоели изнурительные разъезды, и зарплата актера была маленькой даже тогда. А надо было кормить семью. Через пять лет родилась вторая дочка — Надя. Муж учился в это время в аспирантуре ГИТИСа и одновременно был секретарем комсомольской организации института. За эту работу он получал деньги, но очень небольшие. Конечно, стипендии аспиранта и мизерной зарплаты секретаря нам не хватало. Недалеко от

нашего дома находился магазин — булочная. Она занимала часть первого этажа жилого дома. Однажды, зайдя за хлебом, муж увидел объявление, которое гласило, что на работу в булочную требуются грузчики. В их обязанности входило разгрузить машину с хлебом, а потом по сортам разложить товар на полки. Юра пошел подрабатывать. На зарплату рабочего человека жить стало легче.

Мои родители об этом не знали, да ни за что бы они и не позволили. Но мы скрывали это, потому что очень хотели жить самостоятельно. Однажды мама, которая приезжала помогать мне с детьми, обнаружила, что в доме нет хлеба. Взяв сумку, она отправилась в ближайшую булочную — ту самую, в которой работал Юра. На беду, он оказался на рабочем месте, в торговом зале, в специальном халате (все, как положено!) и раскладывал хлеб по полкам. Увидев зятя за этим занятием, мама остолбенела. Юра тоже заметил тещу, но они сделали вид, что не узнали друг друга. Мама купила хлеб и поспешно покинула булочную. Когда я пришла домой, мать устроила мне головомойку за то, что я не обратилась к ним за помощью.

Вторая дочка, Надя, сама стала называть дедушку Толей, что ему очень нравилось. Папа обожал обеих девочек, очень переживал, что из-за плотного графика работы не может бывать с ними больше. И куда исчезала его любовь к одиночеству, когда рядом были внуки! Сейчас младшая Надя плохо помнит деда — ведь ей было немногим больше двух лет, когда его не стало. А вот старшая Маша с ним очень дружила. Мы с мужем

тоже старались уделять детям побольше внимания. Когда они были маленькие, я отказывалась от съемок и поездок. Помню, что наш театр должен был отправиться на гастроли в ГДР. Мне позвонили с работы и спросили, могу ли я ехать. В это время я как раз сидела в послеродовом отпуске со старшей Машей. Мне очень хотелось за границу, но на руках была новорожденная дочка, которую я кормила грудью. И если бы я согласилась на поездку, то с грудным вскармливанием надо было бы заканчивать, и я отказалась. Сейчас я немного завидую тем молодым актрисам, которые через месяц после родов, а то и раньше возвращаются на работу. И все у них получается с элегантною легкостью — и детей растить, и работать в полную силу.

Недавно я снималась с одной молодой, но уже довольно известной актрисой. У нее недавно родился ребенок, которого она еще кормила грудью. Так шофер съемочной группы отвозил малышу грудное молоко, которое эта актриса умудрялась сцеживать в перерывах между съемками. Молодец актриса! Наверное, сейчас бы я поступила так же. А тогда, в советские времена, ритм жизни был совершенно иной, казалось, что все успеешь, спешить некуда. Сейчас я понимаю, что это неправильно. Время для актрисы — на вес золота. И если ты востребована сегодня, то надо это использовать, завтра все уже может поменяться, да и ты сама изменишься. И может получиться так, что вскоре ты уже никому не будешь нужна, если в определенный момент не завоюешь свое место под солнцем. Я это поняла на собственном

опыте. Сидя дома с детьми, я очень часто отказывалась от работы и, считаю, из-за этого много упустила в профессии. Но мои родители, оба отличные актеры, не только мне этого не подсказали, но даже приветствовали то, что я делаю.

Как-то отец ехал в такси по улице Горького и увидел, что на тротуаре стоит Эдда Юрьевна Урусова, старейшая актриса Ермоловского театра. Она, видимо, куда-то опаздывала и тщетно пыталась поймать машину. Эдда Юрьевна была из дворянского рода и являлась прямым потомком князей Урусовых. Шел дождь, папа попросил таксиста остановиться и предложил актрисе сесть в машину. Ехали и говорили о театре. Я в то время со второй дочерью сидела дома. Когда разговор коснулся меня, Урусова сказала: «Ну что Лена, она только детей рожает и в театре не бывает». Когда папа передал мне этот разговор, эта фраза меня больно ранила. Но в душе я понимала, что моя коллега по театру была права.

Когда я вернулась на работу после родового отпуска, меня ждали большие перемены. Наш главный режиссер Владимир Андреев ушел работать в Малый театр. На смену ему пришел Валерий Фокин, который до этого был очередным в «Современнике». Для театра им. Ермоловой начались новые времена. К нам пришла целая плеяда молодых, талантливых и уже довольно популярных артистов: Олег Меньшиков, Александр Балухев, Виктор Проскурин, Алексей Левинский, Елена Яковлева, Татьяна Догилева. Из старшего поколения в труппу вошли Лев Борисов, Александр Пашутин и несравненный, замечательный Зиновий

Гердт. В афише театра появились новые работы, на которые стала валом валить публика. И первой из них был спектакль «Говори!» по мотивам «Деревенских очерков» В. Овечкина. Эта постановка оказалась очень актуальной в перестроечную эпоху. В ней была занята большая часть труппы. Но я не попала в эту работу, потому что еще сидела дома с младшей девочкой. Мои родители видели этот спектакль и оценили его очень высоко. Я вернулась в начале сезона 1986 года, но новых работ для меня не было — доигрывала роли в старом репертуаре, который Фокин постепенно сокращал. Но через несколько лет его энергия стала гаснуть. В глазах исчез блеск, у него появились интересы, далекие от Ермоловского театра, и вскоре он его покинул. В театре возник кризис. Еще при Фокине ермоловцы разделились на две труппы из-за всяких скандалов и дрязг. С уходом Фокина атмосфера разложения достигла пика. И тут на помощь опять пришел Андреев, который возглавил сначала одну часть расколовшегося коллектива. А со временем к этой труппе присоединилась и другая. Для восстановления погибающего театра Владимиру Алексеевичу пришлось потратить немало времени и душевных сил. Ему надо отдать должное. Я думаю, если бы не чуткое, умное, дипломатичное его руководство, то быть бы сейчас на месте Московского Ордена Трудового Красного знамени драматического театра им. М.И. Ермоловой какой-нибудь коммерческой структуре.

Я — патриот своего театра, который основал знаменитый артист МХТ Н.В. Хмелев. Театра с

многолетними традициями. Театра, где играли прекрасные актеры Якут, Соловьев, Галлис, Кириллова. Где работал выдающийся русский режиссер Андрей Михайлович Лобанов. Мой отец считал Хмелева своим учителем, хотя никогда у него не учился. Но в юности бегал во МХАТ на все спектакли с его участием. И всю жизнь папа исповедовал систему Станиславского. Никаких других систем и учений он не признавал.

Что касается моей семейной жизни, то все у нас складывалось хорошо, хотя, конечно, как во всякой семье, случались и разлады, и ссоры, а потом примирения. Но я старалась не накапливать в себе негативные эмоции и очень часто первая заключала мир. В это время мы уже жили на улице Красная Пресня в центре Москвы. С квартирой очень помог папа. Дедушка, с которым мы тогда жили, считался заслуженным человеком, много сделал для Советской власти. Поэтому, когда мы узнали, что на Красный Пресне строится дом для ветеранов партии, то постарались получить в нем квартиру. Но претендентов на это элитное по тем временам жилье было очень много. Поэтому папе пришлось идти в Моссовет и просить за нас, хотя дедушка на квартиру имел полное право. Отец не любил просить за близких. Переехали мы в новую квартиру в 1985 году, а в 1986-м Маше нужно было уже идти в первый класс. Выяснилось, что около нас есть только одна школа с углубленным изучением английского языка. Но попасть в нее даже тем детям, которые жили рядом, невозможно. Опять пришлось просить папу. Он сходил на прием к директору, и, конечно, Ти-

това Маша была с радостью принята в первый класс. Я уже писала, что своим близким папа не мог отказать в помощи, но делал это с большим напряжением, как будто чувствовал какое-то неудобство. Другое дело — для посторонних. Здесь никаких внутренних препятствий не было. Так уж папа был воспитан своими родителями, и я никогда на это не обижалась.

Осенью Маша пошла в школу, а Надя стала ходить в ясли, которые находились недалеко от дома моих родителей. Потому мама часто забирала Надюшу и приводила ее к себе, и «Толя», придя домой, радовался, что может немного побыть с маленькой внучкой. Однажды осенью, отведя Машу в школу, я пришла домой и стала заниматься разными хозяйственными делами. День стоял теплый и солнечный, у меня был выходной, настроение было хорошее и ничто не предвещало беды. Дедушка, который с нами жил, занимал в квартире отдельную комнату. К этому времени он еще не выходил, и, делая домашнюю работу, я слышала его равномерный храп. «Еще спит», — подумала я. У первоклассников занятия заканчиваются быстро. Для меня несколько часов пролетели незаметно, и я поспешила за дочкой в школу. Вернувшись с Машей домой, заглянула в комнату к дедушке и увидела, что с ним плохо. Он лежал на кровати и хрипел, а на мои вопросы отвечал несвязно. Я вызвала скорую помощь, дедушку отвезли в больницу, и вскоре он там умер. Причиной оказался тромб в легких.

В это время мама с отцом отдыхали в Ялте. Я созвонилась с ними, они срочно выехали в Мо-

Маша и Надя

скую, но, к сожалению, уже не застали деда в живых.

Мы все тяжело переживали эту утрату, особенно, конечно, мама. Надо сказать, что папа тоже очень любил своего тестя. Ведь мамины родители очень помогли им в начале совместной жизни, вырастили им дочь, да и вообще были всегда рядом, всегда поддерживали. Папа прекрасно относился и к своей теще. Был благодарен ей за то, что в трудные минуты семейных взаимоотношений она никогда не настраивала маму против него, а, наоборот, всегда старалась их примирить. А с дедушкой моя семья прожила семь лет. И хотя к старости его характер изменился и стал не из легких, мы его очень любили. Да и он любил нас с Юрой и девчонок. Правнучки с удовольствием заходили к нему в комнату. На столе было много интересного для них — карандаши, ручки, блокноты, вырезанные из дерева фигурки животных и людей. Есть в его коллекции статуэтки, изображающие Маяковского, Есенина, Некрасова, Горького. Несколько статуэток запечатлели папу в роли Серпилина, одна посвящена его матери Анне Федоровне. Иногда на даче, гуляя по лесу, он подбирал разные корни, веточки. Внимательный глаз художника подсказывал ему, что из них можно сделать. Так появлялись лошадки, обезьянки, змея. Все эти фигурки стояли у него на столе и на книжных полках.

Папа всегда над этим увлечением тестя добродушно посмеивался. Когда отец бывал у нас, дедушка зазывал его к себе, усаживал на диван и читал свои новые стихи. Стихи были немного наив-

ными, но честными и искренними. Конечно, папа понимал, что они далеко не совершенны, но никогда не показывал этого. Дедушка Юрий Васильевич Каратаев был последним нашим стариком, ушедшим из жизни. Наша семья как будто осиротела. Шел 1986-й, и кто знал, что меньше чем через год на нее обрушится еще одно испытание...

Время летело стремительно. Взрослые работали, Маша окончила первый класс, Надюша ходила в ясли. Летом мы уехали на дачу. Я была в отпуске, а муж каждый день после работы приезжал к нам. Театр сатиры уехал на гастроли в Вильнюс и Ригу. Папа совмещал гастроли со съемками в фильме режиссера А. Прошкина «Холодное лето 1953 года».

Вспоминает народная артистка России, актриса Театра сатиры, Нина Николаевна Архипова: «Папанов выглядел на гастролях в Риге очень измотанным и уставшим. Спрашиваю его:

— Толя, почему ты так себя загоняешь? Зачем тебе это надо?

— Нина, ведь меня начали забывать, я уже не снимался несколько лет».

Конечно, как всякий артист, он хотел быть узнаваем. Хотя популярность иногда тяготила его. Сколько раз мама пыталась уговорить его немного разгрузить свой рабочий график, но все было тщетно. Репетиции, концерты, съемки, озвучания, институт.

Но хочу немного остановиться на тех съемках и на самом фильме «Холодное лето 1953 года». Режиссер фильма, Александр Прошкин, вспо-

минал, что первый съемочный день был сорван. Несмотря на то что деревня, в которой снимали, была с трех сторон изолирована водой и вроде ничто не могло помешать работе, но куда бы ни направлял оператор камеру, везде появлялись моторные лодки: с бабушками, дедушками и детьми. Моторки со стариками и детьми стекались со всей округи, люди приезжали посмотреть на живого Волка из мультфильма «Ну, погоди!» Детишки держали в руках тетрадки, листочки, чтобы любимец-волк поставил на них автограф. Хотя администрация группы и пыталась вести борьбу с этим нашествием, но пришлось сдаться и прервать съемки. Папанов каждому ребенку уделил внимание и написал доброе слово. После этого съемки продолжились. Папа в этом фильме играет ссыльного в сталинские лагеря Старобогатова Николая Павловича, в прошлом «главного инженера большого завода» — так он потом представился своему товарищу по ссылке Сергею Басаргину (Валерий Приемыхов).

Поначалу кажется, что жестокая несправедливость прижала этих людей к земле, лишила чувства собственного достоинства. Но вот приходит час беспощадной схватки с бандой уголовников, которых в 1953 году Берия выпустил из тюрьмы по амнистии. Как распрямятся эти люди! Как встанет навстречу уголовникам Николай Старобогатов, встанет во весь рост, по старому русскому обычаю, когда шли на бой с врагом! С каким мужеством, изобретательностью, военным мастерством действует Басаргин! Горько, но и радостно ви-

деть этих благородных людей, обретающих себя вновь.

В одной рецензии на фильм было написано: «Эту последнюю предсмертную роль Анатолия Папанова можно, наверное, поставить вровень только с Серпилиным из «Живых и мертвых» — по мастерству перевоплощения, по суровому трагизму того, что остается за кадром, но живет в интонациях, в глазах, в пластике актера».

В 1989 году группа создателей фильма «Холодное лето 1953 года» получила Государственную премию СССР. В числе лауреатов премии был назван и Анатолий Папанов. (Посмертно за исполнение роли Старобогатова.)

Съемки картины проходили в Карелии, и папе приходилось все время ездить туда из Вильнюса. В одну из поездок он заехал в Москву. Какие-то проблемы, по-моему, с общежитием, были у его студентов, и их нужно было уладить. Вечером отец пришел домой. В Москве была жара. Около дома он встретил одного из жильцов, который сообщил, что в доме отключена горячая вода, на что папа сказал: «Ну что же! Придется мыться холодной». В ванной случился сердечный приступ, который закончился трагедией. Еще через день в Риге должен был состояться спектакль «Вишневый сад». Папанова нет. Паника. Звонят домой. Никто не отвечает. Я в отпуске на даче, муж на работе, приезжает на дачу только вечером. Тогда актриса Нина Николаевна Архипова звонит к себе домой, ее зять едет к нам на дачу. Ночь. Муж берет у меня ключи от квартиры родителей, срывается в Москву, но попасть в квартиру не может,

так как дверь закрыта изнутри на задвижку. Тогда Юра с балкона соседней перелезает на наш балкон. Это тринадцатый этаж. Разбивает окно, залезает в квартиру и обнаруживает труп отца в ванной комнате. Звонит в Ригу — в это время театр переехал на гастроли в Ригу — и сообщает маме о трагедии. С мамой истерика. Она рассказывает мне, что после известия о смерти она не помнит, что с ней было. Актеры, которые присутствовали у нее в номере, свидетельствовали, что она в полном смысле слова билась головой о стену комнаты, причитая: «Этого не может быть!»

Юра приехал на дачу и сообщил о смерти отца. Я поднялась наверх в комнату папы, бросилась на его кровать и прорыдала несколько часов кряду. На следующий день мы взяли детей и приехали в Москву. Срочно из Риги прилетела мама. В основном деле по организации похорон легли на плечи мужа. Театр оставался в Риге, и большой помощи от него не поступило. В здании шел ремонт, и даже гроб смогли поставить только в фойе. В день похорон, когда мы привезли вещи для отца, нам разрешили на него посмотреть. И когда мы его увидели, решили хоронить в закрытом гробу, потому что узнать его было невозможно.

В это время уже вся труппа находилась на гастролях в Вильнюсе, Плучек не отпустил артистов в Москву на прощание с Папановым. Сослался на то, что недопустимо срывать гастрольный график. Приехали только несколько человек, среди которых были Аросева, Ткачук, Архипова... Сам Плучек не приехал. Это оставило неприятный след в душе мамы, и до последних дней жизни Валенти-

на Николаевича она не могла ему этого простить. Вряд ли причиной того, что Плучек не явился на похороны, были старые обиды. Скорее всего, на него повлияла жена Зинаида Павловна, которая тряслась за его здоровье и оберегала его от малейших нервных нагрузок.

Огромная очередь стояла от Пушкинской площади до театра, чтобы проститься с любимым артистом. Люди подходили, клали на гроб цветы, говорили нам слова утешенья. Говорят, что приехать проститься с отцом хотело гораздо больше актеров, но руководство театра не пожелало отменять спектакли, поэтому многие не смогли. Далее — Новодевичье кладбище. Небольшой траурный митинг. Прощание. Ресторан ВТО на улице Горького. Поминки.

Уже потом, после похорон, выяснилось, что на съемках папе заплатили большую сумму денег, которую он привез домой. Но ее в квартире не оказалось. Видимо, как всегда, он положил их маме на туалетный столик под хрустальную вазочку. И, наверное, кто-то из санитаров или врачей «скорой» воспользовался состоянием паники, которая была в доме, и прикарманил деньги.

После смерти папы мама была потеряна. Конечно, все мы очень переживали эту трагедию — и я, и мой муж, на долю которого выпало такое испытание. Девочки были еще маленькие и мало что понимали, однако старшая Маша очень плакала, когда узнала, что Толя умер. Но нам с мужем было легче, потому что у нас были маленькие дети, и никакой депрессии нельзя было поддаваться. А вот мама осталась одна в трехкомнатной

квартире, и ее состояние было ужасным. До сентября оставалось несколько недель, и я забрала ее на дачу. Там она постепенно стала выходить из состояния депрессии, но когда вернулась в Москву, все возобновилось. Сначала она захотела жить у нас — ей казалось, что вместе будет легче. Но через несколько дней совместного проживания она сказала мне: «Ты знаешь, я много думала и поняла, что мне нужно научиться жить самостоятельно. У вас своя семья, и я вам буду мешать. Я не могу бросить квартиру, где мы с Толей прожили столько лет. А чтобы помогать вам, я буду приезжать. Ведь мы живем недалеко друг от друга». Я представляю, как было ей тяжело в первое время возвращаться в пустую квартиру, где каждая вещь напоминала о муже. Но мама сильный человек, и она с этим справилась.

Начался сезон в Театре сатиры. Она стала работать. Плучек предложил маме поработать в спектакле «Гнездо глухаря», где они играли с папой, теперь с другим актером. Она сказала: «Вводите кого хотите, но я играть его с другим не буду». Конечно, спектакль сняли с репертуара. А вот спектакль «Родненькие мои» по пьесе Андрея Смирнова, где они тоже играли вместе, остался. На папину роль ввели другого актера, Виктора Байкова. Маме было очень тяжело на репетициях. Иногда слезы застилали ей глаза и она не могла играть дальше. Плучек кричал во время репетиции: «Где Каратаева? Почему ее сейчас нет на сцене?» А мама стояла за кулисами и плакала. И не было сил репетировать дальше.

Мама стала постепенно приходить в себя. Ко-

нечно, скоро встал вопрос о памятнике на Новодевичьем кладбище. Сначала мы обратились к прекрасному ленинградскому скульптору Аникушину. Он сделал эскиз памятника, который нам очень понравился. Но дальше эскиза дело не пошло. Аникушин был очень знаменит, и конечно, очень занят. Шли месяцы, а работа не двигалась. Тогда пришлось поменять мастера. Над памятником начали работать скульптор Народицкий и архитектор Воскресенский. Для работы он взял у нас множество фотографий папы, сделал несколько эскизов, из которых мы выбрали тот, который нам больше всего понравился. Периодически приглашал нас к себе в мастерскую и показывал нам то, что уже сделал. Работа шла довольно быстро, и 27 октября 1992 года памятник Папанову на Новодевичьем кладбище был открыт. Все деньги, которые были накоплены родителями за совместную жизнь, ушли на оплату этого памятника. Как я уже писала, ни театр, ни СТД не помогли нам даже копеечкой. Небольшую денежную помощь оказал Финист-банк, так как один из его учредителей, господин Копьев, жил с родителями в одном доме. Как-то, встретив маму в лифте, он предложил ей помощь.

Мама продолжала работать в театре. Конечно, глубоко в душе у нее была обида на Плучека за то, что он не отпустил артистов из Риги на похороны отца, да и сам не приехал. Ей казалось, что Плучек довольно легко отнесся к уходу из жизни таких артистов, как Папанов и Миронов, и не очень чтит их память. Память о тех людях, которые так много сделали для театра, были ведущими акте-

рами и составляли честь и славу коллектива. Мария Владимировна Миронова вообще обиделась на Плучека и театр и прекратила всякое общение. Прошел год со смерти отца, и эта дата в театре не была отмечена. Обида мамы увеличилась. И вдруг однажды, когда она пришла в театр, ей передали письмо от Валентина Николаевича Плучека:

Дорогая Надежда Юрьевна!

На сборе труппы я понял, как Вас глубоко обидело, что в день годовщины Вы не получили от меня письма.

Милая Наденька! По сегодняшний день, заверяю тебя, не проходит невероятная боль при одной мысли о Толе. Поверь мне, что зачастую настоящее чувство соболезнования и соучастия выражается не слезами и не телеграммами. Лежа в больнице, я был в этот день вместе с коллективом и с тобой. Поверь в мое искреннее расположение к тебе, как к актрисе и человеку.

В.Н. Плучек.

Мама научилась жить самостоятельно, хотя и было невероятно трудно не чувствовать поддержки любимого мужа, ведь они прожили вместе 43 года. Она всегда неплохо вязала на спицах, а тут увлеклась вязанием на машине. Купила вязальную машину Veritas, устроилась на специальные курсы и стала обвязывать внучек. Тогда в магазинах ничего не было, и эти красивые детские вещи, связанные бабушкой, приходились нам как нельзя кстати.

...и после

У нас в театре тем временем грянули новые перемены. В назначенный день перед лицом художественного совета должны были предстать все актеры. По алфавиту каждого вызывали в кабинет, где члены худсовета в присутствии человека обсуждали его работы и творческий потенциал. После этой жуткой экзекуции за порогом остались многие артисты. В основном, конечно, пенсионного возраста, но были и молодые. И с этого момента начался раскол на две группы. Те артисты, которые были не согласны с этой «чисткой», организовали свой коллектив. Театр им. Ермоловой разделился. Одна часть стала называться Международным театральным центром им. Ермоловой, которым по-прежнему руководил Валерий Фокин. Другая — театром им. Ермоловой, который возглавил Владимир Андреев, покинувший к тому времени Малый театр.

Так получилось, что я осталась в труппе Фокина. Там было интересно. Из Театра сатиры пришел актер Алексей Левинский, у которого уже было несколько постановок в его бывшем коллективе, и

он руководил театральной студией. Его отец, Александр Петрович Левинский, учился с моими родителями в ГИТИСе и даже одно время был директором Театра сатиры. В этом театре Алексей сыграл главную роль в спектакле «Затюканный апостол», чем прославился на всю Москву. Я была еще школьницей, когда смотрела эту работу, и Алексей сразу стал для меня кумиром. Я подошла к нему после спектакля, и он подписал мне свою фотографию. Думала ли я тогда, что мы встретимся с ним в театре, и я буду занята в его работах!

Первой постановкой Левинского в театральном центре им. Ермоловой была комедия А.Н. Островского «За чем пойдешь, то и найдешь», где я получила роль Матрены. Далее последовала Гавриловна из «Воспитанницы», тоже Островского, Невеста из «Мещанской свадьбы» Б. Брехта. Мне было интересно работать с Алексеем Левинским, и поэтому, когда он пригласил меня к себе в студию, я с радостью согласилась. Коллектив был экспериментальный, и наряду с профессионалами там работали любители. Одной из моих работ в студии была роль Кормилицы в пьесе нашумевшего Владимира Сорокина «Дисморфомания». И все мои роли в студии были так непохожи на то, что я делала в театре! Здесь все работали бесплатно, но увлеченно.

А на меня надвигалась еще одна беда — тяжело заболел муж. Началось все с банальной температуры и кашля. Кашель не прекращался, хотя Юра лечился под наблюдением врача. Потом температура стала подниматься свечками до 39—40 градусов. Врачи поставили диагноз — воспаление легких. Стали усиленно лечить, но температура

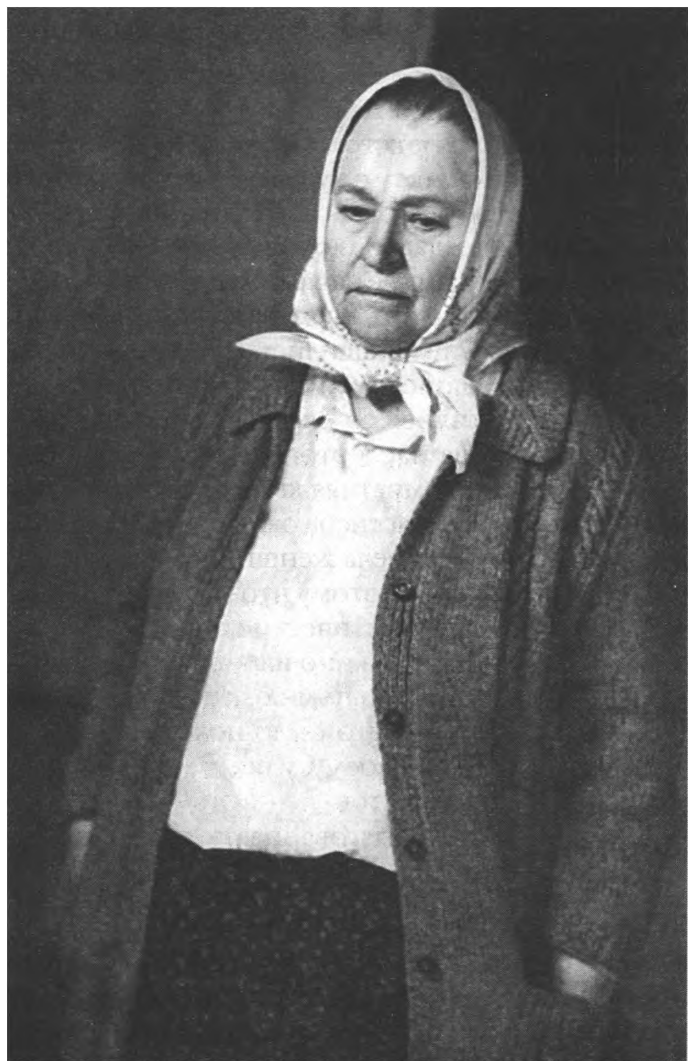
не опускалась. Юру положили в больницу, но там тоже не помогли. Наконец, с помощью моей близкой подруги, врача-кардиолога Ольги Костылевой, муж оказался в кардиологическом отделении Клиники Госпитальной терапии ММА им. И.М. Сеченова у профессора В. Недоступа, кстати, супруга нашей актрисы Ольги Георгиевны Фомичевой. Профессор Недоступ поставил правильный диагноз — бактериальный эндокардит. Было начато лечение, которое привело к положительным результатам. В клинике муж пролежал в общей сложности около трех месяцев. Ставился вопрос об операции на сердце, но, слава богу, все обошлось без хирургического вмешательства.

Мы с девочками часто навещали Юру, но нам было тяжело не только морально, но и материально. Не скрою, в основном наш бюджет держался на его заработках, ведь известно, что зарплата актеров в театре невелика. А подработок тогда у меня не было. И я подумала, что надо продать какую-нибудь ценную вещь. Выбор пал на настоящие фирменные охотничьи лыжи, подаренные когда-то мужу, хотя он и не был охотником. Я нашла фотохудожника, работавшего в Зоологическом музее, и он с удовольствием за хорошие деньги купил у меня лыжи. Экономила буквально на всем, стараясь как-то продержаться, но детям вида не подавала, что нам тяжело. Мама тоже не знала о наших материальных проблемах, т. к. я не хотела ей об этом рассказывать. Когда Юру выписали, жизнь семьи постепенно нормализовалась. Муж снова начал работать.

А мама продолжала работать в театре, но ролей стало намного меньше, так как некоторые

спектакли, где она играла, сняли с репертуара. Это часто так бывает — когда на афише появляются новые названия, старые спектакли снимают. Мама решила пойти к Плучеку и поговорить с ним о работе. Тот внимательно выслушал просьбу, сказал, что ценит маму как актрису, пообещал занять в новом спектакле, но обещание это так и не выполнил. Это тоже бывает — режиссеры иногда забывают о своих обещаниях. Но, к счастью, кроме театра у мамы была еще и другая жизнь. У нее была я, были внучки, и она помогала мне растить детей. Постепенно она свыклась со статусом вдовы, свято оберегая память отца.

Однажды в квартире мамы раздался звонок. Звонил заслуженный деятель искусств Александр Михайлович Кравцов. Мама знала его и раньше, т. к. он снимался вместе с отцом в фильме «Живые и мертвые» и был знаком с нашей семьей. Александр Михайлович является руководителем театра «Мир искусств», театр существует и сейчас, и дай Бог здоровья Александру Михайловичу на этом непростом поприще. Так вот, Кравцов предложил маме сыграть главную роль в спектакле «Материнское сердце» по рассказам В. Шукшина. Мама, конечно, с радостью согласилась, потому что работы в Театре сатиры было мало. Она как-то очень естественно влилась в этот небольшой коллектив. Дальше последовала роль Елизаветы Алексеевны Устиновой, жены друга Есенина в пьесе о поэте «Последняя осень». А несколько лет назад в этом театре мама сыграла комедийно-гротесковую роль Эры Потаповны в комедии «Грешным делом». Спасибо этому небольшому коллективу и А.М. Кравцову за то, что они очень вовремя поддержали ма-

*Спектакль театра «Мир искусства»
«Материнское сердце» по рассказам В. Шукшина.
Мама в главной роли*

му и какое-то время являлись для нее творческой отдушиной.

Однажды ей позвонила женщина, которая представилась Светланой Давидюк. Она сказала, что у нее есть знакомая, экстрасенс — медиум, которая как бы разговаривает с душами умерших людей. Совсем недавно она общалась с душой актера Папанова, и он передал, что очень хочет поговорить со своими родными. Сначала мы не знали, как к этому отнестись, ехать на этот сеанс спиритизма или нет. Но все-таки решились. Перевесило желание отца пообщаться с близкими. В назначенный день мы встретились со Светланой Давидюк, которая и привезла нас к этой женщине. Обычная московская трехкомнатная квартира где-то на окраине города. Экстрасенсов оказалось двое — муж и жена. Сеанс связи вела женщина. Я специально пишу «сеанс связи», потому что это было совсем не похоже на те спиритические сеансы, которые мы привыкли видеть в кино или читать про них в книгах. Сейчас я плохо помню, как она вызывала душу моего отца, но это было похоже на общение с космосом. По-моему, у нее в руках даже не было никаких предметов.

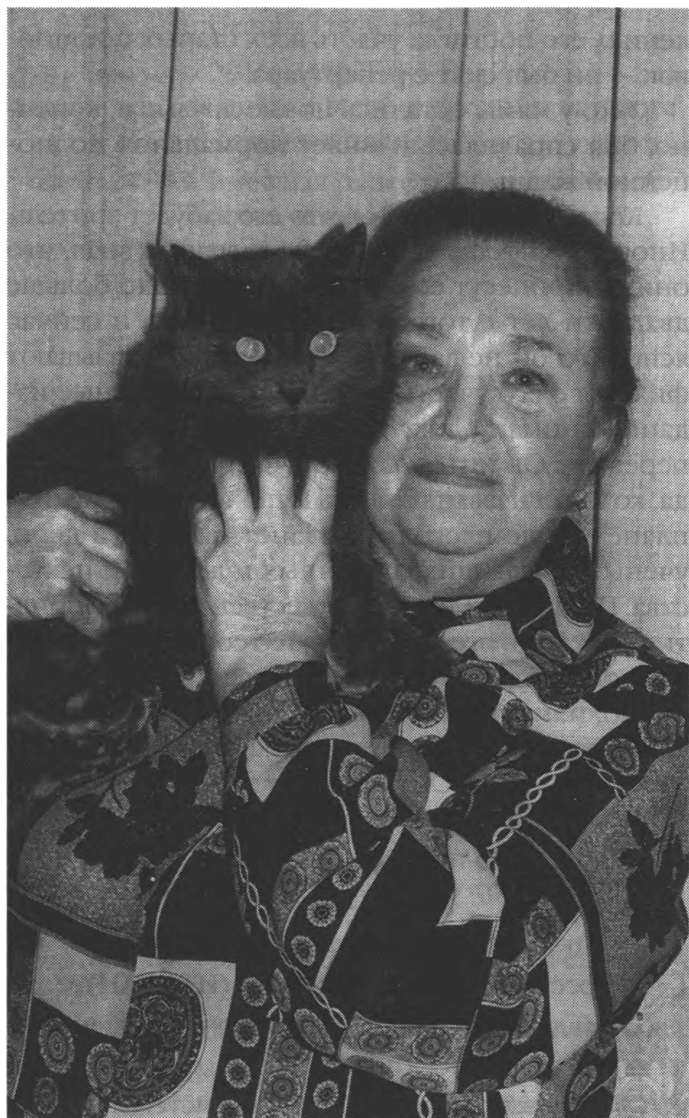
Когда мы стали разговаривать, женщина выполняла роль переводчика. Мы рассказывали о том, как живем и что делаем. Дословно повторить все слова я уже не могу, но нам было сказано, что сейчас ему очень тяжело, как будто на него давит какой-то груз. Сеанс закончился. Денег с нас не взяли. Мы вышли на улицу. До сих пор я не верю в подлинность разговора, не верит и мама. Но после этого сеанса я несколько месяцев была в ужасном состоянии, чувствовала себя, как говорится,

*Не проходит и дня,
чтобы мама не вспоминала об отце*

«не в своей тарелке». Потом мне объяснили, что такое состояние может быть, потому что мы вторглись в неизвестные и запретные для нас сферы. Потом все прошло. Но самое интересное, что Светлана Давидюк, которая была инициатором этой встречи, оказалась верующей женщиной. После этой встречи мама стала перезваниваться с ней, а потом они подружились. Светлана часто бывала у мамы в гостях. Так же, как и мама, Светлана была участницей Великой Отечественной войны, служила разведчицей и даже написала об этом книгу. Под конец жизни, лишившись московской квартиры, она жила при монастыре.

Как я уже говорила, после смерти папы мама не была избалована новыми ролями, но вдруг ей подвернулась удача. Актриса Театра сатиры Наталья Фекленко решила попробовать себя в качестве режиссера. Она выбрала пьесу Робера Тома «Восемь любящих женщин». Замечу, что пьесу поставили в театре задолго до выхода на экран французского фильма. Маме была предложена роль служанки. Не надо объяснять, как она обрадовалась этой работе. Актрисы, которые были заняты в спектакле, работали очень дружно и с большим энтузиазмом. Результаты показали Плучеку. Он, конечно, сделал много замечаний, но в целом одобрил. Так на афише появилось новое название — «Восемь любящих женщин». Для мамы этот спектакль на долгие годы стал отдушиной и в театре, и в жизни. Не говоря уж о том, что эта легкая детективная комедия принималась публикой очень благожелательно. Актрисы, играющие в спектакле, сдружились — вместе отмечали праздники, дни рождения. Спектакль шел много лет, но, к сожа-

С любимым котом Маркизом

лению, его постигла участь всех старых постановок — он был снят с репертуара.

Зато у мамы остались новые друзья, и, конечно, она справилась и живет нормальной полноценной жизнью.

Когда-то отец боялся, что его забудет зритель. Иногда снимался в картинах, заведомо зная, что они не принесут ему успеха. Но прошло больше двадцати лет с того трагического дня, и сейчас ясно, что он не забыт. Очень часто показывают фильмы с его участием, о нем пишут разные издания, снимают документальные фильмы и телепередачи. Он интересен зрителям. Открыта звезда, которая названа в честь Папанова. Кроме этой планеты еще несколько планет назвали в честь ученых, выдающихся военных и деятелей искусства. Происходило это торжественное мероприятие в Петербурге, в Институте теоретической астрономии при Российской академии наук. Конечно, мама была приглашена, и там ей вручили свидетельство, которое гласит:

Официальное свидетельство

о присвоении имени

малой планете

Институт теоретической астрономии

Российской Академии наук (ИТА РАН),

возглавляющий в России работы по изучению

и каталогизации

малых планет Солнечной системы,

от имени Международного Астрономического

Союза (МАС)

настоящим свидетельствует,
что малая планета,
зарегистрированная в Международном каталоге
малых планет
под п.2480 и имевшая ранее предварительное
обозначение 1967YS1,
получила имя
Рапанов
в честь
Анатолия Дмитриевича Папанова.

Санкт-Петербург.
27 апреля 1995 год. Директор ИТА (РАН)
А.Г. Сокольский

Вообще, мама очень много делает, чтобы память о Папанове осталась в сердцах людей. Она была инициатором создания книги «Четыре музы Анатолия Папанова», составителем которой был заслуженный деятель искусств А.М. Кравцов. Практически не отказывается ни от одной просьбы журналистов поделиться воспоминаниями об отце, а этих просьб достаточно много. Она сотрудничает с Бахрушинским музеем и отдала им много материалов о Папанове, фотографии его и награды.

Я уже писала, что есть раздел, посвященный Папанову в краеведческом музее города Вязьмы, где он родился. Есть фигура Папанова даже в Музее восковых фигур. А два года назад судоходная компания «Вояж» Ростовского речного пароход-

ства предложила назвать теплоход в честь Анатолия Папанова. И в августе 2005 года к причалу Московского речного порта подошел теплоход «Анатолий Папанов». Теплоход 1960 года выпуска после реконструкции стал как новенький и получил имя в честь отца. Гордый за свое судно, экипаж решил, что в числе его первых пассажиров обязательно должна быть наша семья. Для такого торжественного случая моя мама выбрала в семейном альбоме и в архиве Театра сатиры фотографии папы в разных ролях. И теперь они украшают салон теплохода. Мы получили предложение совершить путешествие от Москвы до Ростова-на-Дону. Младшая дочка Надя была в восторге: «Поплывать на корабле, носящем имя собственного дедушки — просто фантастика!»

Эти двадцать лет без папы пролетели очень быстро. Мои девочки выросли, обе окончили институты. Старшая Маша — Институт Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова. Младшая Надя — Университет печати. Обе уже работают. Из них получились красивые и порядочные девушки. Сейчас, когда я на них смотрю, бывает, что сердце сжимается от жалости — оттого, что их не видит отец и не может вместе со мной порадоваться тому, какие они стали взрослые.

Я задумываюсь, а почему не видит? А может, это не так?

*Опять
ГИТИС*

Знойное лето 1972 года. Я абитуриентка театральных вузов. Почему театральных? Да потому, что поступала, как я уже писала, во все театральные, как многие ребята того, да и теперешнего времени. Раньше всех были прослушивания в школе-студии МХАТ. Курс набирали народные артисты СССР — Массальский и Тарасова. От первого прослушивания у меня осталось ужасное ощущение, потому что я сильно волновалась. Через два дня пришла смотреть списки прошедших на второй тур и обнаружила, что там нет моей фамилии. Я не поверила своим глазам. Проверила еще раз. Фамилии нет. Сразу слезы накатились на глаза, я выскочила из школы-студии, завернула за угол и бегом по Пушкинской улице, только чтобы никто не видел, что я плачу. От жуткого горя, сразу нахлынувшего на меня, в горле образовался какой-то ком, который мешал дышать. Слезы застилали глаза. В конце улицы я остановилась, немного успокоилась и решила вернуться, чтобы поговорить с кем-нибудь из педагогов,

слушавших меня. Конечно, я была очень наивна, и мне казалось, что, если я объясню, что я очень волновалась, мне разрешат прочитать программу еще раз или просто сжалятся надо мной и внесут мою фамилию в списки, прошедших на второй тур. Вернулась. Узнала, что сейчас в школе-студии Алла Константиновна Тарасова, но она занята на другом прослушивании. Я решила остаться и ждать. Через час из аудитории вышла красивая пожилая женщина в костюме цвета чайной розы. Седые волосы были зачесаны назад, открывая прекрасное благородное лицо. Я подошла к ней и сказала: «Алла Константиновна! Вы меня помните? Я — Лена Папанова. Два дня назад я была у Вас на прослушивании. Я очень волновалась. Разрешите мне почитать еще раз. Пожалуйста!» Алла Константиновна посмотрела на меня, улыбнулась и сказала: «Да, я Вас помню. Вы плохо подготовились. Приходите на следующий год. А вообще, подумайте, нужно ли Вам это... До свидания». И Тарасова ушла. Мне было очень плохо. Когда я ехала домой, думала над ее словами, которые мне показались тогда очень обидными, но я знала твердо, что мне это нужно. Родителям я не говорила, что ходила на прослушивание во МХАТ. Мама заметила, что со мной творится что-то неладное. Пришлось ей все рассказать, потому что мне нужно было с кем-то поделиться. После этого неудачного прослушивания родители посчитали, что мне нужно помочь. В Театре сатиры работал актер Даниил Каданов, жена которого преподавала сценическую речь в одном из театральных вузов. Они договорились с ней, чтобы она помогла мне сделать программу для прослушивания. Мы начали

заниматься, а поступление в школу-студию было моей первой неудачей, которые будут потом не раз встречаться на моем театральном пути. Это был мой первый театральный урок, который мне дала знаменитая Алла Константиновна Тарасова.

В итоге, после подготовки с репетитором, в мою программу входило: отрывок из рассказа Чехова «В овраге», отрывок из поэмы Лермонтова «Тамбовская казначейша» и несколько басен Крылова и Михалкова. Так получилось, что первый вуз, где я прошла два тура, был ГИТИС, хотя я и поступала и в Щукинское, и Щепкинское училища, где тоже прошла два тура. Надо было определиться, куда подавать документы перед третьим туром прослушиваний и общеобразовательными экзаменами. Родители посоветовали выбрать ГИТИС, и я их послушала. Ведь ГИТИС был их родным вузом. Так я поступила в Государственный институт театрального искусства (теперь РАТИ). Когда мы начали учиться, ректором института был Матвей Алексеевич Горбунов. Его фраза: «ГИТИС подготовил много специалистов народного хозяйства» стала крылатой, и многие поколения студентов уже повторяют ее как анекдот. Учиться было очень интересно. Да и какие предметы: мастерство актера, сценическая речь, сценическое движение, танец, вокал, русская и зарубежная литература, русский и зарубежный театр, французский язык, изобразительное искусство и еще много других интересных предметов! А какие мастера преподавали в институте! В узких коридорах института нос к носу можно было столкнуться с М.И. Кнебель, Ю.П. Завадским, Б.М. Равенских, Б.М. Покровским, А.А. Гончаровым, А.А. Поповым...

Наш курс возглавлял Владимир Алексеевич Андреев. К тому времени он уже был главным режиссером Московского драматического театра им. М.Н. Ермоловой. Мы были его первым курсом, на котором он был худруком, а педагогами — И.И. Судакова, М.М. Козаков, Г.А. Косюков. Сценическую речь преподавали Н.А. Черкасова и И.Ю. Промтова, сценическое движение — А.В. Вербицкая, танец — Т.А. Кудашева, сольное пение — Л.А. Казанская, зарубежную литературу — Дюшен, зарубежный театр — Барташевич. Уровень этих педагогов был так высок, что они писали учебники. Конечно, педагоги всех нас очень любили и переживали, когда мы терпели какие-то неудачи.

Сейчас я сама преподаю в вузе актерское мастерство и знаю, с какой радостью уходишь после занятий, когда что-то получается и ты видишь, что студенты хотят чему-то научиться, и как неуютно и тоскливо, когда понимаешь, что время, проведенное на занятиях, потрачено впустую. Сейчас студенты совсем другие, они хваткие, цепкие и более наглые, чем были мы. Я не хочу сказать, что мы были хорошие, а они плохие. Просто время, в которое мы живем, диктует и другое поведение. Очень многие ребята работают, потому что образование практически платное и дорогое. Например, студент может подойти ко мне и сказать: «Елена Анатольевна, в пятницу я на занятия не приду, потому что работаю». И я не могу его не отпустить, так как знаю, что он сам платит за свое обучение. По этой же причине студент может и опоздать. Приходится с этим мириться.

Мы, например, очень боялись своих педагогов. И особенно В.А. Андреева. Не дай Бог опоздать

хоть на 5 минут, когда занятия ведет Андреев, так и останешься в коридоре, тебя не пустят в аудиторию. Сниматься в кино нам тоже не очень разрешали, особенно на первых курсах. Считалось, что это может повредить учебе, а уж если и снимались, то обязательно брали разрешение из института. А сейчас сплошь сериалы, которые затмили весь экран, и бедные студенты в ущерб занятиям бегают с одного кастинга на другой. И, конечно, сейчас такой большой объем информации, что не успеваешь следить за всеми новостями в области театра и кино. И порой бывает, что студенты больше информированы, чем педагог. Но тем не менее и сейчас и тогда главным остается одно — отдавать и получать знания. Когда видишь, что студент хочет чему-то научиться, то прощаешь ему все.

Как я уже писала, учиться было очень интересно. Четыре года учебы пролетели незаметно, хотя бывали не только радости, но и огорчения. Помню, как репетировала отрывок из «Женитьбы» Н.В. Гоголя, монолог Агафьи Тихоновны, когда она выбирает себе жениха. Делал этот отрывок педагог Г.А. Косюков, он был не только педагогом, но и очередным режиссером в театре им. Ермоловой.

Никак у меня не получался этот монолог. Все что ни сделаю, все не так. Очень был недоволен мною Геннадий Андреевич. Дошло до того, что уже перед репетицией меня била нервная дрожь, так я боялась, что опять ничего не получится. Сейчас мне кажется, что педагогу нужно было бы на время отложить этот отрывок или, может быть, где-то сдукавить и сказать, что стало что-то получаться, чтобы я успокоилась. Но нет, мы все репе-

тировали и репетировали, и все не так да не так. И после одной из репетиций Геннадий Андреевич попросил меня остаться и сказал: «Вот видишь, ничего у тебя не получается. Видимо, это не твое дело. Подумай, может, тебе лучше уйти из института, пока не поздно». Конечно, после такого заявления у меня был шок. Придя домой, я ничего не сказала родителям, но несколько дней ходила в ужасном настроении. Мне даже страшно было подумать о предложении Косюкова. Я хотела учиться и хотела стать актрисой. Я знала, вне этой профессии я себя не вижу, и решила доказать Косюкову обратное. Это еще один урок, который я получила. От этих ударов, которые падают на тебя, становишься только крепче, но при условии, если у тебя есть цель в жизни. У меня эта цель была. Я сейчас не боюсь писать об этом, потому что такие случаи происходят со студентами довольно часто. Я знаю много хороших известных артистов, которых выгоняли из института за профессиональную непригодность. Но зато как приятно и радостно работать, когда видишь, что педагог или режиссер верит в тебя и всячески подбадривает. Так комфортно было работать с Володей Тарасенко. Он был молодым педагогом, выпускником режиссерского курса А.А. Гончарова. Володя как бы насквозь видел студента, видел его потенциал и помогал ему раскрыться. С ним мы сделали много отрывков, и мне всегда с ним было хорошо работать. К большому сожалению, Володя рано ушел из жизни. Он был очень талантливым педагогом и режиссером. Интересно было работать с Михаилом Михайловичем Козаковым, который пришел на наш курс немного

позже. Козаков с нами сделал дипломный спектакль «Дети» по пьесе Горького, где я играла Татьяну Зобнину. Ему в этой работе помогал Володя Тарасенко. Еще Козаков сделал со мной и с моим однокурсником Славой Молоковым отрывок из пьесы А.Н. Островского «Свои люди — сочтемся», где я играла Липочку, а с Слава — Подкалюзина. С этим отрывком после окончания института мы показывались в разные театры.

Приятно было работать с Ириной Ильиничной Судаковой, прекрасным педагогом, дочерью двух знаменитых людей — режиссера Малого театра Судакова и актрисы МХАТ Еланской. В дипломном спектакле, который поставила Ирина Ильинична, «Как вам это понравится» У. Шекспира, я играла Фэбу. В этом спектакле моим партнером был мой будущий муж Юрий Титов, который играл пастуха Сильвио. По пьесе Сильвио был влюблен в Фэбу, а она его сначала отвергла, а потом тоже полюбила. И как часто бывает, отношения на сцене переросли в отношения в жизни.

А с каким удовольствием мы посещали уроки танца, которые вела Татьяна Николаевна Кудашева, бывшая танцовщица, солистка ансамбля Игоря Моисеева. И хотя я получала от нее много замечаний, но всегда на ее уроки ходила с удовольствием.

Сценическое движение, которое вела Анастасия Всеволодовна Вербицкая, был одним из любимейших предметов на нашем курсе. На этих занятиях мы учились двигаться на сцене, владеть своим телом, оттачивать реакцию, все это чрезвычайно нужно будущим актерам.

Сценической речью я занималась у Натальи

Александровны Черкасовой, прекрасного педагога, профессионала своего дела. Даже после окончания института с Натальей Александровной у меня сохранились теплые, дружеские отношения. Мне хочется привести здесь высказывание знаменитого чтеца и педагога сценической речи Якова Смоленского: «Одна из главных задач преподавания искусства звучания слова в театральном вузе заключается не в подготовке театральных чтецов, а во всестороннем раскрытии актерской и человеческой индивидуальности студента. Особенно тех ее сторон, которые почему-то остались в тени в работе над основным предметом — мастерством актера». Наталья Александровна именно этим с нами и занималась. И, конечно, не могу не вспомнить художественного руководителя нашего курса Владимира Алексеевича Андреева, который вкладывал всю душу и мастерство в своих студентов. Прекрасный дипломный спектакль «Стечение обстоятельств» по произведениям А. Вампилова, поставленный Андреевым, впоследствии был перенесен на сцену театра им. М.Н. Ермоловой. К сожалению, я там не была занята, но мой будущий муж Юрий Титов играл в нем. Это спектакль пользовался большим успехом у зрителей.

Надо заметить, что в то время у ГИТИСа был свой Учебный театр, который находился в Гнездиновском переулке. Там был свой репертуар, составленный из дипломных спектаклей выпускных курсов, был свой технический персонал: костюмеры, гримеры, осветители, радисты. И, конечно, была своя доброжелательная публика, состоящая не только из родных и друзей студентов,

но и из обычных зрителей, которые покупали билеты в театр.

Когда умер Иосиф Моисеевич Раевский, заведующий кафедрой мастерства актера, эту должность занял Владимир Алексеевич Андреев, который в 1983 году пригласил моего отца преподавать в ГИТИС. А задолго до этого была встреча и долгая беседа. В.А. Андреев вспоминает: «Я приехал к своей жене в город Киев, где Театр сатиры был на гастролях. В тот же вечер в ресторане «Динамо» что-то праздновали, то ли день рождения Валентина Николаевича Плучека, то ли еще какое-то событие. И получилось так, что мы с Папановым оказались рядом за столом. Знакомы мы были не очень хорошо, я актер помоложе, он актер постарше. Только тот, кто постарше, войну прошел и знал что такое солдатская жизнь. После этого празднования мы пошли с Папановым прогуляться в парк, который располагался рядом с Днепром. Он почему-то стал мне рассказывать о своей жизни, может быть, потому, что надо было с кем-то поделиться, в ком ты видишь доброго собеседника, кто тебя внимательно слушает и понимает. Бывает так, что с одним не будешь откровенным, а другие уже хорошо тебя знают. Он стал рассказывать мне сначала про войну, потом про то, что, чувствуя себя неудачником, иногда позволял себе некоторое отклонение от нормы, через которое многие из нас проходили. Рассказал про то, что самые близкие и любимые люди уставали от этого и он мог оказаться совсем одинок. Этот разговор не был подобострастным с таким поскуливанием, а был очень достойным разговором, человека, много пережившего, с человеком,

которому он почему-то доверял. Я стал тоже что-то рассказывать о себе. Он живо интересовался, что происходит в Ермоловском театре, потом стал говорить, что много из того, что делается в Театре сатиры, не то что бы не симпатично для него, а кажется однообразным. Он говорил о том, что смешить-то он умеет, но чувствует в себе запас человека, которому понятен подлинный драматизм. В этой беседе он мне сказал, что уже сейчас может что-то передать и чему-то научить актеров. Но кому это нужно? Я запомнил эту встречу не потому, что я шел с симпатичным мне популярным артистом, а потому что какие-то человеческие ноты мне были близки и понятны. Мне было с ним душевно комфортно. Этот разговор нас настроил на хороший позитивный лад. Долго мы с ним разговаривали, но потом решили, что надо расходиться, чтобы жены не волновались. Однажды я вспомнил это разговор и что он сказал, что мог бы передать свой накопленный опыт и мастерство. Не скрою, я был заинтересован, чтобы на кафедре появилось лицо не просто любимое зрителями, но и лицо уважаемое среди театральной общности».

Папа не сразу пошел на то, чтобы придти и заниматься педагогической деятельностью, хотя я тоже слышала от него, что ему есть что передать молодым. К тому времени кафедра довольно поредела, ушли из жизни люди, которых папа помнил как учителей. Андреев как заведующий кафедрой понимал, что появление такого актера, как Папанов, не могло не сказаться положительно на имидже института. Владимир Алексеевич был настойчив. Когда наконец папа согласился, было

заявлено, что он будет руководить монгольской студией, как тогда было принято говорить — студентами из братской страны Монголии. Владимир Алексеевич рассказывает, что на кафедре актерского мастерства началась «драка». Понятие художественного авторитета ушло, а на первый план вышли элементарная зависть и борьба за собственное место. «Первая ласточка», которая прилетела вслед за приглашением Папанову преподавать и возглавлять монгольскую студию, была анонимка, которая пришла несмотря на то, что это приглашение было поддержано руководством ГИТИСа. В то время такие письма были не частым явлением. Сейчас они в любом журнале, в любой газете. Там пишут правду, а чаще неправду, чтобы было интереснее читать. В анонимке было написано, что заведующий кафедрой предлагает преподавать человеку, ничего не смыслящему в театральной педагогике, в то время как на кафедре есть более старые и опытные педагоги, чуть ли не ученики Станиславского. Когда Андреев на заседании кафедры прочитал эту анонимку, он сказал, что наверняка никто из присутствующих не является ее автором. Ведь все понимают, что в лице Анатолия Дмитриевича в ГИТИСе появится не просто популярный, а выдающийся артист, который может быть очень полезен институту. В деканате довольно спокойно отнеслись к этой истории; дескать, в институте всегда было много завистников, особенно среди педагогов.

Вот так непросто отец начал свою педагогическую деятельность.

Помню, что на первое занятие он надел свой лучший серый костюм и немного волновался. Все,

кто с ним общался в институте на протяжении четырех лет, отмечают, что он всегда был подтянут, вежлив и тактичен, не только с педагогами, но и со студентами.

Студенты монгольской студии, которые должны были приехать учиться в ГИТИС, прошли у себя на родине огромный конкурс. Группа отобранных ребят сначала приехала в город Иркутск учить русский язык. Учеба в Иркутске продолжалась целый год, после чего несколько педагогов во главе с Папановым, который должен был быть художественным руководителем курса, приехали в Иркутск, чтобы еще раз прослушать абитуриентов и сделать окончательный выбор. В результате в Москву приехали учиться семнадцать человек, но ко второму курсу осталось пятнадцать.

Папанов приходил в институт в основном по четвергам, потому что это был выходной день в театре. Студенты его обожали, да и он относился к ним, как к собственным детям. Например, один из студентов обратился в деканат с просьбой, чтобы ему разрешили съездить к жене, которая училась в Иркутске. Время было весеннее, перед сессией, и, конечно, ему не разрешили уехать. Но он был настойчив, и после длительных просьб в деканате сказали: «Поговори с художественным руководителем курса. Если он разрешит, тогда поезжай». Конечно, Папанов разрешил.

В 1985 году в общежитии ГИТИСа произошло ЧП. Парни монгольской студии подрались с кавказцами. В то время в ГИТИСе была адыгейская студия, осетинская, кабардино-балкарская. Драка возникла из-за спора на какую-то историческую тему. Потасовка началась на пятом этаже общежи-

*«Папаша» со своими студентами
из монгольской студии*

тия, а закончилась на первом. Дрались по-серьезному, сметая все на своем пути. Даже два милиционера, которые дежурили внизу, ничего не смогли сделать. В результате стал вопрос об отчислении из института зачинщиков драки. И, конечно, папа встал на защиту своих монгольских студентов. Никого не отчислили, все отделались строгими выговорами.

В 1986 году Папанову было присвоено ученое звание доцента.

Студенты за глаза звали его «Папашей», но он об этом не знал, только на приеме в монгольском посольстве в честь выпуска монгольской студии актерского факультета, после его напутственного тоста, студенты сказали ему об этом, и у «Папаши» на глазах появились слезы.

А в июне 1987 года была поездка группы педагогов ГИТИСа, среди которых был «Папаша», в Монголию, в город Улан-Батор, на премьеры спектаклей «Ромео и Джульетта», «Челкаш» и «Тартюф». Эти дипломные спектакли студии органично вписались в репертуар Национального Академического театра. Молодые актеры выдержали экзамен перед зрителем. Спектакли прошли с большим успехом. До сих пор его бывшие студенты, а среди них уже есть не только актеры, но и режиссеры, называют отца Учителем, а себя — с гордостью, Папановцами.

Андрюша

Андрюша — именно так ласково называл папа Андрея Александровича Миронова — прекрасного и очень любимого зрителями актера Театра сатиры. И, конечно, не только театра. Андрей Миронов очень много снимался в кино, был режиссером нескольких театральных постановок. Это спектакли по пьесам Григория Горина «Феномены», «Прощай, конферансье», «Бешеные деньги» А.Н. Островского. За три месяца до смерти Миронов поставил пьесу «Тени» по Салтыкову-Щедрину.

Андрей и папа ушли из жизни почти одновременно. 11 августа прошли похороны папы в Москве, а в тот же день в Риге на сцене Театра оперы и балета должен был идти спектакль «Вишневый сад» с Папановым в роли Гаева и с Мироновым в роли Лопахина. Разумеется, спектакль не мог состояться, и Андрей Александрович предложил сделать творческий вечер в память о Папанове. На вечере он играл сцены из спектаклей, где они были вместе заняты. Миронов играл так, как будто

Папанов был на сцене и он мог с ним общаться. Те, кто тогда присутствовал в зале, отмечают, что это было потрясающее зрелище и Андрей Александрович выкладывался на все сто процентов, не щадя себя. Впрочем, по-другому Миронов и не умел. Он всегда очень ответственно подходил к тому, что делал на сцене. Рассказывали, что Миронов перед выступлением, а особенно если площадка была для него новая, обязательно репетировал и сам проверял свет и реквизит. С его популярностью и опытом работы на сцене можно было и так не беспокоиться, но Миронов не мог халтурить. Он работал с полной отдачей на каждом выступлении и спектакле. Но тот печальный день был, конечно, особенным. Люди, которые общались с ним 11 августа, отмечали, что он был ужасно расстроен. Позвонив моей матери и выразив соболезнования, он положил трубку и сказал: «Кто же следующий? Может, я?»

Композитор Геннадий Гладков вспоминает, что он довольно долго отказывался писать музыку и песни к картине Аллы Суриковой «Человек с бульвара Капуцинов», где Миронов играл главную роль. После различных уговоров Гладкову позвонил Андрей Александрович и сказал: «Старик, мы, к сожалению, так редко видимся, все бегаем друг от друга. Давай хоть на этой картине встретимся. Может быть, она будет последней».

И еще. Одноклассник Миронова, Александр Ушаков, вспоминает, что в 1987 году умерла их классная руководительница, Надежда Георгиевна Панфилова. Прощаясь с ней, кто-то из одноклассников посетовал на то, что они редко видятся. На что Миронов, помолчав, сказал: «Ничего, скоро

я вас соберу у себя по такому же случаю». Что же это было? Черный юмор или пророчество? Может быть, он что-то чувствовал?!

Все люди, которые с ним общались последнее время, говорили, что он был очень уставшим и замотанным, внутренне жил очень напряженно.

14 августа в этом же зале шел спектакль «Женитьба Фигаро». Фигаро — была любимейшая роль Андрея Александровича.

Спектакль близился к завершению, оставалось совсем немного до конца. Вдруг Миронов вопреки всей логике стал отходить в глубь сцены и, держась рукой за решетку беседки, как бы начал оседать. Александр Анатольевич Ширвиндт, который играл графа Альмавиву, бросился к нему. Подхватил обмякшее тело Фигаро-Миронова и унес за кулисы. Последнее, что сказал Миронов, было: «Шура, голова болит». И потерял сознание. Дали занавес, срочно приехала «скорая». Врачи боролись до конца, но 16 августа 1987 года Миронова не стало.

Вся Латвия сочувствовала горю. Выделили специальный самолет — желающие могли прилететь на похороны. Но большая часть труппы осталась в Риге. Приехали В. Васильева, А. Ширвиндт, М. Державин, Н. Корниенко, Т. Егорова, В. Ушаков, В. Байков и еще несколько человек. На сцене продолжали идти веселые спектакли, артисты продолжали играть концерты. Как будто ничего не произошло, как будто никто не заметил ухода из жизни двух выдающихся людей. Играя веселые спектакли, театр ставил в неловкое положение зрителей, ведь все знали о трагедии. В городе Шяуляе на 15 и 16 августа были назначены творческие вечера Миронова, но никто из зрителей

не вернул ни один билет в кассу. Зрители оказались более тактичными, чем руководство театра. Ни Мария Владимировна, ни моя мама не получили от театра телеграммы с соболезнования. Мало того, известно, что руководство театра подыскивало замену на освободившиеся роли этих актеров.

В 1977 году во время гастролей Театра сатиры в Ташкенте Андрей Александрович попал в больницу с диагнозом менингит. Потом выяснилось, что диагноз был поставлен неправильно, и это были первые признаки проявления другой болезни — аневризмы сосудов головного мозга, от которой Миронов и скончался через десять лет.

Помню, что гроб Миронова уже стоял на сцене. Почему я пишу *уже*? Потому что когда прощались, как я уже писала, с отцом, на сцене шел ремонт и гроб пришлось поставить в фойе театра. Около гроба Андрея Александровича сидели Мария Владимировна с окаменевшим лицом, Лариса Голубкина, жена Андрея Александровича, и близкие друзья и родственники. В зале было огромное количество народа и тихо звучали песни в исполнении Миронова, причем не только грустные, но и веселые. Похоронили его на Ваганьковском кладбище. Помню, что многие удивлялись, почему не на Новодевичьем, как бы официально признанном пантеоне? На Новодевичьем не разрешили, так как, по статусу этого кладбища, артист должен был иметь звание «Народный артист СССР», а еще лучше если «герой Социалистического труда», тогда без проблем. Миронов же имел звание «Народный артист РСФСР». Это непонятное ранжирование было еще одной глупостью

того времени. Разве Миронов не был любимцем всей страны?! Разве не были заполнены все улицы и переулки рядом с Театром сатиры людьми, которые хотели проститься с Мироновым?! Разве все постовые, стоявшие на пути, не отдавали честь, прощаясь с любимым артистом, когда траурная процессия ехала на кладбище?!

Почти одновременно ушли из жизни два великих актера — Папанов и Миронов. Такие разные и такие близкие. Они были нужны людям. Оголился репертуар театра. Жизнь театра обеднела. Думаю, что их никто и никогда не заменит. По странному стечению обстоятельств, когда открылся сезон в театре после того трагического августа 1987 года, на первом спектакле помощник режиссера и машинист сцены минут пятнадцать не могли открыть театральный занавес. Он просто не поднимался, и спектакль не мог начаться. Публика была в недоумении, но все-таки ждала. А там, на сцене, чего только не делали — ничёго не помогало. Но потом случилось чудо — занавес вдруг сам собой открылся. Что это было? Мистика? Загадка.

Главный режиссер театра Валентин Николаевич Плучек не приехал из Риги в Москву, чтобы проститься ни с Папановым, ни с Мироновым. Говорят, что жена не пустила, опасаясь за его здоровье, хотя в одном из интервью после ухода актеров он сказал: «Подлинной трагедией для театра была потеря двух таких могущественных талантов сцены, как Папанов и Миронов. С ними из репертуара ушли: «Женитьба Фигаро», «Горе от ума», «Трехгрошовая опера», «Гнездо глухаря», которые мы вместе создавали. После их смерти был период, когда я решил больше не возвращаться в те-

атр. Больше всего боялся увидеть, что у Театра сатиры, который в течение двадцати лет не знал, что такое пустые места, будут стоять люди и продавать билеты. Но бросить театр в такой тяжелый момент было бы трусостью. Капитан не должен первым убежать с корабля. Я подумал, что в театре есть и другие прекрасные артисты — Г. Менглет, О. Аросева, М. Державин, А. Ширвиндт, С. Мишулин, В. Васильева, Р. Ткачук, сложился коллектив и надо продолжать работать».

Родился Миронов 8 марта 1941 года в Москве. Во время войны семья уехала в эвакуацию в Ташкент. Там маленький Андрей сильно болел. После снова вернулись в Москву. Все, кто знал Миронова маленьким, вспоминали, что он был очень упитанный, можно сказать, полный ребенок, но это не мешало ему быть невероятно пластичным и танцевальным мальчиком. Природа одарила его необычайным артистизмом, да и не удивительно. Ведь его родители, Мария Владимировна Миронова и Александр Семенович Менакер, были замечательными эстрадными артистами. В их доме бывали такие люди, как Юрий Завадский, Фаина Раневская, Любовь Орлова, Галина Уланова, Леонид Утесов и многие другие звезды нашего театра, кино, эстрады. И, конечно, общение с ними не могло не сказаться на формировании характера и воспитании Андрея Миронова. В школе № 170, где он учился, Андрей участвовал в художественной самодеятельности и относился к этому занятию очень серьезно.

Он с детства хотел стать артистом. Его нельзя было назвать лидером класса в общепринятом понимании, но он всегда и везде был душой ком-

пании и заводилой. Одноклассники вспоминают, что кроме театра он увлекался футболом и был бессменным вратарем в школьной команде, увлекался джазом, изучением иностранных языков. Хотя школа и считалась престижной, но в ней, наряду с детьми деятелей культуры и науки, учились ребята из обычных семей, искореженных войной. У многих детей не было отцов, в основном это были дети улиц и подворотен. Время ведь было послевоенное. Школу № 170 заканчивали многие известные люди: Эдвард Радзинский, Марк Розовский, Людмила Петрушевская, Василий Ливанов, Геннадий Гладков, актриса Театра сатиры Наталья Защипина, которая прославилась еще в детстве, сыграв в фильмах «Первоклассница» и «Слон и веревочка». Далее было Щукинское училище. Руководил курсом замечательный актер, режиссер и педагог Иосиф Матвеевич Рапопорт. Среди педагогов у Миронова был и будущий партнер по спектаклям в Театре сатиры и друг Александр Анатольевич Ширвиндт. Курс был сильный. Достаточно сказать, что на этом курсе вместе с Мироновым учились: Ольга Яковлева, Виктория Лепко, Юрий Волынцев, Михаил Воронцов, Николай Волков. В 1962 году Андрей Миронов после окончания с отличием Щукинского училища пришел в Театр сатиры. Многие отнеслись к нему довольно скептически, в том числе и мой отец. Думали, что Миронов — довольно легкомысленный молодой человек, этакий баловень судьбы, хотя вел он себя довольно скромно. Но вскоре мнение о Миронове изменилось, так как он показал себя способным, трудолюбивым и относящимся с большой ответственностью к своему делу. Все это прояви-

лось в работе над спектаклем по повести Селенджера «Над пропастью во ржи», где Андрею Миронову досталась одна из главных ролей — Холдена.

И уже через несколько лет в статье «Мастер о мастере: Анатолий Папанов об Андрее Миронове», которая была опубликована в газете «Брянский рабочий», папа так отзывается об Андрее Миронове: «Андрей совсем молод. Но я не побоюсь назвать его мастером. Отличительные его свойства — огромное трудолюбие и необыкновенная творческая скромность. Всему этому я свидетель. Успехи не вскружили ему голову — а как это важно для настоящего актера. Думаю, он не может не нравиться. Как он легок и изящен, музыкален и пластичен! Каким великолепным эстрадным номером стали его песенка в «Бриллиантовой руке» и танец собственной задумки! Скромность — разве это уж такая редкость? Но она особенно радует меня в Миронове. Радует потому, что сама жизнь Андрея складывалась так, что от него можно было ждать и избалованности, и зазнайства. Сын известных эстрадных «китов» Мироновой и Менакера, он с детства воспитывался в актерской среде и хорошо знаком с такими понятиями, как слава, популярность. Помню, как он пришел в Театр сатиры — скромный, даже робкий, скованный. Однако первые же роли показали, что мы имеем дело с серьезным актером. При первой встрече Миронов может показаться человеком лаконичным, даже суховатым. Однако попробуйте с ним разговариваться, и увидите, как остер он на язык, какой живой у него ум и как в то же время не обидны для человека его шутки. Миронов по-настоящему

любит людей и умеет уважать их. Пройдите с ним по улице, и вы увидите, как внимательно подмечает он во встречных самое неожиданное, только ему видимое, и как умеет сложить это все в свою актерскую копилку. Прекрасно говорит по-английски. Может часами копаться в саду. И эти черты личности Миронова неотрывны от Миронова-актера. В нашем театре он играет много. В кино он снимается пока уж не так много. Но каждая его роль — точный законченный характер, который запоминается надолго. Андрея Миронова любят все, кому приходилось с ним встречаться. Любят в нашем театре, любят на съемочной площадке. Любят за труд, за взыскательность и высокую любовь к своей профессии».

Постепенно сложился некий тандем Папанов — Миронов в театре, в кино, на телевидении и на эстраде. Это были спектакли «У времени в плену» А. Штейна (Папанов — Сысоев, Миронов — Вишневский), «Ревизор» Н. Гоголя (Папанов — Городничий, Миронов — Хлестаков), «Доходное место» А.Н. Островского (Папанов — Юсов, Миронов — Жадов), «Горе от ума» А. Грибоедова (Папанов — Фамусов, Миронов — Чацкий), «Вишневый сад» — А.П. Чехова (Папанов — Гаев, Миронов — Лопахин). Вместе они снимались в фильмах «Берегись автомобиля» (реж. Э. Рязанов), «Бриллиантовая рука» (реж. А. Гайдай), «Двенадцать стульев» (реж. М. Захаров). Часто бывали вместе на эстраде. А когда распределялась новая пьеса в театре, Миронов спрашивал у Плучека «А Папанов будет занят? А, будет — ну хорошо!» Впоследствии отец стал очень нежно относиться к Миро-

Сцена из спектакля «Ревизор»

Сцена из спектакля «Горе от ума»

нову, называя его Андрюшей. Соответственно, и Миронов отвечал ему большой любовью и уважением. Но это нельзя было назвать дружбой, скорее отношениями двух верных партнеров в работе, один из которых старше и опытнее. Еще они относились друг к другу с теплым юмором, но никогда в их отношениях не было претензий и обид. Один раз на премьере спектакля «Вишневый сад» А.П. Чехова пришла мать Андрея Александровича, как я уже писала, известная эстрадная актриса Мария Владимировна. Пришла со своей приятельницей и села в один из первых рядов. Спектакль тогда шел на Малой сцене, которая сейчас называется «Чердак Театра сатиры». В этом зале зрители сидят рядом со сценой, поэтому достаточно хорошо слышно, что они говорят. И вот отец в роли Гаева вышел на сцену, а грим у него был оригинальный. Отцу казалось, что в его лице недостаточно благородства для этой роли, поэтому он клеил себе ресницы для выразительности глаз, маленькую бородку и усы. Облик его сразу преображался, и он превращался в дворянина. Одет он был в светлый костюм, а в руке тросточка. И когда папа в таком виде вышел на сцену, Мария Владимировна довольно громко сказала своей спутнице: «Вылитый князь Игорь», на что папа сказал Миронову: «Андрюша, уйми маму!» Вся эта история была воспринята через призму доброго юмора. Надо заметить, что люди, близко знавшие Миронова, рассказывают, что Андрей Александрович не любил, чтобы при нем подчеркивали, что он сын известных эстрадных артистов. Был такой случай. Однажды в Баку на съемках «Брилли-

антовой руки» всю киногруппу пригласили в гости артисты местного драматического театра и устроили им вечер. Все сидели за столом, и вдруг поднимается Юрий Никулин и торжественно произносит: «Товарищи! Вы все знаете, что есть такие замечательные артисты — Миронова и Менакер. Так вот, здесь присутствует (Миронов весь позеленел, замер)... артист Анатолий Папанов, за которого я и поднимаю этот тост!» Миронов показал Никулину кулак, а бакинские актеры долго не могли понять, отчего москвичи так хохочут...

В 1976 году Миронов познакомил папу с замечательным человеком, продюсером, и актером Рудольфом Фурмановым. Впоследствии дома мы стали звать его Рудиком. Рудольф Александрович прекрасный организатор театрального производства, отличный администратор. После смерти Папанова и Миронова он многое сделал, чтобы сохранить память об этих актерах. Снял фильм на телевидении о Папанове. Открыл в Санкт-Петербурге театр, который называется «Русская антреприза» им. Андрея Миронова. До сих пор он не забывает мою маму, часто звонит ей, поздравляет с праздниками, интересуется ее здоровьем.

Также я знаю, что, когда была жива мать Миронова, Мария Владимировна, Рудольф Фурманов тоже опекал ее. Именно он был организатором практически всех концертов, в которых принимали участие Миронов и Папанов. А концерты эти бывали в самых разных уголках Советского Союза. Папа рассказывал, что Миронов во время этих поездок проявлял о нем дружескую заботу. Если моя мама сталкивалась с Мироновым в теат-

ре накануне поездки, то он обязательно напоминал маме: «Надежда Юрьевна, не забудьте собрать Анатолия Дмитриевича. Мы завтра уезжаем на концерт». Когда приезжали в очередной город, Миронов очень галантно предоставлял отцу первому выбрать номер из двух забронированных для них в гостинице. Или спрашивал: «Анатолий Дмитриевич, вы сегодня обедали? — Ах нет? Тогда пойдемте, я знаю ресторан, где нас хорошо и быстро покормят». Будучи человеком более молодым и активным, он всегда советовал отцу, в каком городе и что нужно купить, так как на дворе стояла эпоха тотального дефицита. Миронов знал толк в одежде. Одевался хорошо, со вкусом, в основном в импортные вещи. Был очень аккуратным и большим чистюлей. Нонна Мордюкова, которая снималась с Андреем в «Бриллиантовой руке», вспоминает о времени, проведенном вместе на съемках этой картины. «Меня забавляла его одежда, очень модная, выстиранная и выглаженная собственными руками. Его окно в гостинице можно было найти сразу — там всегда висело что-нибудь, сохло — майка или плавки, или летние брюки. Чистюля несусветный».

На пляже: «Сидели, сидели, да и не заметили, как Андрюша, в шортах иностранных, так ладно сидящих на нем, встал на топчан и начал играть куски из разных спектаклей. Я обалдела: и восхищалась, и смеялась. Раздались бурные аплодисменты.

— Ну все? — спросила я, когда он сошел с топчана.

— Почему все, сейчас еще фокусы покажу!

Я поняла, что заседанию конец, и пошла в море окунуться. Выйдя на берег, ошалела. Андрей шарит глазами по камушкам, стоя на четвереньках.

— Что?

— Погоди, пуговичка отлетела.

Уже холодновато, хочется домой! Черт с нею, с пуговичкой! Куда там. Андрей искал ее как бриллиант. Смотрела я на него и досадовала. Зачем с ним связалась. Наконец, смирившись с похоронами пуговички, он начал переодеваться. Молча дошли до нашего «Прибоя», не попрощавшись, пошли каждый к себе. Вот и хорошо. Как-то с этим Мироновым не свободно. Он обязательно отыщет какую-нибудь мою виновность, не то перед ним, не то перед моей сущностью. Он мешал мне работать, вмешиваясь в мое поведение на съемках. Самозабвенно любя искусство, наблюдал с жадностью, как работают другие. Мне он доверял как актрисе, любил, чтобы я смотрела, как он играет. Уехал Андрюша в своей театр спектакли играть. И надо же, опустело все вокруг».

Но вернусь к концертным поездкам. Однажды концертная бригада, в состав которой входили Папанов и Миронов, а также актер и администратор в одном лице Рудольф Фурманов, отправилась в Псков. Как раз в это время умирает очередной Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов. В стране был объявлен трехдневный траур. Разумеется, все развлекательные мероприятия были отменены. И Андрей Александрович предложил отцу поехать в эти дни в Псково-Печерский монастырь, тем более Папанов там не был. Миро-

нов рассказал, что там бывает его мама, и обещал познакомить с наместником Псково-Печерского монастыря архимандритом Гавриилом, которого сам знал. Отец Гавриил оказался интереснейшим человеком. После этой поездки папа поддерживал с ним дружеские отношения. Архимандрит, когда приезжал в Москву, часто бывал у нас дома. В один из приездов, подарил отцу икону. И часто поздравлял нас с праздниками.

*14 октября 1984 г.
Печеры
Народному артисту СССР
Папанову*

Глубокоуважаемый и дорогой
Анатолий Дмитриевич!

С большим чувством благодарности вспоминаю мое посещение Вашей уютной квартиры и сердечное гостеприимство, которое Вы проявили ко мне.

Мне приходится встречаться с людьми разных званий и положений и выносить из этого различные впечатления. При встрече с Вами я был удивлен Вашей подвижнической жизнью, которая представляет для нас добрый пример. Увидел скромность Вашей жизни и в то же время Вашу великую духовную силу. Желаю Вам, дорогой Анатолий Дмитриевич, и в дальнейшем успехов в работе, счастья в семейной жизни, всегда быть таким добрым, бодрым и обаятельным. Бодрость восстанавливает дух человеческий, сообщая ему постоянное пребывание в любви к другим людям. А любовь к людям и к миру выражается прежде всего в молитве о мире.

Поздравляю Вас и Вашу милую супругу с наступающим праздником святой пасхи Христовой. Дай Бог, чтобы свет Христова Воскресения всегда освещал путь Вашей жизни, по которой вы идете, неся радость и счастье людям.

*С братской любовью во Христе
наместник Псково-Печерского монастыря
Архимандрит Гавриил*

И с еще одним замечательным человеком познакомил Миронов отца, когда они были на концертах в Пскове. Это был Семен Степанович Гейченко — директор музея-заповедника в Пушкинских Горах. Еще родители Миронова были дружны с этим человеком, да и сам он его хорошо знал. И так сложилось, что свой последний день рождения Миронов отмечал у Гейченко, в Пушкинских Горах.

А концерты с участием Папанова и Миронова проходили так. Папанову отдавалось первое отделение, в котором он читал классическую прозу, поэзию. Мне кажется, что так он компенсировал тягу к серьезным драматическим ролям, которые невозможно было сыграть в Театре сатиры. Это мог быть Пушкин, он любил читать отрывки из «Евгения Онегина» или «Медного всадника». На телевидении даже был снят фильм, в котором Папанов читал «Медного всадника». В его репертуаре была и современная поэзия. Например, помню, как он читал с эстрады «Две коляски» М. Ножкина. В нашем доме сохранилась целая библиотека современной поэзии, собранная отцом.

Второе отделение концерта отдавалось Миронову. В его выступлениях царили шутки, легкая

эстрадная песня, смех. Рудольф Фурманов вспоминает: «Когда Андрей выходил на сцену — легкий, блистательный, элегантный — никто даже не мог заподозрить, что порой это дается ему с ужасной болью. У него был часто повторяющийся фурункулез, и это доставляло Андрею много физических страданий. Он весь был изрезан, шрамы от удаленных нарывов покрывали его тело. Сильные нарывы появлялись под мышками. Иногда после выступлений вся рубашка его была в крови. Видимо, перенесенные во время войны в раннем детстве болезни как-то отразились на состоянии организма в целом, так как заболевание то отступало, то повторялось вновь, но окончательно не излечивалось. Периодически Андрей ложился в больницы».

Отдача Папанова и Миронова на концертах была стопроцентной. Ведь это особое свойство таланта — выкладываться до конца, до сгорания на концерте, на спектакле, на репетиции, ничего не экономя. В Театре сатиры было два таких актера, способных на такое творческое самосожжение. У них было очень много общего, например грустные глаза — глаза лучших и честнейших представителей своего поколения. В одном случае — поколения, опаленного войной, в другом случае — поколения «шестидесятников». Веселая улыбка, безотказно вызывающая ответную реакцию радости, добра и света. Театр был их главной любовью, и они оба ценили его превыше всего. Не было такого случая, чтобы они опоздали на спектакль. Как-то я спросила отца, как они ухитряются вернуться вовремя из самых удаленных

уголков страны? Он ответил, что для них добраться до Москвы не проблема. Они летали в кабинах гражданских экипажей, когда не было билетов. Их сажали в свои самолеты военные летчики, «подбрасывая» на подмосковные военные аэродромы. Бывали и перелеты на вертолетах. Не было случая, чтобы их не узнали и не помогли с билетами или машинами. Конечно, Миронов был очень популярный актер, но он знал себе цену, умел сохранять дистанцию и при этом был интеллигентным и доброжелательным к людям.

Как-то в Звенигороде Андрей Миронов стоял на улице с Эльдаром Рязановым и что-то рассказывал ему о съемках фильма «Бриллиантовая рука», которые проходили в Сочи. В частности, вспоминал о том, как во время съемок эпизода, в котором участвовали Юрий Никулин, он сам и Анатолий Папанов, из толпы зевак прорвался к самой площадке какой-то верткий небритый тип и, оттолкнув Миронова с Папановым, подбежал к Никулину с криком: «Здорово, разгильдяй!» «Вот тут-то мы, — сказал Андрей Миронов, — по-настоящему позавидовали популярности Юрия Никулина в народе. Нас-то с Папановым он не заметил...» В это время мимо проезжал на велосипеде какой-то звенигородский обыватель. Он резко затормозил и, уставившись на Миронова, закричал на всю улицу:

— Вот так хрен к нам пожаловал!

— Вот так-то, Андрей, — заметил Рязанов. — Теперь я вижу, что вы с Никулиным вполне сравнялись по популярности в народе!

Миронов никогда и ни о ком не говорил пло-

хо, а если нужно было сказать, то говорил в лицо. Положение звезды не снижало, а повышало барьер требований к себе. Он умел слушать людей с подлинным вниманием, что редко бывает у людей такого ранга. Был жутким самоедом. Претензии, если что-то не получалось, предъявлял только к себе. И, конечно, как и всякий артист, он был очень ранимым человеком, глубоко и душевно переживал все невзгоды и несправедливости, но не давал этим переживаниям вылезать наружу. Поэтому у людей, мало его знавших, складывалось мнение, что он легок и беззаботен, «баловень судьбы». У Андрея была любимая фраза, которую иногда повторял и папа: «Настоящего художника может обидеть каждый, а материально поддержать — никто». Миронова обожали. Тот же Рудольф Фурманов, легендарный организатор концертных поездок и его друг, вспоминает: «Однажды, будучи в Москве, я провожал Андрея в аэропорт, когда Театр сатиры выезжал на гастроли за рубеж со спектаклем «Трехгрошовая опера». Жена Плучека в громком разговоре, как бы балагурия, бросила фразу, смотря на Миронова: «Опять мы везем это говно за границу». Андрей побледнел, поставил чемоданы и повернулся, чтобы уйти. Он не понимал, как люди не чувствуют границу дозволенного. Плучек крикнул вдогонку: «Андрей, это Зиночка так шутит, ну не сердись. Это у нее такой юмор. Андрей, вернись, прошу тебя!» Иногда на судьбу театра и актеров, как ни странно, влияет вкус и поведение жены художественного руководителя.

Когда мы собрались однажды в актерской компании — Миронов, Папанов и другие актеры, ра-

*А. Папанов, А. Миронов, Л. Голубкина
на одном из спектаклей*

*После концерта.
Крайний справа Рудольф Фурманов*

ботавшие и ушедшие из Театра сатиры, Андрей рассказал об этом эпизоде в аэропорту. Некоторые артисты обратились к Миронову и Папанову с вопросом: «Ну скажите, почему вы терпите такое поведение Зины — жены Плучека? Она же у вас командир».

На что они ответили: «Мы не хотим травмировать Плучека. Он действительно много сделал для нас».

Но мне кажется, они были не совсем правы, потому что это их талант дал возможность Валентину Николаевичу создать интереснейший репертуар театра. Тогда же один артист заметил: «Вы оберегаете Плучека, ну и молодцы. Андрей, живи как твой герой мультфильма!» И неожиданно запел:

Надо жить умеючи,
Надо жить играючи,
В общем, надо, братцы, жить
Припеваючи.

И после этого, шутя и балагуря, один артист, на ходу сотворил эпиграмму, которая звучала так:

Она ему и ГИД и МИД,
И Министерство обороны,
Он с ней не спит,
Он с нею сыт,
Она царица без короны.
Он мейерхольдовский плевок
И режиссер лишь только с виду,
Жену и ту найти не смог,
Не Райх нашел, а Зинаиду.

И оказалось, что после этой шутки всем стало немножко грустно, и, как ни странно, жаль Плучека и Зинаиду: ведь и у них все могло быть ина-

че, если бы они не пользовались своей властью и весли себя тактично.

И у Папанова, и у Миронова были неоднократные возможности уйти из Театра сатиры. У Андрея уже была договоренность с Марком Захаровым о переходе в Ленком. Плучек догадывался и переживал. Но Андрей так и не смог совершить этот поступок.

Миронов обожал своих родителей, хотя, как я уже писала, очень не любил, когда о нем говорили только как о сыне известных артистов. Папа рассказывал мне, что куда бы они ни приезжали на концерт, первое, что он делал — это звонил родителям. Глубоко переживая смерть отца, Александра Семеновича Менакера, чутко заботился о маме, Марии Владимировне Мироновой. Плучек на похоронах Менакера пообещал Марии Владимировне, что возьмет ее в Театр сатиры, где она будет творчески востребована.. Время шло, но он не подтверждал приглашения. Мария Владимировна ждала, ждал и Андрей и очень переживал за мать. Сын он был замечательный. Мария Владимировна иногда участвовала в концертах вместе с ним, и очень болела за него, видя, как он выкладывается на выступлениях, хотя, как актриса, она понимала, что по-другому нельзя.

Коллеги по театру вспоминают, что он был душевно открыт и пытался по возможности больше делать добра людям.

Вера Кузьминична Васильева: «Даже когда ему приходилось просить о ком-то или о чем-то, он никогда не унижался, а как бы предлагал человеку сделать доброе, справедливое дело. Он ни-

когда не произносил речей. Но через все его роли проходит боль за наши несовершенства и вера в человека. Поэтому, когда в «Доходном месте» Островского он в роли Жадова оставался один на один со зрителями, то тихо и убежденно говорил: «Всегда были, есть и будут честные люди». Зал верил ему, царил тишина, какая редко бывает в театре».

Вспоминает Михаил Державин: «Андрей Миронов незадолго до смерти сказал мне: «Миня, у меня есть гениальная идея — я хочу поставить «Мертвые души». Представляешь, ты — Чичиков, я — Ноздрев, Менглет — Плюшкин, Папанов — Собакевич. Мне кажется, что получился бы сильный спектакль».

Благодаря Миронову отец познакомился с композитором Вадимом Орловецким, и это знакомство открыло новую грань его таланта — послужило началом того, что Папанов стал петь на эстраде! Это были песни на музыку Орловецкого: «Настройщик роялей» (слова В. Кострова), «Сердце» (слова М. Лисянского), «Не оставляйте женщину одну» (слова С. Каратова), «Камаринский мужик» (слова В. Семерина). В проекте была целая пластинка, которая должна была быть записана на студии «Мелодия», но, к сожалению, таким планам не суждено было сбыться. Сохранились только студийные записи этих песен. А знакомство состоялось так: Новосибирск, жаркое лето 1982 года. Гастроли Театра сатиры. Орловецкий договорился с Мироновым показать перед спектаклем одну из своих песен для предполагаемой записи в Москве (в то время композитор жил в Новосибирске). Когда он вошел в комнату, где актеры отдыхали между дневным и вечерним спектаклями, он увидел це-

лое созвездие сатиристов: Миронов, Ширвиндт, Державин, Папанов, Мишулин. Конечно же, он заволновался перед такой аудиторией, но по просьбе Миронова подошел к инструменту и начал играть мелодию песни «Настройщик роялей». По мере исполнения все больше и больше входил в образ. Естественно, мечтал предложить эту песню Андрею Александровичу. После исполнения композитором мелодии наступила небольшая пауза, потом Андрей сказал: «Не понимаю, зачем здесь я?» Потом, обращаясь к Папанову: «Анатолий Дмитриевич, по-моему, эта песня для Вас». Так завязалась не очень долгая, но довольно плодотворная творческая дружба папы с композитором Орловцем.

Папанов и Миронов — такие разные, но в то же время такие похожие. Они не были друзьями, все-таки разница в возрасте. Если было надо, они могли работать сутками. Они были талантливыми, яркими, самобытными, настоящими подвижниками театра. Андрей Александрович вызывал всеобщее восхищение блеском, изяществом. Он был веселым, элегантным, его появление всегда сопровождалось радостными возгласами. Он любил посмеяться, умел развеселить, но был и серьезным, строгим, требовательным и ранимым. Он играл с упоением, с каким-то юношеским восторгом, забавляясь сам и вовлекая в действие окружающих. Он очень спешил утвердить себя, выложиться, будто знал, что времени на раскачку нет. И работал, работал, работал! Он любил повторять строчку из стихотворения Б.Пастернака «Не спи, не спи, художник!»

ПАМЯТИ АНДРЕЯ МИРОНОВА

Не хочу я об этом писать, не хочу,
не умею я
 к мертвым друзьям привыкать!
Словно в черную дверь
 кулаками стучу.
Словно собственный крик
Не могу отыскать...
Ах, каким был живым он!
 Каким молодым!

Как легко
 снизошел он со сцены в молву.
Так ушел,
будто славы мерцающий дым
тихо обнял его
и унес
 в синеву
Ах, как он улыбался...
«Все надо уметь!..»
Ах, как он улыбался...
И ужас берет,
что на эту —
 такую нежданную —
 смерть

продавались билеты
за месяц вперед...
не про то я сегодня,
Совсем не про то!...
Но в театре и в жизни
 зияют места.

Их уже не займет
никогда и никто.

Счастливые встречи

Для отца в шестидесятые годы второй значительной ролью в театре после Боксера в пьесе Назыма Хикмета «Дамоклов меч» стал Теркин. Но это уже была инсценировка второй поэмы Твардовского «Теркин на том свете». Папа писал об этой работе: «Особенно дорога для меня эта роль воплощением солдатского оптимизма, верой в победу, глубокой ответственностью за судьбу страны».

С поэмой Александра Твардовского «Василий Теркин» папа познакомился еще в годы войны и, конечно, для солдата появление такого героя было событием. Разумеется, в то время он не мог и предположить, что через много лет выйдет на сцену в образе Василия Теркина, хотя и в другом произведении. Продолжение «Теркина» было написано в годы хрущевской «оттепели» и вызвало много противоречивых мнений, так же как и спектакль. Некоторые критики обвиняли Твардовского в том, что он как бы «демобилизовал»

прославленного воина из нашей действительности. А спектакль Театра сатиры и, естественно, режиссера-постановщика В. Плучека упрекали в том, что «действительно смысловые, идейные акценты в спектакле, по сравнению с поэмой, сползли в сторону пессимистического испуга перед злом» (Даль Орлов).

Про папу же критики писали: «А. Папанов, большой талант которого проявился в этой роли, допускает, в соответствии с общим замыслом спектакля, в характере героя интонации активные, саркастические и гневные. И если в сказке Теркин не принял «того света», высмеял его — и тем победил, то в спектакле он отступил» (Юрий Рыбаков).

Александр Трифонович Твардовский в статье, напечатанной в «Литературной газете» от 30 июля 1966 года, отвечает: «Нет, я не разделяю этих оценок спектакля и не принимаю противостояния его поэме. Более того, я вправе думать, что похвалы, отнесенные теперь к поэме, будто бы много потерявшей в сценическом воплощении, вызваны и подсказаны именно самим спектаклем, который помог, может быть, впервые, «прочесть» ее по-настоящему даже людям, ранее предубежденным». Далее Твардовский отмечает талантливый режиссерский замысел и великолепную игру основных исполнителей. Этот спектакль, к сожалению, недолго продержался в репертуаре Театра сатиры.

Лично с Твардовским отец познакомился на репетициях «Теркина», на которых поэт иногда присутствовал и даже делал свои замечания. Не могу сказать, что это было близкое знакомство,

но, тем не менее, я думаю, что это была счастливая встреча для актера Папанова. Присутствие автора на репетициях давало дополнительный стимул артистам к перевоплощению. В.Н. Плучек вспоминал, как Папанов репетировал: «Он импровизировал бесконечно и незабываемо. Удивлял обликом бойца в валенках, с фанерным сундучком, настолько естественным в каждом своем проявлении, что группа режиссеров из разных театров сошлась на мнении: «Теркин у Папанова, как Лев Толстой: богатая натура и правдив так, что иголку некуда просунуть». Как он приходил к такому Теркину? Была там такая сцена: во время допроса «на том свете» у героя в кармане обнаруживалась некая фотография. Его спрашивают — чья? Он отвечает: «Так... одной знакомой». В паузе — целая биография дорогого человека, судьба любимой женщины, обреченной на разлуку с ним, возможно, ушедшей из жизни. Где актер обнаружил такой «манок» чувства, которое поразительно прорвалось и потрясло всех нас? Где-то там, в тайниках лично пережитого. Такие мгновения на репетиции — свидетельства подлинного таланта. Жаль, что их не всегда видят зрители, что они чаще всего остаются дорогой тайной театра, восхищенных коллег.

Случилось так, что во время репетиций «Теркина на том свете» Твардовский попал в больницу. Понятно, что Плучек с Папановым навещали его. Тяжело больной Александр Трифонович назвал самым счастливым в своей жизни день, когда Папанов и Плучек навестили его в больницу, устроив у его постели импровизированный кон-

церт из шуток и анекдотов. Когда вышел спектакль, было отмечено, что Теркин и Папанов — одной, народной «закваски». Оба прошли войну, и оба наделены большим чувством юмора. Короче, это была «его роль». А самый дорогой для Папанова зрительский отклик — это отклик автора поэмы, самого Александра Трифоновича Твардовского. После спектакля он зашел за кулисы, поблагодарил актера и крепко пожал ему руку. В одной из статей в «Литературной газете» Твардовский написал: «И, пользуясь случаем, я хочу выразить мою самую глубочайшую признательность коллективу Театра Сатиры и всем зрителям спектакля «Теркин на том свете».

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ

Заочных несколько стаканов
По стойке, как солдат в строю,
За вас, мой дорогой Папанов,
Сегодня мысленно я пью.

За ваши годы фронтовые
В кино, на сцене, на войне
Я пью. И знаю: все живые
И мертвые примкнут ко мне.

Жалею только — что заочно,
А не у всех, не на виду!
Но кто же знал, что в дату точно
Вдруг в медсанбат я попаду?

Но скоро, честно отвечаю,
За вас, назло военврачу,
Я водки, а отнюдь не чаю,
Грамм двести пятьдесят хвачу!

*Ваш Константин Симонов.
Красная Пахра 13.X.73 г.*

Этот прекрасный стихотворный тост был посвящен К.М. Симоновым моему отцу в честь награждения актера почетным званием «Народный артист РСФСР» (хочу напомнить, что оно следовало за званием «Заслуженный артист РСФСР», но самым высоким было — «Народный артист СССР»). Тост был написан на титульном листе вышедшей в то время книги стихов Симонова, которая называлась «Тридцать шестой — семьдесят первый. Стихотворения и поэмы» и вышла в свет в издательстве «Художественная литература» в 1972 году. К книге было приложено письмо:

Милый Анатолий Дмитриевич!

Не снес перемены климата и уложен на несколько дней в постель. Очень огорчен этим, потому что очень хотел поздравить Вас, давно уже народного и всероссийски и всесоюзно — артиста — с этим самым прекрасным и добрым званием.

Я Вас очень люблю. Все остальное — на первой странице книжки в форме стихотворного тоста.

Ваш Константин Симонов
13.X.73 г.

Познакомился папа с Константином Михайловичем во время съемок фильма «Живые и мертвые». Надо заметить, что Симонов поддержал режиссера Александра Столпера в выборе Папанова на роль генерала Серпилина, несмотря на то, что Папанов был более известен как комедийно-гротесковый актер, хотя и сыграл в театре несколько драматических ролей. Как я уже писала, отец любил говорить, что утвердили его на эту роль из-за похожей внешности, описанной в ро-

мане. Симонов написал, что у Серпилина было «лошадиное» лицо.

Отец любил произведения Константина Михайловича: «Его стихи мы читали перед боем, их вспоминал я и в госпитале. Простые и лирические, они помогали в трудную минуту. А когда кончилась война, я решил стать актером, в театральном институте на вступительных экзаменах читал симоновского артиллериста¹». Поэзия Симонова была частью жизни этого поколения, стихи военного периода читали и переписывали, заучивали наизусть. Они сопровождали солдат на фронте и поднимали их боевой дух. Сам Симонов знал войну изнутри. Будучи военным корреспондентом газеты «Красная звезда», он всегда находился на передовой. Военная тема выстрадана писателем и отсюда правдивость и узнаваемость образов генерала Серпилина и других героев романа и фильма «Живые и мертвые».

Папа рассказывал, что Константин Михайлович часто приезжал на съемочную площадку, что-то подсказывал и следил за тем, чтобы на экран не попала никакая ложь — ни новенькие подогнанные гимнастерки и шинели, ни чистые лакированные сапоги, ни свежие розовощекие лица солдат. Симонов вместе со Столпером тщательно отсматривал отснятый материал и замечал всякую неправду, попавшую в кадр. Очень важно было то, что и папа знал войну не понаслышке. Он как-то сказал: «Я думаю, что делать фильмы о войне

¹ Стихотворение К. Симонова «Сын артиллериста» (*прим. ред.*).

должен тот, кто ее видел, приукрашивать войну нельзя». Симонов писал: «Я смотрел картину с ощущением, что актеры, играющие ее героев, конечно, когда-то сами прошли войну, сами своими глазами ее видели, иначе бы они так ее не сыграли. Об одном из них — Анатолии Папанове — я знал, что так оно и было, что он воевал и был ранен. О других не знаю, так это или не так, но все равно для меня война прошла через их души и заново потрясла меня далекими воспоминаниями».

А в другом выступлении писатель так сказал о Серпилине Папанова: «Сегодня много говорили об отличном исполнении артистом Папановым роли комбрига Серпилина. Должен вам признаться, что и я попал в плен созданного им образа, и мне уже было трудно во время работы над романом «Солдатами не рождаются» представить себе другого Серпилина».

Симонов испытывал к Папанову очень теплые чувства. Не говорю уже об отце, который просто боготворил Константина Михайловича. Знаю, что папе довелось побывать в доме писателя, который подарил ему свою трубку — она до сих пор хранится у нас как реликвия. Привожу здесь еще одно письмо, полученное от Симонова:

Дорогой Анатолий Дмитриевич!

Хочу от всей души поздравить Вас с Вашим пятидесятилетием.

Не знаю даже, что написать Вам в этот день. Я столько раз говорил Вам о своей любви к Вам и о той благодарности, которую я к Вам испытываю, что просто хочу еще раз повторить это.

Желаю Вам здоровья, счастья и новых работ. Всегда буду рад всякой новой встрече с Вами в театре, в кино или просто так.

Посылаю Вам на память книжки, неразрывно связанные в моей собственной памяти с Вами.

*Любящий Вас
Ваш Константин Симонов
25.X.72 г.*

Книжками с дарственной надписью, которые прислал писатель, была его знаменитая трилогия: «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето».

СЕМЕН СТЕПАНОВИЧ ГЕЙЧЕНКО

Удивительными людьми держится мир, его культура и история. Удивительные люди встречаются нечасто, но все-таки они встречаются, и от общения с ними, от их присутствия хочется жить, делать добро, верить в людей и надеяться на лучшее. Таким человеком и был Семен Степанович Гейченко, легендарный директор музея-заповедника в Пушкинских Горах. Еще в молодости Семен Степанович полюбил отечественную историю и культуру. Он окончил Петроградский университет. Это было в первые годы советской власти. До войны работал главным хранителем в Петергофских дворцах, потом в Пушкинском Доме (институт русской литературы). Во время войны был рядовым минометного расчета. Его тяжело ранило под Новгородом, и хирургам пришлось ампутировать ему руку, поэтому он не дошел до Пушкинских Гор и не участвовал в боях за эту землю.

Отступая из этих мест, фашисты оставили

здесь разруху. Под знаменитым дубом в Тригорском («У Лукоморья дуб зеленый...») они сделали блиндаж. Само Михайловское было превращено в узел обороны, парк перерыт ходами сообщения. В доме Пушкина находилась огневая позиция артиллеристов. Колокольня в Святогорском монастыре была взорвана, а могила поэта заминирована. Тогдашний президент Академии наук Сергей Иванович Вавилов назначил Семена Степановича Гейченко, которого знал еще до войны, директором Пушкинского музея-заповедника. Хотя музеем-заповедником тогда это было назвать трудно — здесь была пустыня. И в 1945 году Семен Степанович принял тяжелое наследство и вместе со своими единомышленниками поднял из руин этот замечательный памятник нашей истории. Почти пятьдесят лет жизни он отдал Пушкинскому заповеднику. Прошу прощения за небольшое отступление, поскольку, к сожалению, не все знают, кем был Семен Степанович Гейченко для русской культуры.

А познакомился с ним мой отец, когда тот приезжал в Москву по делам. Гейченко очень любил и хорошо знал творчество Папанова, мечтал познакомиться с ним лично. Его секретарь разыскала телефон отца, и Семен Степанович позвонил ему. Потом папа пригласил Гейченко к нам в гости. Конечно, говорили об искусстве, о литературе, об истории и, безусловно, о Пушкине. Семен Степанович так интересно рассказывал, что слушать его можно было бесконечно. Папа тоже очень любил Пушкина и много стихов помнил наизусть, исполнял в концертах. Знал много из

«Евгения Онегина», знал всего «Медного всадника», который даже был снят на телевидении как поэтический моноспектакль. Отец обожал, когда «Медного всадника» читал Владислав Стржельчик, замечательный артист БДТ, ныне тоже, к сожалению, покойный. Иногда, когда они встречались на концертах, отец просил его почитать эту поэму — даже не на сцене, а так, за кулисами. И всегда восторгался чтением Стржельчика, не боясь ему этого сказать.

Вообще у него была способность радоваться удачам и восхищаться успехами коллег. Рудольф Фурманов рассказывает, что слышал, как Папанов говорил Евгению Леонову: «Женя, ты большой артист! Ты артист лучше, чем я! Мне б так Иванова нипочем не сыграть! Как ты играешь! Мороз по коже...»

Так вот, искусство и Пушкин были двумя неиссякаемыми темами для Папанова и Гейченко, когда они встречались. А был у нас Гейченко в гостях несколько раз. В один из своих приездов застал в доме родителей мою старшую дочку Машу. Ей тогда было около шести лет. Она сразу полюбила дедушку Семена, который уделил ей много внимания и рассказывал сказки. На прощанье он подарил девочке свою книгу, которая называется «У Лукоморья». На ней он сделал надпись:

Машуне
Титовой
от дедушки Семена.
Расти большой поскорее,
Марфутка!!
9 апреля 1985 г.

Когда умер отец, мама получила от Гейченко телеграмму с соболезнованиями. Потом он приехал в Москву. Съездили на кладбище, поклонились, а потом, уже дома, помянули.

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ

*3 октября 1983 г.
Красноярск*

Дорогой Анатолий Дмитриевич!

Конечно же, я не буду оригинален, если скажу, что люблю Вас давно и неизменно, как артиста, больше, правда, виденного на экране, а не на сцене.

Но вот вчера вечером (у нас шел восьмой час вечера, самое хорошее время для душевной беседы, а в Москве в это время как раз самая была суета, бег с работы) слушал я Ваш разговор — беседу о Тютчеве, и то ли то, что я днем вернулся из больницы, где пролежал тяжело полтора месяца, то ли погода сырая и нудная, то ли память о Коле Рубцове, который обожал Тютчева и нам передал это обожание, то ли отголосок далекой детской зарницы, высветивший стихи Тютчева, известные в детстве, и уже сделавшиеся как бы памятью тебя самого, но так я был растроган, так мне захотелось обнять Вас, фронтовика, собрата по окопам и пожелать Вам всего хорошего, и чем-то отблагодарить Вас за такие счастливые и добрые минуты, за наслаждение словом и звуком, за воскрешение памяти и лучших светлых чувств, которые дремлют в нас, и все вокруг дружно делается для того, чтобы они вовсе ушли...

Вот посылаю Вам свою сутубо «личную» кни-

жечку, которая до Москвы не дойдет, а переиздаться вряд ли более будет, ибо уже указано, что издание ее было ошибочным, вредным действием, что книга «разоружает», вот только кого «разоружает» не сказано. Если американских поджигателей аж из Сибири разоружает, то действие литературы явно преувеличено. Полистайте книжечку-то. Она для неторопливого собеседования больше с самим собою, может, и Вас что тронет за душу.

Будьте всегда самим собой! Вам удалось это сделать даже в поэтической радиопередаче. Кланяюсь Вам! Живите долго, радуйте нас своим искусством и словом. Больше бывайте на радио! Его слушают миллионы наших замороженных граждан.

Преданно Вам В. Астафьев.

С этого письма начинаются добрые и дружеские отношения Виктора Петровича Астафьева и отца. Вскоре после того, как пришло это письмо, Астафьев сам приехал в Москву на съезд писателей. Папа пошел туда лично познакомиться с ним и поблагодарить за присланные книги. Нашел он Виктора Петровича в номере его друга, тоже прекрасного русского писателя Евгения Ивановича Носова. Встреча была очень радушной и теплой. Отец пригласил писателей в гости. Они пришли на следующий день. Мама накрыла стол. Долго сидели, беседовали. Надо заметить, что папа очень любил творчество писателей, которые в советское время назывались «деревенщиками», он своей открытой русской душой разделял боль о России, которая звучала в их произведениях. Помню, он сетовал на то, что театры хоть и обращаются к

инсценировкам этих писателей, но удачных спектаклей мало. Хотя в одном из интервью говорил как об удаче о спектакле «Дом» по произведениям Федора Абрамова в постановке Ленинградского молодежного театра.

Но вернусь к Астафьеву. Следующая встреча с писателем и его женой Марией Семеновной произошла у нас в доме, когда Астафьев приезжал в Москву по делам. Опять был радушный прием и душевная встреча за столом. Оказалось, что супруга писателя, Мария Семеновна, так же, как и моя мама, была на фронте медсестрой. Там она и познакомилась с будущим мужем. Астафьев рассказывал о своем детстве, о том, что воспитывался в деревне у бабушки, от которой остался дом.

Почти всякий раз, когда Астафьев бывал в Москве, один или с Марией Семеновной, он заходил к родителям в гости. Сколько раз Виктор Петрович приглашал их к себе в Красноярск! Была даже идея снять фильм по повести Астафьева «Поклонная гора» с участием отца, но этому не суждено было случиться.

Папа обожал творчество Астафьева. Он писал: «Свою дружбу с этим человеком считаю большой жизненной удачей. Это замечательный писатель: честный, умный, искренний. Его в высшей степени отличают качества, без которых, на мой взгляд, нет художника: умение делиться с нами своей добротой». Эту дружбу прервала смерть отца. Конечно, была телеграмма с соболезнованиями от Виктора Петровича. А на следующий год мама получила от него письмо, приуроченное к Новому году.

Дорогая Надежда Юрьевна!

Поздравляю Вас и Ваших близких с Новым годом, желаю найти радость во внуках и детях, и так-то представляю Ваши «радости» в Новый год, первый год без Анатолия Дмитриевича.

Храни его Господь на том свете!

Да будет ему пухом наша немилосердная земля!...

Я еще не смотрел фильм «Лето 53-го»... Боюсь! И звонить Вам боюсь, чтобы не ранить Вас еще и еще! Я все это уж очень хорошо и близко понимаю — позавчера был год и четыре месяца, как умерла наша дочь, оставив нам двух сирот. Еле-еле мы выжили ради детишек. Внучка-то совсем мала осталась, 4,5 годика ей было.

Но я обязательно позвоню Вам, как Ваше горе поутихнет и побываю у Вас, и на кладбище мы вместе сходим или съездим. Я очень любил Анатолия Дмитриевича и жалею, что поздно с ним познакомился и мало с ним общался. Вот гляжу на его улыбающийся портрет (помните, как выбирали его?), а висит он слева от меня среди родных и близких людей, и, кажется, вот-вот вдруг наклонится и скажет:

«И чего ты сидишь за столом е-на мать, погода вон какая хорошая, шел бы да бродил лучше».

Ох- хо-хоо — жизнь наша!

Прости меня, болтуна, Надя, и держись — так Богом завещано — переживать любимых людей нам и мучаться за них, оплакивать их самыми горькими и светлыми слезами.

Кланяемся, обнимаем —

*Мария Семеновна, Виктор Петрович
(Астафьевы)*

*21 декабря 1988 г.
г. Красноярск*

Конечно, вот такие искренние и душевные письма от друзей помогли маме восстанавливаться после тяжелой утраты... И побывал Виктор Петрович у мамы в гостях, и были на кладбище, где он поклонился праху, и посидели у нас дома, и помянули. Из Красноярска мама получала поздравления с разными праздниками, в свою очередь, тоже поздравляла эту семью. В сентябре 1992 года к 70-летию со дня рождения Папанова от Астафьева пришло еще одно письмо.

Дорогая Надя!
Надежда Юрьевна!

Как я ни изворачивался со временем своим, как мне ни хотелось бы встряхнуться и побывать на юбилее Анатолия Дмитриевича — ничего у меня не получается: как раз на конец лета и начало осени выпало несколько срочных работ...

Словами-то, наверное, я об Анатолии Дмитриевиче сказал бы горячее и лучше, чем на бумаге, но раз иного способа не остается, скажу главное: Папанов — явление чисто российское, по-русски естественное настолько, что он даже из ролей, вроде бы чуждых его природе, делал подлинно узнаваемый характер: генерал Серпилин, отставной полковник в кинофильме «Берегись автомобиля», политический зек в последнем его фильме «Холодное лето»... Эту роль вообще только он мог «вытянуть», вдохнуть в нее жизнь, потому как в сценарии она вся деревянная, сколоченная, будто табуретка неумелым столяром, когда все гвозди наружу и доски не струганы. Анатолий Дмитриевич сделал роль не просто значительной

в «Холодном лете», но и сам фильм подтянул на художественную высоту, где уже светится искусство.

Я мало видел его в театре — не повезло, но и там, в какой-то пустяковой пьесе из жизни домкома, он сотворил такую конфетку, что оближешься и от хохота слезы текут.

А еще его умение перевоплощаться от вечного Волка до проникновенного, какого-то небесного прикосновения к стихам Тютчева — и это при его-то, вроде бы совершенно «не театральной», скорее биндюжной дикции! Какое редкостное свойство таланта — обернуть недостатки природы на пользу своего искусства, грубую, нескладную внешность, голос, лишенный театральной изысканности, — и из всего этого сотворить не только достоинство, но и творческую индивидуальность, неповторимую и содержательную самобытность. Никогда и никто не сможет подражать Папанову. Его даже пародировать невозможно, хотя на первый взгляд кажется, кого и пародировать-то! Но эта редкость из тех, что близко лежит, да брать далеко.

Однажды я сказал Анатолию Дмитриевичу, что он всю жизнь играет не в «своем» театре, это же я говорил и Михаилу Александровичу Ульянову, и Льву Дурову, а сейчас вот талдычу Алексею Петренко — для всех этих актеров, для Папанова в первую голову, должен был существовать «свой» театр, где бы и труппа, и репертуар подбирались бы самим актером. И пусть бы он играл один-два спектакля в году, но «своих», самим им, натурой и талантом его высмотренных, учувствованных и найденных. Может быть, тогда актеры реже бы вздыхали о «своих» несыгранных ролях, особен-

но в русской и мировой классике. Может, не один шедевр, подобный «Дальше — тишина» или «Соло для часов с боем», увидели бы мы...

Но как мне не раз говорили: «Тут тебе не Франция, где Жан Габен получает все, что хочет, тут тебе Россия, и Олег Жаков, не менее талантливый и значительный, так и не удостоился роли, соответствующей его значительности...»

Но как бы там ни было, жизнь, прожитая Анатолием Дмитриевичем, значительна по содержанию, и не только на сцене, память о нем соответствует его обаянию, она светла, и остается только сожалеть, что Бог не дал ему долголетия и лишил нас всех радости общения с ним...

Кланяюсь русской земле, родившей сей редкостный самородок и упокоившей его. Царствие небесное достойному своего великого таланта, достойно пожившему на этом свете и много потрудившемуся во славу нашего, все еще живого, многострадального искусства.

Низко кланяюсь всем, кто пришел помянуть Анатолия Дмитриевича. Целую твои руки, Надежда Юрьевна. Храни тебя Бог.

*Виктор Астафьев.
7.9.92 г. Село Овсянка*

В ноябре 2001 года не стало Виктора Петровича Астафьева. Телеграмма:

*г. Красноярск Академический городок
д. 14 кв.55 Астафьевой*

Уважаемая Мария Семеновна! Примите мои искренние соболезнования по поводу кончины нашего дорогого Виктора Петровича. Его светлый образ всегда останется в моей памяти.

Ваша Папанова

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БАРУЗДИН

Не знаю, где и когда папа познакомился с Баруздиным, но знаю, что они испытывали друг к другу очень теплые чувства, ведь оба были фронтовиками. Они часто встречались на всяких съездах, конференциях и различных официальных встречах. Бывали встречи и в не официальной, в дружеской обстановке. Папа любил творчество Баруздина, любил читать журнал «Дружба народов», который в то время возглавлял этот писатель. Вообще, газет и журналов в нашей семье выписывалось очень много. Из толстых журналов это были: «Новый мир», «Иностранная литература», «Наш современник», «Октябрь», «Москва», «Юность», «Искусство кино», «Наука и жизнь» и, конечно, «Дружба народов». Привожу здесь несколько писем Сергея Баруздина, из которых видно, что он тоже очень симпатизировал отцу:

8 июня 1979 г.

Перedelкино

Милый Толя!

Только что слушал по ТВ, как ты читал «Медного всадника».

Это было прекрасно!

Ты — умница!

От души поздравляю!

Обнимаю!

Всегда твой С.А. Баруздин

10 июня 1980г.

Перedelкино

Милый Толя!

Сегодня начал слушать, как ты читаешь по радио «Живых и мертвых».

Очень хорошо!
Буду слушать дальше.

Сразу вспомнил тебя в роли Серпилина и давнюю нашу встречу с тобой и Константином Михайловичем на «Мосфильме», когда был первый просмотр фильма. Как много времени улетело!

А совпало еще так, что как раз в эти дни я пишу воспоминания о Константине Михайловиче.

И твой голос по радио как нельзя кстати.
Всех-всех благ тебе!
Не забывай!
Обнимаю!

Твой С.А. Баруздин

*11 мая 1983 г.
Переделкино*

Милый Толя!

Большое спасибо тебе за поздравления с самым дорогим нашим праздником! Прими и мои — запоздалые, но искренние!

Я только накануне праздника вернулся из Зап. Берлина, где не был с 45-го. Поездка была трудной, но интересной. Впрочем, 9 мая в «Правде» ты, наверное, читал о ней?

Всегда помню и очень люблю тебя. Честное мое отношение к тебе — отнюдь не преклонение перед твоим талантом, хотя доля этого есть. Вижу тебя на экране и всегда радуюсь, будто мы с тобой наедине.

9 мая были по традиции с Розой в парке Горького. До чего ж это волнительно!

Елена Папанова

Всех-всех благ тебе и твоему дому!
Горячо обнимаю!
Всегда твой!

С.А. Баруздин

Прошло много лет со дня смерти этих замечательных людей. Но никто не смог заменить ни Твардовского, ни Симонова, ни Гейченко, ни Астафьева, ни Баруздина, ни Папанова, как и многих других талантливейших людей земли русской.

Эпилог

21 февраля 2007 года наша старшая дочь Маша сделала нам замечательный подарок. На свет появился прекрасный мальчик весом 3 кг 110 г и ростом 51 сантиметр. Жизнь продолжается. И кто знает, может быть, этот сейчас еще маленький человечек через много лет выйдет на театральные подмостки, например, в роли Городничего или Фамусова. Ему тоже будет восторженно аплодировать публика, так же после спектакля у служебного входа будут поджидать поклонники его таланта, чтобы взять автограф, как в былые времена у его прадедушки, замечательного русского актера Анатолия Дмитриевича Папанова.

Размышления А.Д. Папанова об искусстве, о театре, о кино

«Актёр — это прежде всего мыслитель. Его талант определяется масштабом мышления, которому подчиняются все производные профессионального мастерства. Живую плоть искусства не заменяют никакие изощренные выкрутасы, духовность — псевдоправда».

(«Вечерний Минск», 13 июля 1985 г.)

«Корреспондент: — Вы говорили об актёрах-мастерах. Что, по-Вашему, включает в себя это понятие?»

Папанов: — Индивидуальность и еще раз индивидуальность. Ее ничем не заменить. Это во-первых. Конечно же, умение внутренне и внешне перевоплощаться, это, так сказать, азбука актерского искусства. В-третьих, темперамент, заметьте, не обнаженный, а скрытый. И еще: голос, яркий, запоминающийся, чарующий. Словом, широкую голосовую палитру».

(«Знамя Юности», 21 июля 1985г., Белоруссия)

«Самое прекрасное в искусстве есть человековидение. И это имеет самое прямое отношение к искусству артиста вне зависимости от того, где он занят — в театре или кино. Когда в результате творчества возникает образ человека с его чувствами, стремлениями, надеждами, это и есть само искусство, влияющее на зрителя путем эмоционального воздействия. Вот почему главная задача артиста видится мне в том, чтобы сделать зрителю «прививку» эмоциональности, а уж от эмоций вести его к мыслям».

А.Д. Папанов

«Ошибаются те, кто думает, что можно всерьез воссоздать жизнь умозрительным путем. Ее надо знать самому. Иначе зрители не поверят. Юмор должен логически вытекать из существа персонажа, помогать раскрытию мысли, темы всего произведения. Тогда он уместен. Когда же актер специально выжимает комедийные ситуации, чтобы только вызвать смех и обратить на себя внимание — этого, по-моему, недостаточно...»

Смеяться можно по-разному. Смех может быть осмысленным, а бывает глупым, таким, который Аркадий Райкин называет смехом «от щекотки».

«Я считаю, что у артиста должно быть одно хобби — сцена. А если у него остается время еще на что-то, то, мне кажется, ему надо срочно менять профессию».

«Я считаю, что драматический актер раньше тридцати лет не начинается. Чтобы иметь право что-то сказать, артист должен быть загружен жизненным опытом, значит, и обладать собственным виде-

нием, а не пробалтывать текст с глубокомысленным видом — во что никто уже не верит. А когда выходит актер с биографией, это сразу подкупает».

«Актер начинается, по-моему, с умения отойти от себя, вникнуть в характер, внутренне перевоплотиться в героя, принять его образ мышления, его оценку тех или иных событий».

«Я думаю, что пьесы Чехова при всей славной сценической истории, еще не исчерпаны. Они только надкушены... В духовном развитии, в становлении нравственного облика людей, дорого нам наследие Чехова — самый необходимый витамин».

(«Советская культура», 17 сентября 1987 г.)

«Иные наши сегодняшние эстрадные представления рождают ощущение, что ты в родной стране, как в загранице находишься. «Звезды» поют, висят на одной руке под куполом цирка, одетые в бог знает какие «блестящие» костюмы, они под оглушительную музыку выхлопывают у публики аплодисменты. Я не ретроград и хорошо понимаю, что современность рождает потребность, особенно у молодежи, в новых ритмах, в новых песнях и т. д. Но я знаю и другое: любое искусство не может быть навязчивым, оно убеждать должно, а не оглушать, духовность оно должно воспитывать, культуру, чувства, мысли, отношения».

(«Советская культура», 2 апреля 1985 г.)

«В искусстве, чем громче, тем фальшивее звучит зов «в даль светлую», если он не обеспечен личностью, судьбой, чуткой совестью зовущего. И вовсе

не обязательны в искусстве громкие фанфары, люди и шепот услышат, если есть в нем что-то достойное внимания. Искусство не может сделать человека счастливым, но зритель тянется к прекрасному, ибо жаждет живой сопричастности своей к мгновениям творчества, в котором явлена высота человеческого духа, красота чувств. Мгновения эти очень нужны человеку, они всю жизнь его могут озарить ярким светом, они, я уверен, делают его чище, душевнее, совестливее».

(«Советская культура», 2 апреля 1985 г.)

«Нужно жить с чувством, что ты никогда не изменял своему делу, не разменял его на звонкую, может быть, но, право же, недорогую монету легкого успеха. Да, артисты очень не равнодушны к нему, и те, кто всячески демонстрирует безразличие к успеху. Да, артисту хочется многое успеть, попробовать себя в разных жанрах: я, может, и на режиссуру отважусь. Но над всем этим, и внутри артиста, как главный закон, должна звучать все так же формула — «служенье муз не терпит суеты...»

(«Советская культура», 2 апреля 1985 г.)

«Актер — он, как писатель, ролями своими пишет свою «книгу», хорошо она пишется или плохо — зависит, конечно, от предложенной драматургии, и от уровня режиссуры, и от простого, наконец, везения. Но и от самого актера, от взыскательности его к собственному творчеству, и от его культуры и нравственности, в очень многом, зависит то, сколько ярких и сколько «проходных» страниц окажется в его «книге».

(«Советская культура», 2 апреля 1985 г.)

«Для меня сценические кумиры — Борис Щукин, Николай Хмелев, Михаил Тарханов, Иван Москвин. Я преклоняюсь перед этими великими артистами. Считаю их не только кумирами, но и наставниками, научившими меня многому. Они привлекли меня какой-то скрытой в них, закрученной пружиной, которая в нужную ширину разворачивается с огромной внутренней силой. И мало сейчас в нашей актерской семье (да простят меня братья) таких туго натянутых пружин».

(«Диалог с актерам». Николай Обалкин, ВТО, 1982 г.)

«Я отношусь к тем людям, которые ставят перед собой конкретные, реальные задачи. Не люблю, когда говорят: ах, я мечтаю сыграть того-то и того-то, нашего современника и т. д. Можно, по моему и сыграть ложку или бульдозер в мультфильме, и получить от этой роли железки такое творческое удовлетворение, больше, нежели сыграв некоего абстрактного современника с «железкой» вместо сердца. Главное, чтобы работа нравилась зрителям, чтобы в ней была жизнь».

(«Орехово-Зуевская правда» 1985 г.)

«Как правило, хороший артист, который заставляет подтягиваться и других. Когда первая скрипка в оркестре удивительно точно доносит мысль автора, оригинально ее интерпретирует, то, конечно, и весь оркестр старается не ударить в грязь лицом. Правда, здесь бывают исключения».

(«Советский экран» № 3, февраль 1984 г.)

«Играть себя в предлагаемых обстоятельствах — это, с моей точки зрения, играть простую гамму, а вот сложные пассажи — это, конечно, грим, пе-

революционные, потому что театр — то, что нужно видеть.

Это высшая форма актерского искусства — умение войти в образ. Важно то, что в данной роли у вас меняется отношение к миру. И вот эта разность отношений к миру и есть волшебство. Я не говорю об опошлении, когда человек прячется за бороду (ах, его сегодня не узнать!). Я говорю о перевоплощении, где вы видите личность актера, испытываете воздействие его личности, но воздействие, опосредованное через образ».

«Смех — дело важное. В театре драмы не сразу увидишь разбежавшимся взглядом, спит зритель или просто тихо сидит. А у нас — если смеется, то, значит, не спит. Но должна существовать грань между смехом осмысленным и от щекотки. Наша работа — создавать смех не как трюк, а для избавления от пороков. Мы очень много думаем над тем, как смешить. Пусть этот смех до костей прожигает, но не унизит при этом. Цель сатиры — бороться за достоинство человека, а не прививать ему комплекс неполноценности».

«Сегодняшняя жизнь предъявляет к актеру слишком высокие требования, чтобы рассчитывать на внезапное озарение. Нужно работать. Сегодня. А не завтра. Как пчела, которую не впустят в улей без ее доли нектара. У нас хлеба зря не выдают. Крупнейшие артисты — это труженики в поте лица».

«Корреспондент: — Что Вы цените в людях больше всего?

Папанов: — Совесть, совесть! Можно быть ин-

теллектуально развитым, можно быть кем угодно, но если человек бессовестный, то уже для меня этот человек не существует, будь он хоть семи пядей во лбу... А может человек быть и необразованный, и не кандидат наук, но самое красивое в этом человеке, что он способен покраснеть. А ведь как прекрасно, когда человек краснеет, ему стыдно. Вот это качество совести я очень ценю в людях. И, конечно же, ценю в людях человечность. Понимаете, я не люблю глухих, черствых людей. Они дальше носа своего ничего не видят. А вот когда человек может тебя понять, войти в твое положение — это ценнейшее качество человека».

(«Северная правда», г. Кострома, 15 октября 1985 г.)

«Мне кажется, эти слагаемые — талант и ответственность — вообще определяют эмоциональное воздействие подлинного искусства на человека, особенно, если у него тяга к прекрасному воспитывается с самого раннего детства. Искусство — средство познания человеком себя и мира, в котором он живет. Наиболее прямой и краткий путь к познанию жизни и самого себя — от эмоции к разуму».

(«Советская культура», 16 октября 1984 г.)

«Ведь наше актерское ремесло — человековедение. Нельзя быть актером, нельзя быть художником без любопытства к жизни. Я подразумеваю именно это изучение жизни в ее великом многообразии. Только познав жизнь, можно отчетливо сформулировать свою тему».

(«Литературная газета», 12 ноября 1966 г.)

«Корреспондент: — Счастливая ли у Вас актерская судьба, Анатолий Дмитриевич?»

Папанов: — В какой-то степени, да. Но я еще не сыграл тех ролей, о которых мечтал с юности. Вообще, мне кажется, по-настоящему актер начинается после сорока лет. А я только в начале этого срока. Мечтаю об Арбенине, короле Лире, Тартюфе».

(«Советская культура», 6 сентября 1969 г.)

«Корреспондент: — Что для Вас является главным в мастерстве актера?»

Папанов: — Способность к перевоплощению, внутреннему, психологическому. Но сочетание внутреннего ощущения образа с его внешним решением для меня необходимо».

(«Советская культура», 6 сентября 1969 г.)

Роли, награды,
то, что раньше называли
послужным списком

ПАПАНОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

1958 г. — присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

1966 г. — вручена Государственная премия РСФСР в области кинематографии им. братьев Васильевых.

1966 г. — присвоено звание народного артиста РСФСР.

1973 г. — присвоено звание народного артиста СССР.

1975 г. — награжден орденом Великой Отечественной войны II степени.

1981 г. — награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1985 г. — награжден орденом Великой Отечественной войны I степени.

1986 г. — награжден орденом Октябрьской революции.

1989 г. — присвоена Государственная премия СССР (посмертно).

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР

Русский драматический театр г. Клайпеда (1947–1948 гг.)

1948 год

Сергей Тюленин

«Молодая гвардия» (по роману А. Фадеева)

Леонид Борисович

«Машенька» А. Афиногорова

Рекало

«За тех, кто в море!» Б. Лавренева

Тристан

«Собака на сене» Лопе де Вега

Московский государственный академический Те- атр сатиры (1948–1987)

1948 год

Ашот Мисьян, матрос

«Вас вызывает Таймыр» А. Галича, К. Исаева

постановка А. Гончарова

Сыромятов

«Женитьба Белугина» А. Островского

постановка А. Гончарова

1949 год

Джек Холлидей

«Мешок соблазнов» Марка Твена

постановка Н. Петрова

Лыжиков

«Роковое наследство» Л. Шейнина

постановка Н. Петрова

Забелин

«Кто виноват?» Г. Мдивани

постановка Э. Краснянского

Гржимайло, Латин

«Положение обязывает» Г. Мунблига

постановка А. Гончарова

Пустославцев, Нептун, Помощник режиссера

«Лев Гурыч Синичкин» А. Бонди (по А. Ленскому)

постановка Э. Краснянского

Первый купец

«Комедия ошибок» В. Шекспира
постановка Э. Краснянского

1950 год

Муравьев, Пирогов

«Свадьба с приданным» Н. Дьяконова
постановка Б. Равенских

1951 год

Яков

«Не ваше дело» В. Полякова
постановка В. Плучека

Мытыл

«Женихи» А. Токаева, В. Шкваркина
постановка А. Гончарова

1952 год

Ионеску

«Потерянное письмо» И. Кораджале
постановка Н. Петрова и В. Плучека

1953 год

Алупкин

«Страницы минувшего» (Вечер русской классической
сатиры).

«Завтрак у предводителя» И. Тургенева
постановка В. Плучека

Завгар

«Где эта улица, где этот дом?» В. Дыховичного,
М. Слободского
постановка Э. Краснянского

1954 год

Констебль

«Судья в ловушке» Г. Филдинга
постановка С. Колосова

1955 год

Бушмен

«Последняя сенсация» М. Себастьяна
постановка Э. Краснянского

Шафер, двуногое четвероногое

«Клоп» В. Маяковского
постановка В. Плучека и С. Юткевича

Синицын

«Поцелуй феи» З. Гердта, М. Львовского
постановка Э. Краснянского

1956 год*Гобле*

«Жорж де Валера» («Только правда»)

Ж.-П. Сартра

постановка В. Плучека

1957 год*Емельян Черноземский*

«Квадратура круга» В. Катаева

постановка Г. Зелинского

Иван Иванович

«А был ли Иван Иванович?» Н. Хикмета

постановка В. Плучека

Англичанин, Вельзевул

«Мистерия-буфф» В. Маяковского

постановка В. Плучека

1958 год*Корейко*

«Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова

постановка Э. Краснянского

1959 год*Почесухин*

«Памятник себе» С. Михалкова

постановка В. Плучека

Боксер

«Дамоклов меч» Н. Хикмета

постановка В. Плучека

1960 год*Воробьянинов*

«Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова

постановка Э. Гарина и Х. Локшиной

Фабрис

«Обнаженная со скрипкой» Н. Куарда

постановка В. Плучека

1961 год*Крячка*

«Яблоко раздора» М. Бирюкова

постановка В. Плучека

1962 год*Манган*

«Дом, где разбиваются сердца» Б. Шоу

постановка В. Плучека

1963 год

Полотер

«Гурий Львович Синичкин» В. Дыховичного,
М. Слободского, В. Масса, М. Червинского
постановка Д. Тункеля

1966 год

Василий Теркин

«Теркин на том свете» А. Твардовского
постановка В. Плучека

1967 год

Бродский

«Интервенция» Л. Славина
постановка В. Плучека

Юсов

«Доходное место» А. Островского
постановка М. Захарова

1968 год

Яблоков

«Банкет» А. Арканова и Г. Горина
постановка М. Захарова

Снежин

«Последний парад» А. Тейна
постановка В. Плучека

1970 год

Сысоев

«У времени в плену» А. Штейна
постановка В. Плучека

1972 год

Городничий

«Ревизор» Н. Гоголя
постановка В. Плучека

Дед Цыбулька

«Таблетку под язык» А. Макаенка
постановка В. Плучека

1973 год

Шубин

«Маленькие комедии большого дома»
А. Арканова и Г. Горина
постановка А. Миронова и А. Ширвиндта

1974 год*Шафер*

«Клоп» В. Маяковского
 постановка 1955 года В. Плучека и С. Юткевича.
 Сценическая редакция 1974 г. В. Плучека

1975 год*Махарыч*

«Ремонт» М. Рощина
 постановка В. Плучека

1976 год*Фамусов*

«Горе от ума» А. Грибоедова
 постановка В. Плучека

1977 год*Хлудов*

«Бег» М. Булгакова
 постановка В. Плучека

1980 год*Судаков*

«Гнездо глухаря» В. Розова
 постановка В. Плучека

1982 год*Пожарник*

«Концерт для театра с оркестром» Г. Горина
 и А. Ширвиндта
 постановка А. Ширвиндта

1984 год*Гаев*

«Вишневый сад» А. Чехова
 постановка В. Плучека

1985 год*Тесть*

«Родненькие мои» А. Смирнова
 постановка В. Плучека

1986 год*Гицэ*

«Рыжая кобыла с колокольчиком» И. Друцэ
 постановка В. Плучека

1987 год

Анатолий Дмитриевич Папанов поставил
 спектакль по пьесе М. Горького «Последние»

ПАПАНОВ В КИНО

1952 год

Адъютант великого князя (эпизод)

фильм — «Композитор Глинка» (Мосфильм)

режиссер — Г. Александров

1961 год

Крохалев и ему подобные

фильм — «Человек ниоткуда» (Мосфильм)

режиссер — Э. Рязанов

эпизод в фильме — «Казаки» (Мосфильм)

режиссер — Р. Пронин

Редактор

фильм — «Совершенно серьезно» (Мосфильм)

режиссер — Э. Рязанов

Администратор парка

фильм — «Человек идет за солнцем»

(Молдова-фильм)

режиссер — М. Калик

1962 год

Поэт Безлошадных

фильм — «Бей, барабан!» (Мосфильм)

режиссеры — А. Митта и А. Салтыков

Аким Севостьянович

фильм — «Порожний рейс» (Ленфильм)

режиссер — В. Венгеро

Фонарев

фильм — «Ход конем» (Мосфильм)

режиссер — Т. Лукашевич

1963 год

Крячко

фильм — «Яблоко раздора» (Мосфильм)

режиссер — В. Плучек

Николай Васильевич

фильм — «Приходите завтра»

(Одесская киностудия)

режиссер — Е. Ташков

эпизод в фильме — «Родная кровь» (Ленфильм)

режиссер — М. Ершов

Генерал Сертилин

фильм — «Живые и мертвые» (Мосфильм)

режиссер — А. Столпер

эпизод в фильме — «Стежки-дорожки» (Киевская киностудия)

режиссеры — О. Борисов и А. Войтецкий

1964 год*Кутайцев*

фильм — «Дайте жалобную книгу» (Мосфильм)

режиссер — Э. Рязанов

Филипп

фильм — «Мать и мачеха» (Ленфильм)

режиссер — Л. Пчелкин

1965 год*Иванов-отец*

фильм — «Наш дом» (Мосфильм)

режиссер — Р. Пронин

1966 год*Сокол-Кружкин*

фильм — «Берегись автомобиля!» (Мосфильм)

режиссер — Э. Рязанов

Врач Бондаренко

фильм — «Дети Дон-Кихота» (Мосфильм)

режиссер — А. Карелов

Профессор Аникеев

фильм — «Иду на грозу» (Ленфильм)

режиссер — С. Микаэлян

Старцев

фильм «В городе С» (Ленфильм)

режиссер — И. Хейфиц

Максим Вараввин, капитан Полутатарин

фильм — «Веселье расплюевские дни»

режиссеры — Э. Гарин и К. Локшина

1968 год*Командир полка*

фильм — «Служили два товарища» (Мосфильм)

режиссер — В. Карелов

Механик

фильм — «Бриллиантовая рука» (Мосфильм)

режиссер — Л. Гайдай

Магара

фильм — «Виринея» (Ленфильм)

режиссер — В. Фетин

1969 год

Генерал Сертилин

фильм — «Возмездие» (Мосфильм)

режиссер — А. Столпер

Чубуков

фильм — «Семейное счастье» (сюжет «Предложение»)

(Мосфильм)

режиссер — С. Соловьев

1970 год

Дубинский

фильм — «Белорусский вокзал» (Мосфильм)

режиссер — А. Смирнов

1971 год

Атаман Ангел

фильм — «Адъютант его превосходительства»

(Мосфильм)

режиссер — Е. Ташков

Командировочный

фильм — «Джентльмены удачи» (Мосфильм)

режиссер — А. Серый

Сахно

фильм — «Разрешите взлет!» (Ленфильм)

режиссеры — А. Вехотко и Н. Трощенко

Отец Наташи

фильм — «Ход белой королевы» (Ленфильм)

режиссер — В. Садовский

1973 год

Шофер Борис Иванович

фильм — «Дела сердечные» (Мосфильм)

режиссер — А. Ибрагимов

1974 год

Иванов

фильм — «День приема по личным вопросам»

(Ленфильм)

режиссер — С. Шустер

Ваня Каретников

фильм — «Одиножды один» (Ленфильм)

режиссер — Г. Полока

1975 год

Воронцов

фильм — «Одиннадцать надежд» (Ленфильм)

режиссер — В. Садовский

Следователь Мазин

фильм — «Страх высоты» (Мосфильм)

режиссер — А. Сурин

1977 год

Няня

фильм — «По семейным обстоятельствам»

режиссер — А. Коренев

Городничий

фильм — «Инкогнито из Петербурга» (Мосфильм)

режиссер — Л. Гайдай

1979 год

Генрих Осипович

фильм — «Инженер Графтио» (Ленфильм)

режиссер — Г. Казанский

Дед Нади

фильм — «Все решает мгновение»

(Ленфильм)

режиссер — В. Садовский

Манохин

фильм — «Пена» (Мосфильм)

режиссер — А. Стефанович

Звездочет

фильм — «Любовь моя — печаль моя»

(Мосфильм и Туграфильм (Турция))

режиссер — А. Ибрагимов

1982 год

Дед Луков

фильм — «Отцы и деды» (Киностудия им. Горького)

режиссер — Ю. Егоров

1984 год

Владимир Дмитриевич

фильм — «Время желаний» (Мосфильм)

режиссер — Ю. Райзман

1987 год

Копалыч

фильм — «Холодное лето пятьдесят третьего»

(Мосфильм)

режиссер — А. Прошкин

ПАПАНОВ И МУЛЬТФИЛЬМЫ

1960

«Машенька и медведь»

(Союзмультфильм) режиссер Р. Качанов

«Про козла»

(Союзмультфильм) режиссеры И. Боярский
и В. Кучеревский

1961 год

«Фунтик и огурцы»

(Союзмультфильм) режиссер А. Аристов

«Муравьишки-хвастунишки»

(Союзмультфильм) режиссер В. Полковников

«МУК» №5

режиссеры В. Пекарь, В. Попов

«Ключ»

(Союзмультфильм) режиссер Л. Артамонов

1962 год

«Зеленый змий»

(Союзмультфильм) режиссер В. Полковников

1963 год

«Бабушкин козлик»

(Союзмультфильм) режиссер Л. Амальрик

1964 год

«Кот-рыболов»

(Союзмультфильм) режиссер В. Полковников

«Кто поедет на выставку»

(Союзмультфильм) режиссер В. Дегтярев

«Жизнь и страдания Ивана Семенова»

(Союзмультфильм) режиссеры В. Курчавский,
В. Серебряков

«Лягушонок ищет папу»

(Союзмультфильм) режиссер В. Качанов

«Приключения запятой и точки»

(Союзмультфильм) режиссер Н. Федоров

1965 год

«Пастушок и трубочист»

(Союзмультфильм) режиссер Л. Атаманов

«Ваше здоровье!»

(Союзмультфильм) режиссер И. Аксенчук

«Чьи в лесу шишки» (озвучивание роли Волка)

(Союзмультфильм) режиссеры М. Каменецкий
и И. Уфимцев

1966 год

«Портрет»

(Союзмультфильм) режиссер В. Качанов

«Рики-Тики-Тави» (озвучивание роли Кобры)

(Союзмультфильм) режиссер А. Снежко-Болоцкая

«Про злую мачеху»

(Союзмультфильм) режиссеры В. Брумберг
и З. Брумберг

«Происхождение видов»

(Союзмультфильм) режиссер Е. Гамбург

«Зайдите, пожалуйста!»

(Союзмультфильм) режиссер М. Ботов

«Хвосты»

(Союзмультфильм) режиссер В. Полковников

1967 год

«Кузнец-калдун»

(Союзмультфильм) режиссер П. Саркисян

«Легенда о злом великане»

(Союзмультфильм) режиссер Иванов-Вано

«Маугли» (озвучивание роли тигра Шер-хана)

(Союзмультфильм) режиссер Р. Давыдов

«Машина времени»

(Союзмультфильм) режиссеры В. Брумберг
и З. Брумберг

«Ну и Рыжик!»

(Союзмультфильм) режиссер М. Каменецкий

«Паровозик из Ромашкова»

(Союзмультфильм) режиссер В. Дегтярев

«Самый большой друг»

(Союзмультфильм) режиссер П. Носов

1968 год

«Чуня»

(Союзмультфильм) режиссер Ю. Прытков

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРОЛОГ. ЯБЛОКИ НА СНЕГУ	8
УСАЧЕВКА	11
НИНА	39
ГИТИС	49
ДОМ НА САВВИНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ. МАМА	59
КЛАЙПЕДА	79
И СНОВА МОСКВА	95
ОБЩЕЖИТИЕ	105
МОЕ ДЕТСТВО	117
ТЕАТР САТИРЫ	133
ГАСТРОЛИ, ПОЕЗДКИ	163
ДАЧА	199
НОВАЯ КВАРТИРА	217
НАША СЕМЬЯ... ДО	247
...И ПОСЛЕ	281
ОПЯТЬ ГИТИС	295
АНДРЮША	311
СЧАСТЛИВЫЕ ВСТРЕЧИ	339
ЭПИЛОГ	361
РАЗМЫШЛЕНИЯ А.Д. ПАПАНОВА ОБ ИСКУССТВЕ, О ТЕАТРЕ, О КИНО	362
РОЛИ И НАГРАДЫ...	370

Литературно-художественное издание
СТИХИ И БИОГРАФИИ

**Елена
ПАПАНОВА**

*Хочу
рассказать...
книга об отце*

Ответственный редактор А. Корина
Художественный редактор А. Новиков
Технический редактор В. Бардышева
Компьютерная верстка О. Шувалова
Корректоры Н. Борисова, О. Благова

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 22.01.2009.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 20,16 + вкл.
Тираж 3000 экз. Заказ № 579

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-66-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanс@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanс-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЭКО, пр-т Буховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-66-74.**

Автор этой книги – Елена Папанова, дочь всенародно любимого артиста Анатолия Дмитриевича Папанова. Елена пошла по стопам родителей: она актриса, работает в Театре им. Ермоловой, преподает в Институте современного искусства.

В этой книге она рассказывает об отце, о своей семье. Это очень искренняя и добрая книга с милыми сердцу подробностями жизни и быта послевоенной Москвы с ее коммуналками и их нравами, с тихими и уютными московскими улочками и переулочками, по которым любил бродить, заучивая роли, ее отец.

Предисловие к книге написал А.А. Ширвиндт, художественный руководитель московского Театра Сатиры, в котором Анатолий Папанов проработал без малого 40 лет.

ISBN 978-5-699-33048-5

9 785699 330485 >

ЭКСМО

